

КОНДРАТИЙ БИРКИН

ВРЕМЕНЩИКИ
И ФАВОРИТКИ

Кондратий Биркин

Временщики и фаворитки

«Public Domain»

Биркин К.

Временщики и фаворитки / К. Биркин — «Public Domain»,

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков. Иван Грозный, Екатерина Медичи, Мария Стюарт, Людовик XIV – эти персонажи и их окружение становятся главными героями исторических хроник писателя.

© Биркин К.

© Public Domain

Содержание

Об авторе	5
Вступление	7
ВРЕМЕНЩИКИ И ФАВОРИТКИ	11
Генрих VIII, король английский	11
Елена Васильевна Глинская, государыня и великая княгиня, правительница всея Руси. Детство и отрочество царя Ивана Васильевича Грозного	26
Сулейман II	35
Екатерина Медичи. Карл IX	40
Генрих III	58
Генрих IV	65
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Кондратий Петрович Биркин

Временщики и фаворитки

Об авторе

Кондратий Биркин – один из псевдонимов русского историка и литератора XIX века Петра Петровича Каратыгина (1832–1888), сына известного актера Петра Андреевича Каратыгина.

Петр Петрович Каратыгин получил домашнее воспитание и образование, в учебных заведениях не обучался и «аттестата о науках не имел». В 19 лет Петр Каратыгин поступил на службу канцеляристом в Департамент внешней торговли и прослужил там три года, после чего еще два года служил вольноопределяющимся в Императорском австрийском полку Франца I. Все последующие годы Каратыгин зарабатывал на жизнь исключительно литературным трудом.

В двадцать пять лет в бенефис отца, Петра Андреевича Каратыгина, П. П. Каратыгин впервые вышел на сцену Александринского театра и очень успешно дебютировал, но в труппу театра так и не был принят. Отец объяснял это происками недоброжелателей, а сам П. П. Каратыгин не считал, что создан для сцены и характеризовал себя так: «...я совершенный медведь и нелюдим... образ моей жизни самый замкнутый и уединенный».

П. П. Каратыгин постоянно сотрудничал с журналами «Всемирный труд», «Русская старина», «Исторический вестник», публиковался в «Современнике», газете «Свет» и других изданиях. После смерти отца в 1879 году, еще при жизни доверившего все свое немалое состояние недобросовестному человеку, П. П. Каратыгин не получил ни копейки и вынужден был браться за любую литературную работу, что в конце концов и истощило его силы.

Наибольшую известность принесли Каратыгину исторические и историко-литературные исследования, составившие самую ценную часть его литературного творчества. Тема, которая интересовала литератора всю жизнь, и к которой он возвращался на протяжении всего творчества – история Петербурга. Каратыгин посвятил любимому городу монографию «Холерный год. 1830–1831», в которой собраны многочисленные свидетельства и рассказы очевидцев, а также наиболее полную «Летопись петербургских наводнений. 1703–1879». Большой интерес Каратыгина к истории вылился в ряд документально-исторических очерков: «Императрица Мария Александровна», «Великий князь Михаил Павлович», «Светлые минуты императора Павла», «Сила Андреевич. Характеристические черты из жизни графа Аракчеева», «Бенкендорф и Дубельт» и многие другие.

Будучи опытным и добросовестным литератором, Каратыгин составил ряд историко-литературных очерков, которые отличаются живым языком и доступной формой изложения. При работе историк пользовался официальными документами, архивными материалами, письмами, воспоминаниями современников, устными рассказами очевидцев и активно вводил в свой материал сведения прежде неизвестные или недоступные для печати. Перу Каратыгина принадлежат также труды об Александре Сергеевиче Пушкине, о Наталье Николаевне Пушкиной (Гончаровой), о Тарасе Григорьевиче Шевченко, литературно-бытовой портрет Ф. В. Булгарина, о цензуре времен императора Павла I и многие другие.

Хорошо знакомый с театральной средой, Каратыгин собрал богатый материал по истории русской сцены с описанием закулисных нравов и преданий, биографическими очерками и сценическими портретами под названием «Русский театр, артисты и артистки. 1801–1855».

К исторической беллетристике Каратыгин обращался, скорее всего, ради заработка, активно используя наработки для своих историко-литературных трудов. Одним из самых зна-

чительных трудов Петра Петровича Каратыгина стали «Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII вв.» – хроники исторических скандалов при дворах европейских и русских монархов, впервые вышедшие в свет в Петербурге в 1870–1871 гг. и до сих пор вызывающие неугасающий интерес у читателей.

Вступление

Sur cent favoris du roi, quatre-vingt cinq ont ete pendus.
Napoleon I

La femme d'un charbonnier est plus respectable que la maitresse d'un prince.
J.-J. Rousseau

Внимательно перечитывая летописи былых времен, наши и иностранные, невольно приходишь к тому убеждению, что, кроме ненависти, злобы, эгоизма, зависти, и *любовь* играла не последнюю роль во многих мировых событиях и весьма часто оказывала немаловажное влияние на судьбы народов и целых государств. К сожалению, к этому вопросу – *о значении любви в истории* – с должным вниманием доньше относились весьма немногие, и нельзя надивиться бедности европейских литератур по части биографий героев и героинь, эксплуатировавших слабости сильных мира сего – временщиков и фавориток, бывших спутниками и спутницами многих светил политического горизонта, одновременно с последними и затмевавшимися. В чем искать причины равнодушия новейших историков к этому фазису домашней, так сказать, закулисной жизни монархов былых времен? Не опасно ли вводить скандалезный элемент в такую строгую, серьезную науку, какова история? Если так, то подобный взгляд, узкий и слишком односторонний, напоминает жеманницу, отворачивавшуюся от наготы античной статуи, или малодушного брюзгу, опрометью бросающегося наутек от смрадного трупа из анатомического театра. Наука и скандал несовместны: для антиквария или художника античная статуя, несмотря на ее наготу, точно такой же драгоценный предмет для изучения, как рассекаемый смрадный труп для анатомиста. От историка, посвятившего свое перо жизнеописанию фавориток, никто и не потребует сальных анекдотов; в биографии фаворита или временщика не должно быть страниц, напоминающих Аретино, Боккаччо или Лафонтена. Если к *любви* в истории отнестись единственно как к источнику добра и зла, если на *любовь* посмотреть только как на *силу слабых и слабость сильных*, тогда биография временщика или фаворитки, бесспорно, может иметь смысл и значение.

Геркулес, прядущий у ног Омфалы или облачающийся в хитон Деяниры, Самсон, покорно склоняющий голову под ножницы Далилы, – символы многозначительные! В них олицетворения любви и неги, торжествующих над силою и могуществом и побеждающих героев непобедимых... И сколько раз в истории встречаются нам те же Геркулесы с Омфалами и Самсоны с Далилами в лицах правителей царств и их фавориток: Таис подстрекает Александра Македонского сжечь Персеполис, Антоний предпочитает римскому престолу ложе Клеопатры, дочь Иродиады требует у Ирода головы праведника и получает ее... В руках Мессалины – тигрицы, страдающей нимфоманией, – слабоумный Клавдий дуреет окончательно; Нерон, обольщенный блеклыми прелестями достойной матери своей, Агриппины, или ласками Помпеи, прибавляет к своей биографии несколько лишних страниц, написанных кровью. Мудрый Юстиниан становится бесхарактерным ребенком пред своей Теодорой; бич Божий Атиллы умирает в объятиях красавицы... Как мал и ничтожен Карл Великий, плачущий над гробом своей любовницы, от которого его не могут оторвать, к которому, по наивному объяснению летописцев, его влечет *волшебная сила*.

Минуя длинный ряд многих великих событий, в которых любовь являлась главным деятелем, укажем на Франциска I, сведенного в могилу ядовитыми ласками прелестной Фероньеры; на Генриха IV, преклоняющего колени пред Габриэлью д'Эстре; на грозного Ришелье, пляшущего сарабанду пред Анной Австрийской... Вот, наконец, влюбчивый Людовик XIV,

напевающий нежности какой-нибудь Лавальер, Монтеспан; или он же, версальское солнышко на закате, под башмаком ханжи Ментенон, вдовы шута Скаррона.

Восемнадцатый век, открывающийся во Франции безумными оргиями Регентства и оканчивающийся кровавыми поминками по убиенной монархии, – восемнадцатый век особенно богат временщиками, фаворитами и фаворитками повсеместно. Август Саксонский хвалится распутством, не на шутку воображая себя Юпитером; любовницы играют им как пешкой, а он, в угоду любовницам, играет честью и совестью... «Cotillon I, Cotillon II, Cotillon III!» – угрюмо считает своих державных неприятельниц Фридрих II, суровый ненавистник прекрасного пола; и в числе этих трех «юбок» находится титулованная любовница Людовика XV – маркиза Помпадур. Эту женщину целомудренная, высоконравственная Мария-Терезия, императрица австрийская, удостаивает самой радушной приязни, распространяющейся и на преемницу маркизы – Жанну Вобернье, графиню Дюбарри...

La maitresse de Blaise,
La belle Bourbonnaise,
Est fort mal a son aise!..¹ —

распевает о ней озлобленный народ французский. Эта «Бурбоннеза» – прелюдия «Марсельезы»; памфлеты и пасквилы, которыми со всех сторон осыпают короля и его фаворитку, пишутся перьями, очиненными ножичком *Дамьена*.² Дряхлеющий и коснеющий в разврате Людовик XV сам поет слагаемые о нем водевили и песенки, упуская из виду, что народ его обыкновенно начинает песенками дела нешуточные: под песенки Лиги и Фронды лилась кровь... Но король равнодушно хохочет над памфлетами, читает пасквилы и, отнимая у народа последние крохи, тешит свою Дюбарри сюрпризами да подарочками. Таким образом, хлеб в его руках превращается в камни, хотя и драгоценные, но от этого не легче народу, негодование которого растет да растет. Всмотритесь в Дюбарри и Людовика XV: разве эта красавица, отнимающая у народа последний кусок хлеба, а у королевской власти – всю ее силу и значение, не та же Далила, остригающая Самсона? А предпоследний король Франции разве не напоминает Ирода, царя иудейского, жертвующего Иродиаде головою Иоанна Крестителя?... Одной ли головой? Пересчитайте, сколько невинных голов легло под гильотину.

Мы указали на те исторические факты, в которых любовь являлась в виде источника зла, когда она не только свергала королей с престолов, но даже лишала человека достоинства человеческого, низводя его на степень животного. Такова изнанка любви; не должно упускать из виду, что это самое чувство может так же подвинуть человека к высокому и прекрасному. Бросим же беглый взгляд на светлую сторону любви, на ее роль доброго гения в судьбах монархов и народов.

Почти повсеместно любовь, являясь в лице цариц-христианок, жен царей-язычников, была участницей в великом деле просвещения царств светом Христовым. В истории находим не одну женщину – законную супругу или фаворитку, употреблявшую влияние свое на могучих людей в пользу и во благо их подданных. Агнесса Сорель умела воскресить в Карле VII чувства долга и чести; Ментенон обращала внимание Людовика XIV на ученых и литераторов, заслуживавших поощрения. Если в вышеприведенных примерах *злой любви* нежные ручки женщин разрушали престолы или подавали монархам перья для подписи смертных приговоров, то бывали между женщинами и светлые личности, укрощавшие порывы лютости во владыках земли, славившихся жестокосердием. Бывали минуты, когда ласки Дивеке, фаворитки

¹ Любовница Власия, прелестная бурбонка, в весьма стесненном положении... (Под именем Власия песенка подразумевает короля.)

² Дамьен, в 1757 году покушавшийся на Людовика XV, слегка поранил его перочинным ножиком.

Кристиана II Датского, из зверя превращали его в человека... У нас Анастасия Романовна, первая супруга Ивана IV, была ангелом-хранителем России, унесшим с собою в гроб все человеческие чувства Грозного... Человек тем покорнее обаянию любви, чем он чувственнее, лютее, звероподобнее; в человеке, как в тигре, кровожадность и сладострастие равно совместны. В истине этой физиологической аксиомы убеждает нас страшная личность Пугачева. Кому из нас не известна его нежная привязанность к Лизавете Харловой? Дочь и жена верных слуг царских, повешенных по приказанию беглого каторжника, Харлова сделалась его наложницею и в короткое время сумела настолько подчинить своему влиянию, что, усыпляя мужество в самозванце, пробуждала в нем совесть; ходатайствовала о пощаде приговоренных к смерти, и Пугачев уважал ее ходатайство. Женщина эта была расстреляна казаками, опасавшимися, чтобы самозванец окончательно не «обабился» в объятьях своей «душеньки».³

Повторяем, критическая разработка исторических фактов, в которых любовь – в хорошем или дурном смысле – играла главную *роль*, была бы трудом громадным, но и любопытным в высшей степени. Труд этот ждет руки достойного, даровитого деятеля, и, как нам думается, руки по преимуществу женской. Сознывая всю важность предпринятого нами сочинения, мы ограничились жизнеописаниями временщиков, фаворитов и фавориток трех последних столетий, именно трех, в которые при разнузданности нравов любовь деспотствовала повсеместно и над сильнейшими деспотами. Синхронический порядок, которого мы намерены придерживаться, даст нам возможность с должной последовательностью рассказать о жизни и приключениях счастливых несчастливцев; сынов и дочерей счастья, из ничтожества достигавших высших степеней славы, почета и – большею частью – тем ниже падавших. Участь временщиков и фаворитов (*неизбежной* принадлежности женщин, стоявших во главе правления) напоминает нам участь трех турецких визирей, которым султан жаловал шубу с собственных плеч, а завтра посылал тем же визирям шелковый шнурок для их собственной шеи... Иной временщик, думая сесть на престол, попадал вместо того на кол; другой, недавно покоивший голову на подушках королевского ложа, клал ее на плаху; третий, несколько дней тому назад соединявший уста с устами своей повелительницы, выпивал яд по ее приказанию; четвертый, по мановению скипетра, будто волшебного жезла, из дворцовых чертогов переносился в убогую хижину изгнанника; пятый, засыпая под горностаевым мехом, просыпался под солдатской шинелью... Кардинал Уолси, Риччо, Эссекс, Басманов, маршал д'Анкр, граф Лерма, Валленштейн, Мональдески, Монс, Меншиков, Долгорукие, Бирон, Тренк, Струэнзе, Потемкин... С каждым из этих имен не сопряжено ли целой драмы или романа, каких, конечно, не измыслить и самому изобретательному воображению!

Незавидна участь временщиков и фаворитов, но и судьба фавориток не лучше. Счастливиц, из объятий пьяных солдат попадавших в объятия монархов или из развратных трущоб в чертоги дворца, было немного: чаще случалось наоборот. Фаворитки, подобно Лавальер, успевавшие вовремя удалиться в монастырь, были счастливее других, как избравшие благую участь; вообще же говоря, судьба полудержавных содержанок была почти всегда та же, что и обыкновенных. Старость, дающая людям права на уважение, постигая отставную фаворитку, обращалась ей в позор и поругание; если же и бывали люди, оказывавшие ей уважение, то едва ли оно могло быть лестно разжалованной прелестнице.

Представьте себе графиню Дюбарри на ее Люсьенской даче; Дюбарри, осыпанную бриллиантами, утопающую в шелках, бархатах, кружевах; Дюбарри, которую Людовик XV запросто потчует кофе собственной варки, за что, также запросто, удостоивается услышать из уст графини: «*Merci, la France!*» Через двадцать лет эта же самая Дюбарри на эшафоте ползала

³ Эта несчастная Харлова – неразрешенная психологическая загадка. Как назвать ее – героиней или презренным, малодушным созданием, которое предпочло позорную смерть мученической смерти? Действительно ли она любила Пугачева или только притворялась, надеясь повторить с ним историю Юдифи и Олоферна? Случаи к тому представлялись неоднократно, однако же Харлова не похитила злодея у плахи...

на коленях перед палачом, умоляя о пощаде; эту же самую Дюбарри палач потчевал тогда пинками и подзатыльниками, побуждая склонить голову под топор гильотины, грубо повторяя бывшей фаворитке:

– Altans, canaille!⁴

Таков был конец *последней* титулованной фаворитки короля французского – конец, над которым стоит призадуматься...

Раздумье над бедствиями, которыми временщики искупали свое мимолетное величие, над позором, постигавшим большинство фавориток при жизни или после смерти, побудило нас избрать эпиграфами для нашего труда изречения двух величайших людей своего времени.

«Из сотни королевских фаворитов восемьдесят пять погибло на виселице», – сказал Наполеон I – сам временщик счастья, пред которым раболепствовал весь свет.

«Жена угольщика достойнее уважения, нежели любовница государя», – говорил Ж.-Ж. Руссо, мудрец, кроме божества своего – природы, не преклонявший головы ни перед кем на свете.

⁴ Эти подробности о казни графини Дюбарри мы слышали от покойного Н. И. Греча; ему же они были рассказаны очевидцем. Малодушие несчастной возбуждало жалость во многих присутствовавших, даже из числа тех, которые смотрели тогда на казни, как на спектакли.

ВРЕМЕНЩИКИ И ФАВОРИТКИ

Генрих VIII, король английский

Кардинал Уолси. – Анна Болейн. – Джейн Сеймур. – Екатерина Говард. – Екатерина Парр
(1509–1547)

Тирания и лютая кровожадность в венценосцах – вот еще две характерные черты XVI века, о которых мы хотя и не упомянули во вступлении к нашему труду, но не теряли их однако же из виду. Почти каждое государство, будто состязаясь с другими, порождало своего Тиберия, Калигулу или Нерона. Турция имела Сулеймана II, Испания – Филиппа II, Дания – Христиана II, Россия – Ивана Грозного, Швеция – Эрика XIV, Англия – Генриха VIII. Все они, будто звери одинаковой породы, во многих чертах имеют какое-то родственное сходство, но оно особенно бросается в глаза при сличении Генриха VIII, короля английского, с Иваном IV Васильевичем, царем всея Руси.

Царствование Генриха, подобно царствованию Грозного, можно разделить на две эпохи: славы и беславия. В первую пору тот и другой отличались прекрасными качествами, заботливостью о народе, о пользах государства и славными воинскими деяниями. Потом они словно перерождаются, и все их действия клонятся как будто к тому, чтобы невинно проливаемой кровью смыть первые страницы своих биографий, а злодействами изгладить из памяти народной все отрадные впечатления первых лет их царствования! Новейшие казуисты утверждают, что каждое преступление совершается человеком не в нормальном состоянии его умственных способностей и что оно есть проявление болезни воли или припадок сумасшествия. Допуская этот взгляд на преступления и преступников, можно, право, подумать, что в XVI веке, от его начала до конца, в Европе свирепствовала какая-то эпидемия зверства: лихорадка деспотизма, красная горячка или мания самодурства. Действительно, при сравнении тиранов разных стран между собою они по разительному сходству зверских своих выходок, по изобретательности на пытки и истязания, по адской иронии, которой приправляли смертные приговоры, напоминают одержимых однопредметным помешательством. Возьмем неукротимое сладострастие Генриха VIII и нашего Грозного, их языческое женолюбие, облекаемое, однако, в форму законного, супружеского сожительства, – в этом один как будто подражал другому. Генрих VIII любил богословские прения и выказывал при них претензию на основательное изучение предмета; Грозный точно так же любил беседовать с духовенством, хвалил иноческое житие и кощунственно подражал ему со своей опричниной в Александровской слободе. Советы Вассиана, инока Кирилловского монастыря, растлили сердце царя Ивана Васильевича и посеяли на эту восприимчивую почву первые семена злобы и ярости... То же самое, хотя иными путями, сделал с сердцем короля Генриха VIII его любимец, честолюбивый кардинал Уолси. Наконец, по какому-то таинственному предопределению и царь русский, и король английский преобразились к худшему и впали в тиранию почти через одинаковое число лет: Грозный – через двадцать два года (1538–1560), Генрих VIII – через двадцать один год (1509–1530); тирания первого длилась, однако, двадцать четыре года (1560–1584); к Англии Провидение было милосерднее: Генрих VIII свирепствовал семью годами менее – с 1530 по 1547 год. И того достаточно было.

В покойном короле Генрихе VII скупость, доходившая до гнусного скряжничества, поглотила все человеческие и родительские чувства. При содействии своих министров, Эмпсона и Дадлея, он систематически грабил народ под видом всяких податей, прямых и косвенных налогов. Народ беднел, королевская казна обогащалась, и, несмотря на последнее, двор и королев-

ское семейство были не только далеки от роскоши, но явно терпели неудобства от непомерной экономии и расчетливости скупого короля. Эта жизнь была особенно несносна наследнику престола – Генриху, принцу Уэльскому,⁵ одаренному умом и сердцем, склонному ко всякого рода развлечениям и – как оно всегда бывает с сыновьями скупцов – к расточительности. Естественная, хотя и неблагоприятная мысль – вознаградить себя за все лишения после смерти отца – переходила в желание ему скорейшей кончины, разделяемой втайне и всем народом. Наконец 22 апреля 1509 года скончался Генрих VII, завещая восемнадцатилетнему принцу Уэльскому престол, казну в 1800 тысяч фунтов и вместе с короной руку своей невестки, Екатерины Арагонской, вдовы принца Артура, бывшего наследника, скончавшегося за шесть лет до этого.

Первый брак был следствием политических соображений Генриха VII, второй – следствием его скупости.

Дочь Фердинанда Католика и Изабеллы, родная сестра Хуаны Безумной, Екатерина Арагонская родилась в 1485 году и, по обычаю того времени, с колыбели была присуждена на принесение в жертву политике. Семнадцати лет она была выдана за наследника английского престола Артура, принца Уэльского (14 ноября 1502 г.), юноши хворого, страдающего изнурительной болезнью; Екатерина была для него не женой, но сестрой милосердия и вместо брачного ложа нашла в чужой стране смертный одр несчастного, которого дали ей в мужа... Через год Артур скончался. По договору державных сватьев Генрих VII обязан был возвратить своей невестке приданое (100 тысяч фунтов) и отпустить ее на родину. Расстаться с громадной суммой было королю-скряге едва ли не тяжелее, нежели потерять сына. Право престолонаследия перешло к младшему брату покойного Артура, двенадцатилетнему Генриху, и нежный родитель решил обручить его с вдовой его брата, на что и получил разрешение от Папы Юлия II. Приданое осталось неприкосновенно, и дружественные отношения с Испанией упрочились. Когда Генрих достиг совершеннолетия, король-отец снова вступил в переговоры с испанским королем о прибавке приданого и пересмотре нового брачного договора и в ответ на отказ Фердинанда принудил сына от его собственного имени протестовать против предстоящего брака (27 июня 1505 г.). Дело однако же уладилось; Папа вторично признал его законность, дал разрешительную буллу, и, несмотря на это, Генрих VII все медлил бракосочетанием сына с невесткою, желая, вероятно, выторговать еще какую-нибудь прибавочку к приданому... Так продолжалось до его смерти.

Через два месяца по восшествии на престол Генрих VIII отпраздновал свою свадьбу с Екатериной Арагонской, а через несколько дней короновался. Не было предела радости народной, не было конца и праздникам, балам, турнирам, которыми Генрих VIII вознаграждал себя за долгий пост при жизни слишком расчетливого родителя. Просим извинения у читателя за тривиальное сравнение, но первые два-три года своего воцарения Генрих был похож на купеческого сынка, вырвавшегося на волю после смерти своего тятеньки и протирающего глаза наследственным миллионом. Окруженный толпою любимцев, он полной чашей пил удовольствия, пристрастился к игре и часто проигрывал. Руководителем короля на этом, его недостойном, поприще был его придворный духовник и милостынераздаватель Томас Уолси – изобретательный на забавы, потворщик страстям короля, его советник в государственных делах и неизменный спутник в кутежах и гулянках. Опасны бывали королям фаворитки, сирены, своими ласками побуждавшие их на злодейства, вместе с их здоровьем и умственными способностями истощавшие казну, разорявшие народ; но тысячу раз опаснее фавориток бывали временщики, подобно Уолси, систематически развращавшие государей ради вернейшего достижения своих честолюбивых целей. Фаворитка – только сирена: любовь и красота – ее единственные орудия; не таков временщик, развивающий в своем государе порочные наклонности, могущий при случае подстрекнуть его самолюбие, раздуть в его сердце злобу, ненависть или, наоборот,

⁵ Генрих VIII родился 28 июня 1491 года. Он был вторым сыном короля и Елизаветы Йоркской.

коварными наветами угасить в нем искры добра и благородных побуждений. Именно таков был Уолси, для которого монашеская ряса и духовный сан были путеводителями на поприще честолюбия, ведшими его ни более и ни менее как на престол римского первосвященника.

Томас Уолси родился в Ипсвиче (графство Суффолк) в 1471 году и был, по сведениям некоторых историков, сыном зажиточного мясника, человека настолько умственно развитого, что он послал сына учиться в Оксфорд. При богатейших способностях Уолси занимался с таким успехом, что пятнадцати лет был удостоен степеней бакалавра и магистра. Эразм Роттердамский при своем посещении Оксфорда познакомился с даровитым юношей, с удовольствием беседовал с ним и совещался об учреждении при университете кафедры греческого языка. Трудно было решить, что в молодом Уолси было сильнее: самолюбие или способности. Когда у него со сверстниками заходила речь о будущем, он постоянно повторял: «Лишь бы мне только попасть ко двору, а там нет, кажется, той высокой должности, до которой бы я не добрался!»

Задавшись этой целью, Уолси вступил в свет – приходским священником в Лимингтоне и наставником детей маркиза Дорсет. После того он подружился с Нэнфэном, сборщиком податей в Кале, и сначала по собственной охоте помогал ему в должности, а потом по увольнении Нэнфэна за старостью занял его место. Это обстоятельство сблизило Уолси со статс-секретарем Ричардом Фоксом, доложившим вскоре королю Генриху VII об усердии и исправности нового сборщика податей. Король, особенно любивший финансистов и судивший о людях по степени пользы, ими приносимой государственной казне, пожелал видеть Уолси и принял его к себе на службу для особых поручений. Сначала тот был послан в Брюссель к императору Максимилиану по важному секретному делу и, успешно выполнив все возложенное на него королем, возвратился так скоро, что последний не мог поверить глазам. «Вы были в Брюсселе? – воскликнул он, принимая ответную грамоту. – Но как же так скоро? Три дня тому назад я только отправил к вам курьера...» – «Я встретил его на моем обратном пути!» – скромно ответил Уолси. За это король пожаловал его саном своего милостынераздавателя и деканом Линкольнского собора. При воцарении Генриха VIII Томас Уолси был, несмотря на духовное свое звание, первым вельможей двора и в самое короткое время сделался любимцем и другом короля. Одного слова Уолси было достаточно, чтобы подвергнуть придворного опале или возвести его в новый чин... Так лишились места статс-секретари Серрей и Фокс – бывший его покровитель. Вскоре по воцарении Генриха VIII Уолси сделан был членом Государственного совета, наконец – канцлером (1510).

Война, свирепствовавшая в Южной Европе в первые годы XVI века, велась без участия Англии. Генрих VIII при восшествии своем на престол подтвердил мирные договоры с соседними державами, особенно с Францией. Папа Юлий II, для которого вспомогательные французские войска были неприятным бременем, решил отделаться от их невыгодного содействия и для этого старался привлечь на свою сторону английского короля... Начав, как водится, с задабривания по всемирной пословице – маленькие подарки поддерживают дружбу, – Папа прислал королю золотую розу вместе с титулом *христианнейшего* и выражением скромного желания принять участие в судьбах церковной области. Генрих повел дело путем мирных переговоров: отправил Людовику XII чрезвычайное посольство с ходатайством за угнетаемого Папу и с предъявлением прав Англии на французские области Нормандии, Гюйенны, Анжу и Мэн. Ответ был отрицательный, и началась война. Генрих VIII, вступив в союз с Испанией, прославил себя несколькими воинскими подвигами, приняв личное участие в действиях. Оставив Екатерину Арагонскую правительницей королевства, он в сопровождении неизменного Уолси отправился в армию. Битва и победа при Гинегате, высадка во Франции, осада и взятие Теруанны и Турнэ – срытых до основания, – поражение шотландских войск при Флоуденфильде, где король Яков IV, союзник Людовика XII, лег костями, – снискали Генриху VIII живейшую благодарность Папы Льва X, выраженную присылкою освященных тока, шпаги и титула *защит-*

ника церкви. Эти любезности Папы не помешали другим его союзникам – испанцам – вступить в тайные переговоры с враждебной ему Францией. Узнав об этом коварстве, Генрих VIII отступился от Папы и вошел со своим недавним врагом Людовиком XII в самые дружественные сношения, скрепленные браком сестры короля английского Марии с королем французским 7 августа 1514 года. Уолси был тогда утвержден договорившимися в сане епископа Турнэ – города французского, англичанами завоеванного.

Преемник Людовика XII Франциск I подтвердил мирный договор с Англией, выхлопотал у Папы для Уолси кардинальскую шапку, но вместе с тем нанес жестокий удар непомерному его самолюбию, сложив с него сан турнейского епископа.

За это кардинал отомстил королю французскому, восстановив против него Генриха VIII, особенно после победы Франциска I при Мариньяно. Генрих помогал императору германскому субсидиями и вообще выказывал к Франциску отношения неприязненные. Король французский, зная, что это следствие происков кардинала, заискивал, льстил и всеми путями старался заслужить его расположение. Началась борьба Франции с Австрией, Франциска I с Карлом V, и, несмотря на родство (Карл был родным племянником Екатерины Арагонской), Генрих VIII сохранял самый благоразумный нейтралитет. Стараясь однако же привлечь дядю в союзники, Карл V обещал кардиналу Уолси папскую тиару и посох первосвященника римского! Тогда дела приняли другой оборот. Генрих VIII и Франциск I свиделись в «парчовом лагере» (*camp de drap d'or*) 7 июня 1520 года, где пировали самым дружеским образом семнадцать дней, обмениваясь ласками и любезностями. Этот «парчовый лагерь» можно было назвать позолоченной пилулей, которую кардинал Уолси готовил королю французскому: Генрих, расставшись с ним, виделся с Карлом V, которому обещал свое содействие. В самое это время Южную и Среднюю Европу возмутило появление Реформации, угрожавшей папской власти и заставившей дрожать донныне непоколебимый престол римский. Король английский, приняв сторону Папы Льва X, написал и послал в Рим книгу, заключающую в себе громовое опровержение еретического Лютера и защиту *семи таинств*. Книга эта, на две трети наполненная текстами и цитатами из сочинений Фомы Аквинского, привела Льва X в восторг, и державный автор удостоился получить от его святейшества за подписью двадцати семи кардиналов диплом на титул *защитника веры*. Союз с Карлом V был делом решенным, и Генрих VIII приступил к приготовлениям к войне, но тут явилось самое естественное препятствие: в казне не было денег – ее истощили пиры и праздники, на которые был так щедр английский король в первые годы своего царствования! Пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. Сделав перепись имущества, верноподданных его величества обложили податью: мирян в 1/10, духовников в 1/4 долю общей стоимости движимого и недвижимого... Этого оказалось мало, и кардинал Уолси от имени короля потребовал у парламента займы на военные издержки 800 тысяч фунтов. Требование это было отвергнуто большинством голосов. Раздосадованный Генрих на другой же день потребовал к себе главного коновода оппозиции, и когда тот по этикету преклонил перед ним колени, король очень ласково поздоровался с ним и в то же время, положив ему руку на плечо, внятно прошептал:

– Если завтра же вы, милейший мой, и все подобные вам упрямцы не подадите голосов за выдачу требуемой мною субсидии – всем головы долой!!

Сверкнув глазами и тряхнув рыжей головой, этот лев, впервые выпустивший когти, дал понять несчастному члену парламента, что он не шутку шутит... На другой же день 800 тысяч фунтов лежали в государственной казне. С их помощью английские войска заняли Пикардию.

И весь этот грабёж, и все приготовления к войне были плодами честолюбия кардинала Уолси, по чужим головам взбиравшегося до обещанной ему папской тиары!..

Пробил давно желанный час: смерть Папы Льва X (19 ноября 1521 года) открыла вакансию на престол первосвященнический. Уолси, не теряя времени, послал в Рим своего секретаря Писа (*Pease*) с поручением интриговать, задаривать, задабривать членов конклава... Но как ни

торопился усердный Пис, он по прибытии в Рим нашел на престоле нового Папу, Адриана VI, и все радужные надежды кардинала Уолси лопнули как мыльный пузырь. Делать было нечего; пришлось покориться враждебной судьбе и ждать с прежним нетерпением, питаясь новыми надеждами, приправленными лстивыми обещаниями Карла V.

Адриан VI царствовал с небольшим год, и, таким образом, Уолси ждал недолго. На этот раз французские кардиналы, бывшие на конклаве, заявили, что Уолси как иностранец не знает Рима, что невозможно совместить ему в своем лице должности канцлера английского и Папы Римского, что, наконец, он, радея единственно об интересах своего отечества, едва ли будет заботиться об интересах церкви... Словом, Уолси был забракован, и в папы избрали Климента VII из дома Медичи.

На этот раз бешенству кардинала Уолси не было предела! На французских кардиналов он едва негодовал: от врагов Англии нечего было ожидать поддержки, – но императору германскому Карлу V грешно, стыдно, бессовестно было водить кардинала за нос или обещать ему то, что Карл V не в силах был исполнить. Ему Уолси отомстил вдвойне союзом Генриха VIII с Франциском I и впоследствии разводом того с несчастной Екатериной Арагонской. Надобно заметить, что в эту эпоху кардинал Уолси был на высоте своего величия. Он управлял почти всеми епархиями королевства, получая соответствующие доходы; пользовался пенсиями от Папы и императора германского; с титулом кардинала *a latere*⁶ имел право ежегодно возводить без папского разрешения пятьдесят человек в достоинство рыцарское, столько же – в графское и сорок – в апостольско-нотариальное; кроме того, мог (опять же без предварительного разрешения Папы) узаконивать незаконнорожденных, расторгать браки, давать индульгенции, преобразовывать уставы монастырей и даже упразднять их. Доходы кардинала равнялись королевским; он имел собственных телохранителей, особый придворный штат, в котором состояли графы, бароны, знатнейшие рыцари, а в пажах – юноши первейших аристократических фамилий... Между последними находился лорд Перси, сын герцога Нортумберленда. Число придворных кардинала простиралось до восьмисот человек. Когда он в качестве посланника посетил Франциска I, в торжественном кортеже вели тысячу превосходных коней из его собственной конюшни. Во дворце Хэмптон-Корт, кроме золотой и серебряной посуды, ковров, картин и драгоценностей всякого рода, хранилось сто восемьдесят одних шелковых постелей... В духовных процессиях несли знаки кардинальского достоинства на парчовых подушках; шляпу свою при богослужении кардинал клал на престол и все обряды церковной службы совершал по чину самого Папы. Наконец, Уолси первый из архиепископов Кентерберийских употреблял при облачении парчу, глаzet и украшался драгоценностями. «Если Климент VII – Папа Римский, – мог сказать кардинал себе в утешение, – так я Папа Английский!»

Охладив короля к интересам его племянника, Карла V, кардинал Уолси без труда уговорил Генриха VIII выказать свое сочувствие Франциску I, бывшему тогда в плену у императора после несчастной битвы при Павии (1525). Генрих своеручно писал Луизе Савойской, чтобы она, радея об интересах Франции, не уступала Карлу V ни пяди земли и не входила с ним ни в какие соглашения. Эта, по-видимому, бескорыстная внимательность тронула Франциска, и следствием ее был мирный договор 8 августа 1526 года Франции с Англией и разрыв последней с Австрией. Повредив Карлу V с этой стороны, кардинал Уолси начал свои интриги с другой.

Екатерина Арагонская, честнейшая жена и прекрасная мать, была старше Генриха VIII пятью годами. Эта разница, неприметная в первые годы супружества, стала обнаруживаться впоследствии, когда королева приблизилась к старческому возрасту, а король был во всем цвете мужества, при полном развитии страстей неукротимых. Восемнадцать лет прожил он с женою в добром согласии, заменив страсть уважением, дружбой, привычкой. Бывали в течение

⁶ Кардиналом *a latere* назывался полномочный папский легат к христианским государям. Уолси пользовался полномочием и правами весьма обширными, ставившими его наряду с патриархами или митрополитами восточной церкви.

этого времени случаи неверности со стороны мужа, но все эти мимолетные страстишки так же скоро гасли, как скоро вспыхивали, и Генрих ими не довольствовался. Сердце его томилось какой-то нелепой, идеальной страстью и искало женщину, к которой бы оно могло привязаться надолго. Охлаждение короля к Екатерине не могло ускользнуть от внимания кардинала, и мысль разлучить короля с его женой зрела и развивалась в уме честолюбца. Екатерина была звеном, связывавшим Генриха VIII с Карлом V, и звено это, по соображениям Уолси, необходимо было порвать навеки. Улучив минуту раздумья короля над его супружеской жизнью, кардинал очень тонко повел речь о браке с точки зрения богословия и постепенно довел короля до сознания, что брак на жене родного брата и сожителство с нею есть дело противозаконное. Так внушена была Генриху VIII первая мысль о разводе и расторжении брака после чуть что не двадцатилетнего сожителства. Король в виде запроса сообщил ее Паччи, декану собора Св. Павла, а сам между тем стал соображать, подыскивать статьи закона духовного и остановился на двух статьях закона Моисеева (Левит, гл. XVIII, ст. 16 и гл. XXV, ст. 5), прямо осуждавших вступление в брак лиц, состоящих именно на той степени родства, как он, Генрих, и его супруга. Вспомнил он и свой протест, писанный по приказанию покойного Генриха VII (27 июня 1505 года): двадцать лет тому назад он повиновался отцу, не понимая сущности дела; шестнадцать лет тому назад, смеясь над ним, вел Екатерину к алтарю... но теперь самый этот протест казался ему вполне законным и основательным. Готовясь на дело возмутительное, король был похож на механика, складывающего сложную машину; все части ее были собраны, приводы натянуты, оставалось только дать первый толчок двигательной силе, таящейся в колесах и шестернях...

Толчок этой адской машине был дан прелестной, белоснежной ручкой одной из тех презренных женщин, которых сама преисподняя посылает в семейства для разрушения согласия, для посева раздора и преступлений. Этим гнусным существом была прославленная романистами и оперными композиторами Анна Болейн,⁷ признаваемая чуть не мученицей людьми сентиментальными, имеющими дурную привычку к каждой исторической личности, погибшей на эшафоте, относиться с каким-то ребяческим мягкосердием. Эшафот был самым справедливым возмездием Анне Болейн – не столько за ее распутства (она была дочерью своего века), сколько за ее происки для достижения престола, ее глумления над свергнутой Екатериной, за те позорные страницы, которыми она запятнала летописи Англии. Анна Болейн, которую всего вернее можно охарактеризовать нашим метким простонародным прозвищем *проходимки*, принадлежит к числу тех многих псевдогероев и псевдогероинь, на которых потомство глядит с превратной точки зрения наперекор законам оптики, превращающей этих господ и госпож из пигмеев в исполинов по мере их удаления от нас на расстояние трех-четырех веков... Это те же театральные декорации, издали чарующие зрение, а вблизи оказывающиеся грубо размалеванными кусками парусины. Эшафот, на котором погибла Анна Болейн, мог примирить с ней ее современников, но суд потомства обязан быть беспристрастным; ему не след при произнесении приговора над памятью злодейки принимать во внимание «смягчающие вину обстоятельства», то есть томные глазки и смазливое личико.

С кем вздумала соперничать и кого, благодаря своему лукавству, победила Анна Болейн? С дочерью короля, с законной женой своего государя; она победила честную, прекрасную женщину... Она, будучи демоном, убила этого ангела и, как площадная плясунья, плясала и кривлялась над могилой усопшей соперницы, наряжаясь в ее корону и путаясь в складках еще не простывшей, с королевы сорванной порфиры. В наше время не бывает разве примеров измены мужа, который, мирно и согласно прожив со своей женой двадцать лет, меняет ее и всю семью на какую-нибудь горничную и, обзаведясь новым, побочным семейством, делается

⁷ Боле на, Боле н, Буле н (Boulain) – так итальянцы и французы искажают эту фамилию, которая была Болейн (Boleyn). Так, по крайней мере, писала ее Анна собственноручно, и мы не можем не признать этого неопровержимого авторитета.

рабом недавней служанки? Эта самая история была с Генрихом VIII и Анной Болейн. С его стороны главную роль играла чувственность, искусно разжигаемая притворным целомудрием; с ее стороны – самое утонченное кокетство, расчет и лукавство. Самозванцы обольщали народ наружным сходством с государями; Анна Болейн обольстила Генриха VIII маской стыдливости, невинности, придававшей ей вид женщины добродетельной, тогда как на самом деле Анна была развратницей, в чем может убедить нас нижеследующий биографический очерк.

Семейство Болейн, состоявшее из отца Томаса Болейна, матери (урожденной графини Норфолк), сына и двух дочерей, пользовалось незавидной репутацией. Мать и старшая дочь одно время при содействии сына и брата пользовались благосклонностью короля, хотя и непродолжительной. Младшая дочь Анна (родившаяся в 1500 году) в четырнадцать лет сопровождала принцессу Марию, невесту Людовика XII, во Францию, где провела первые годы юности, меняя и госпожей и поклонников. После отъезда Марии в Англию Анна Болейн была принята фрейлиной к супруге короля Франциска I, Клавдии Французской; после ее смерти, в 1524 году, к его сестре – герцогине Алансонской. Нравственность двора того времени известна читателю; мы не будем входить в грязные подробности, но не можем не сказать, что из всех придворных едва ли могла отыскаться под пару Анне Болейн другая, которой бы так хорошо пошли впрок уроки кокетства и свободы обхождения... Красавица удивляла своей наглостью самых отчаянных бесстыдниц, и молва о ее подвигах немало обогатила устную соблазнительную хронику того времени. Вернувшись в Англию, Анна поступила в штат королевы Екатерины Арагонской (1527) и мгновенно преобразилась из прежней красавицы легкого поведения в скромницу, смиренницу такую, что и водой не замутишь. Стыдливо потупленные глазки, румянец, появлявшийся на щеках при мужском взгляде или неосторожном слове, тихий, мелодичный голос очаровали Генриха VIII с первой же его встречи с новой фрейлиной, и он не замедлил объясниться в полной уверенности, что Анна не будет с ним упрямее своей матери и старшей сестры. К совершенному удивлению и пущему обольщению короля, Анна отвечала ему суровым отказом, весьма основательными укорами и стереотипными нравоучениями, которых, заметим, истинно честная и невинная девушка и читать-то никогда не станет в ответ на страстное признание... Ослепленный король не сумел, однако, отличить этой поддельной добродетели от настоящей. Фразы Анны Болейн, вроде следующих: «Я ваша верноподданная, государь, но не более...» или: «Любить я могу и буду любить только мужа...» – вскружили ему голову окончательно, и он, тогда помышлявший уже о расторжении своего брака, решился приступить к осуществлению этого замысла и покупке любви Анны Болейн ценою короны. Два года длилась эта интрига – безукоризненная, пока совершенно платоническая, и в это же время готовились Генрихом необходимые документы для развода с супругой. Начало позорному процессу сделали кардиналы а *latere* Уолси и Компеджио, предложившие королеве удалиться в монастырь, так как брак ее и сожителство с мужем были делом противозаконным... Королева отвечала отказом, Папа Римский медлил с решительным ответом. 21 июня 1529 года состоялось первое заседание суда над королевой. Ложные свидетели в числе 37 человек (почти все родные или клеветы Анны Болейн) обвинили Екатерину в нарушении супружеской верности, духовные лица упоминали о кровосмешении, так как она, будучи вдовой одного брата, вышла за другого; король и гражданские судьи ссылались на его протест 1505 года, и общий говор принуждал королеву, сложив с себя свой сан, удалиться в монастырь. Безвинно позоримая, унижаемая, но еще не униженная, Екатерина Арагонская сказала со всем величием правоты:

– Что я в течение двадцатилетнего супружества была верна супругу и государю, это он может подтвердить и сам. Брак наш был разрешен святым отцом – Папою именно потому, что я не разделяла ложа со старшим братом короля, но чистой девственницей, со спокойной совестью пошла с ним к алтарю. Отвечать согласием на предложение поступить в монастырь я не могу до тех пор, пока не получу ответа от родных моих из Испании и от его святейшества из Рима.

Заседание было прервано. Большинство судей поняли, что суд неправый, противный законам Божию и гражданскому. Когда король после того объявил кардиналу Уолси о своем намерении жениться на Анне Болейн, временщик, упав на колени, со слезами заклинал его не унижать так ужасно достоинства королевского и взять себе в супруги сестру французского короля или Ренату, дочь покойного Людовика XII. Этот протест раздосадовал Генриха VIII, и он, разумеется, не замедлил сообщить о нем своей возлюбленной. Прелестная, грациозная Анна Болейн с яростью фурии потребовала увольнения кардинала Уолси от всех его высоких должностей, предлагая на его место Кренмера, капеллана своего почтенного родителя. Падение Уолси было решено, однако же Генрих не увольнял его, ожидая ответа из Рима. Ответ вскоре пришел: Папа признавал брак короля с Екатериной Арагонской законным и нерасторжимым. Тогда-то Генрих VIII все свое бешенство излил на кардинала, уволив его со службы и предав суду за превышение власти, казнокрадство и множество преступлений (вымышленных), изложенных в 45 пунктах обвинительного акта. Личным врагам кардинала, герцогам Норфолку и Суффолку, было поручено присутствовать в следственной комиссии и при конфискации всего имущества недавнего королевского любимца... Разоренный, униженный, убитый, Уолси отправился в изгнание в одну из беднейших епархий. В дороге его нагнал Норрис, камердинер короля, нарочно посланный, чтобы передать от Генриха несколько слов утешения, и бедный временщик сошел со своего коня, преклонил колени посреди грязи перед королевским посланным, смиренно прося поблагодарить его величество за эту последнюю милость.

По мере своего удаления от столицы изгнанник, еще недавно выказавший жалкое мало-душие, свойственное каждому павшему временщику, мужался и успокаивался. По приезде к избранному им самим месту своего пребывания, преобразованный в убогого благочинного, Уолси и душевно преобразился к лучшему, посвятив себя служению Богу и страждущим. Он посещал бедных и больных, принося им помощь и утешение, заботился о воспитании детей, о нуждах поселян, таким образом, искренними слезами и христианскими подвигами заглаживая свои проступки во времена своего могущества. Любовь и уважение паствы, принятой кардиналом на свое попечение, возбудили ревность в Анне Болейн и Генрихе VIII; они поняли, что и в изгнании своем Уолси нашел свою долю счастья и мир душевный, заменивший ему все недавние сокровища, а король и его любовница желали отнять у него все, может быть, даже и самую жизнь! Недолго было настрочить на бывшего канцлера новое обвинение, на этот раз в государственной измене, и вызвать его в Лондон для заточения в Тауэр, из которого была одна дорога – на эшафот. Герцогу Нортумберленду, тому самому, который двадцать лет тому назад за счастье почитал отдать своего сына в пажи кардиналу, было препоручено привезти пленника. Последний путь кардинала из его епархии в Лондон был его торжеством, вполне заслуженным, далеко оставившим за собою те пышные процессии с их мишурным блеском, на которых он первенствовал когда-то. Во всю дорогу до Лейчестера народ, теснясь по окраинам и провожая своего доброго пастыря, напутствовал его благословениями и осыпал теплыми выражениями душевной благодарности. В Лейчестере кардинал заболел изнурительным поносом и остановился в тамошнем монастыре в предчувствии близкой смерти, прося окружающих похоронить его в стенах этого последнего своего прибежища. Бывший при нем смотритель Тауэра Кингстон, тронутый его страданиями, телесными и душевными, стал утешать и успокаивать его.

– Я у гроба, – отвечал Уолси, – не обнадеживайте меня ни милосердием короля, ни его вниманием к моим прежним заслугам... Напомните ему от моего имени о том, как часто я предостерегал его от покорства страстям, от увлечений и зачем он не послушал меня?... Скажите ему еще, – продолжал умирающий, – что я искренне сожалею, зачем Богу не служил я так, как служил королю? Господь не обидел меня на старости лет. Он был милосерден к своему верному служителю...

Кардинал Уолси умер 29 ноября 1530 года. При известии о его смерти Генрих VIII заплакал и воздал должную справедливость памяти честолюбца, жизнью своей явившего не первый и не последний пример превратности судеб временщика – пример, из которого, впрочем, ни один временщик последующих времен не извлек для себя предохранительного нравоучения. Во время могущества кардинала Уолси его боялись все сословия, но и проклинали почти все. Духовенство католическое негодовало на него за дело о разводе короля, протестанты – за преследования, монахи досадовали на кардинала за его лихоимство, дворяне – за темное его происхождение, народ – за обременительные налоги. Одно только ученое сословие, пользуясь покровительством временщика, могло сказать о нем доброе слово. Стараниями кардинала Уолси в Оксфордском университете было учреждено семь кафедр, была основана коллегия Христа; Ипсвичский университет был обязан ему многими преобразованиями и существенным улучшением быта студентов.

Екатерину Арагонскую теснила с престола Анна Болейн, вакантное место фаворита при Генрихе VIII занял клеветр последней – Кренмер. Решительный ответ Папы Климента VII не отклонил Генриха от его намерения развестись с супругой, и он, по советам Кренмера, перенес свое дело на рассмотрение суда гражданского или, правильнее, ученого. Вопрос о законности брака передан был Кренмером на рассмотрение всех европейских университетов. Это явное неуважение к воле римского первосвященника вызвало ропот негодования со стороны духовенства. Король, признавая католическое вероисповедание главенствующим в Англии, начал именоваться в документах *покровителем и верховным главою церкви англиканской*, чем сделал первый шаг к отходу от власти Папы Римского; кроме того, в присягу он ввел новый и еще небывалый термин: «на сколько дозволяет закон Христов». Последнее уже носило на себе явный отпечаток лютеранского учения, в глазах Климента VII и всего католического мира не могло не показаться ересью, но именно для отклонения от себя подобного упрека Генрих VIII преследовал лютеран и в 1531 году, по примеру католических государств, сжег на костре трех последователей нового учения Лютера. Положение короля было самое скандальное: с женою он расстался без формального развода, с Анною Болейн, пожалованной титулом маркизы Пемброк, сожительствовал без брака. В 1532 году при свидании своем в Булони с Франциском I Генрих VIII представил ему Анну как невесту. Король французский как нельзя любезнее обошелся с бывшей фрейлиной своей жены и сестры (говорили даже – бывшей своей любовницей) – будущей королевой; подарил ей драгоценный бриллиант и обещал свое ходатайство у Папы Римского о разрешении Генриху вступить с нею в брак. Со своей стороны, король английский, видимо довольный новым, собственного изобретения титулом «главы англиканской церкви», предлагал и Франциску I последовать его примеру, назвавшись «главою церкви галликанской». По возвращении в Англию Генрих, не дожидаясь папского разрешения, тайно обвенчался с Анной Болейн (14 ноября), бывшей тогда уже в интересном положении. 23 мая 1533 года Кренмер, архиепископ Кентерберийский, объявил брак короля с Екатериной Арагонской недействительным и расторгнутым, а через пять дней Анна Болейн была признана законной супругой и коронована. Екатерине был оставлен титул герцогини Уэльской; дочь ее Мария (родившаяся в 1510 году) могла быть наследницей в том только случае, если у отца ее не было бы детей мужского пола от второго брака; жилищем развенчанной королеве-супруге вместе с дочерью назначен монастырь Эмфтилль, в Дунстэблшире. Королева отвергла все эти предложения, на которые Папа Римский Климент VII отвечал, в свою очередь, угрозой отлучить от церкви короля-самоуправца. Франциск вымолил Генриху прощение с тем условием, чтобы он явился с повинной в Рим, о чем и сообщил Генриху нарочный посол от короля французского – Жан Беллэ. Генрих обещал. Папа уведомил его, чтобы он в определенный срок дал письменный ответ, и Генрих не дал никакого. Тогда негодующий римский первосвященник 22 марта 1534 года обнародовал буллу, отлучившую Генриха от церкви и лишавшую прав законной жены и дочери Анну Болейн и новорожденную Елизавету... Король, как бы издеваясь над

Папою, указом объявил брак свой с Екатериной недействительным, а дочь ее Марию незаконной и отрешенной от всех прав на престолонаследие.

Преемником Папы Климента VII был Павел III (13 сентября 1534 года), доброжелатель короля английского, примирение которого с Римом было еще делом весьма возможным; но Генрих VIII уже осуществлял великую идею отпадения от Папы, присвоив себе окончательно духовную власть, именуя в документах Папу Римского «епископом», упраздняя монастыри и конфискуя их имущество в государственную казну.

Тем временем Екатерина Арагонская, приближаясь к гробу, написала королю письмо, в котором излилась ее кроткая, незлобивая душа и выразились прекрасные чувства, которыми эта святая женщина отличалась всю свою жизнь. Письмо было отправлено из замка Кимбэлтона, последнего местопребывания Екатерины.

«Я приближаюсь к смертному часу, – писала она, – и любовь, которую я все еще чувствую к вам, государь, побуждает меня умолять вас озаботиться о спасении души вашей и предать забвению все плотские и житейские попечения. Повинуясь побуждениям страстей ваших, вы ввергли меня в пучину великих бедствий и сами на себя навлекли не меньшие тревоги и заботы... Я все забываю, государь, и молю Господа: да предаст Он забвению все, что было! Поручаю вам дочь нашу Марию и заклинаю вас: будьте ей добрым отцом – в этом единственное мое желание. Не оставьте также моих фрейлин, которые не будут вам в тягость – их только три. Прикажите выдать годовой оклад жалованья всем лицам, бывшим при мне в услужении, иначе они останутся без куска хлеба...»

Далее умирающая выразила желание увидеть своего короля и мужа и в подписи назвалась его женою. Генрих, читая письмо, плакал – раскаяние и жалость его были, может быть, тем искреннее, что Екатерина на следующий день (6 января 1535 года) скончалась. Львиное сердце короля было тронuto; о королеве сожалели все, самые ее недоброжелатели, кроме прелестнейшей Анны Болейн, которая имела бесстыдство оказать самую живейшую радость при вести о кончине соперницы и вырядиться умышленно в цветное платье, когда по повелению короля при дворе был наложен траур, а по церкви воссылались моления об упокоении души усопшей королевы Екатерины.

Не будем особо останавливаться на великой религиозной реформе, совершавшейся в это время в Англии при ревностном содействии королю Кренмера, Томаса Кромвеля и многих других. Томас Морус, Форест и Джон Фишер, духовник покойной королевы, пали на эшафоте, отстаивая католицизм или, лучше сказать, папскую власть. Наступило царствование ужаса, не прекращавшееся до самой кончины Генриха VIII в 1547 году. В течение семнадцати лет число жертв деспота достигло почтенной цифры – *семидесяти трех тысяч восьмидесяти семи человек*, казненных, запытаных, умерших в темницах. В этом числе, при раскладке его по сословиям, находились: два кардинала, двадцать с одним духовных лиц в сане епископов и архиепископов, тринадцать аббатов, сто каноников и докторов богословия; герцогов, графов и баронов – сорок один человек; триста дворян, сто десять знатных женщин и семьдесят две тысячи простых граждан. Эти цифры, кажется, не нуждаются в комментариях!

Милая грациозная Анна Болейн в это время (1535 год) резвым мотыльком порхала на празднествах, не обращая внимания ни на кровь, ни на костры, ни на вопли казнимых и истязуемых. Этот демон в образе женщины не занимался подобными пустяками, избрав целью дальнейшей своей жизни веселье и удовольствия. Надев на себя корону, Анна в то же время сняла маску и из застенчивой скромницы превратилась в ту вольного обхождения красавицу, каковою была при дворе Франциска I десять лет тому назад. Существенная разница была только в том, что тогда за нею ухаживали мужчины, а теперь она окружила себя целой свитой придворных красавцев, между которыми особенно были заметны родной ее брат лорд Рочестер, Норрис, Брартон, Уэстон и некто Смиттон, миловидный юноша, забавлявший королеву игрой на лютне. Королева со своими любимцами обходилась без чинов, в полной уверенности, что

супруг ее эту наглость сочтет наивностью; но выскочка королева забывала то, что в ее годы немножко поздно разыгрывать из себя наивную девочку. Генрих хмурился, и ласки его были уже не те, что года четыре назад... Анна ему надоела, а после рождения ею мертвого уroda окончательно опротивела, и король в кругу придворных девиц уже избрал себе новую подругу в лице красавицы

Джейн Сеймур. Анна Болейн вздумала было выказать ревность и на все упреки получила в ответ ледяной, бесстрастный взгляд не мужа, но властелина. В этом взгляде более проникающая женщина могла бы угадать угрожающую ей участь, могла бы понять, что лев близок к бешенству...

Анна вздумала еще подразнить его. На турнире, данном 21 мая 1535 года, королева, сидя в своей ложе, нечаянно – а может быть, умышленно – уронила свой платок перед проезжавшим мимо нее на коне Норрисом. Тайный ее любимец был настолько неблагоразумен, что, подняв платок, не возвратил его королеве, а отер им свое лицо. Генрих VIII, встав со своего места, пристально посмотрел на жену и, не говоря ей ни слова, уехал во дворец. На другой же день по его повелению были арестованы королева, ее брат и все вышепоименованные любимцы. Анна от ужаса впала в помешательство: то смеясь, то заливаясь слезами, она проклинала Норриса, предрекая погибель ему и себе самой; умоляя стражу, охранявшую ее в Тауэре, допустить ее к королю, звала дочерей своих Елизавету и Марию. Обвинительный акт гласил, что королева Анна с сообщниками злоумышляла на жизнь короля-супруга, что поведение ее было всегда более чем предосудительно не только до замужества, но и после; что, наконец, между ее сообщниками находятся лица, с которыми она состоит в преступной связи. Начались пытки и допросы. Музыкант Смиттон сознался в том, что пользовался неограниченной благосклонностью Анны Болейн и трижды бывал у нее на тайном свидании; прочие упорно молчали. Позор Генриха VIII был полный и неизгладимый! Для обвинения покойной Екатерины Арагонской нужны были клеветники и лжесвидетели; для Анны Болейн это было вовсе не нужно, так как достаточно было одной правды. Архиепископ Кренмер, ее креатура, писал королю в ее защиту, и надобно отдать справедливость – весьма неловко. «Подражайте Иову, государь, – говорил Кренмер в своем послании, – Бог сторицей наградил его за покорность своему жребию, точно так же Он воздаст и вам. Супругу вашу уличают в нарушении верности, и это, бесспорно, великое бесчестие, но бесчестие лично *ее*, а отнюдь не *ваше*».

Защита Кренмера не привела ни к чему; судопроизводство шло своим порядком, и 17 мая 1536 года следственная комиссия из двадцати пэров королевства, признав бывшую королеву Анну Болейн виновной, а равно и сообщников ее, постановила: преступницу казнить смертью, *по усмотрению короля*, сожжением на костре или четвертованием; брату ее с тремя сообщниками отрубить головы; музыканта Смиттона повесить. Тела пятерых казненных разрубить на части и выставить на позорище народу и в назидание злоумышленникам. Брак короля, по определению архиепископа Кренмера, объявить недействительным; дочерей его, рожденных Анною Болейн, Елизавету и Марию, признать незаконными.

Выслушав приговор, Анна по примеру закоснелых преступников, желая затянуть дело, припутав к нему новую кляузу, объявила, что в числе членов комиссии находится лорд Перси, герцог Нортумберленд, тайно с нею обвенчанный еще до выхода ее замуж за короля. Она рассчитывала на то, что судьи, приняв эту выдумку за правду, снимут с нее обвинение в измене Генриху VIII, только бедная интриганка жестоко ошиблась в расчете. Перси в дворцовой капелле торжественно поклялся, приобщаясь святых тайн, что все его отношения к королеве до ее замужества ограничивались ласками, никогда не преступавшими пределов благоразумия... Уведенная в Тауэр, Анна Болейн предалась самому малодушному отчаянию. Как то было с нею год назад, началась истерика со странным бредом, и, вероятно, непритворным. Накануне казни 19 мая 1536 года она попросила к себе жену коменданта Тауэра и, упав перед нею на колени, рыдая, сказала ей: повидайте принцессу Марию, дочь покойной королевы Ека-

терины, точно так же на коленях вымолите у нее прощение мне за все обиды, причиненные мною ей и ее несчастной матери!..

Ночь, предшествовавшую дню казни (20 мая), Анна провела без сна и с самого раннего утра до прибытия к эшафоту тем более падала духом, чем ближе наступала роковая минута. Сначала Анна молилась вслух задыхающимся голосом, потом принималась хохотать, затем впадала в оцепенение или глубокое раздумье. В эти страшные минуты она, между прочим, вдруг очень спокойно стала говорить окружающим, что палач – мастер своего дела и мучить ее долго не будет. «Топор острый и тяжелый, – заключила она, – а шейка у меня такая нежная, тоненькая...» И опять раздирающие душу рыдания и вопли.

Одни историки говорят, будто Анна Болейн шла на место казни мужественно и сложила голову на плахе с величием праведницы; другие, напротив, – будто бы малодушие ее перешло в ярость, и, осыпаясь проклятиями присутствовавшего народа, она сказала ему: «Королевой жила, королевой и умру, хотя бы вы все лопнули с досады!» Которое из двух сказаний правдивее, решать не беремся; что же касается разночтений у историков, причина их весьма проста: память Анны благословляли протестанты, проклинали католики.

Четыре друга королевы были обезглавлены в тот же день; горло музыканта Смиттона, издававшее когда-то нежные, мелодичные звуки под аккомпанемент лютни, было затянуто позорной петлей на виселице. Церемониал мрачной процессии на казнь был начертан собственной рукой Генриха VIII; палач был нарочно выписан им из Кале... В Ричмондском парке доныне показывают пригорок, на котором король стоял, ожидая вести о совершении казни своей второй, незаконной супруги.

На другой же день после казни он обвенчался с Джейн Сеймур. Эта личность, подобно Анне Болейн, большинству образованного мира представляется в весьма ложном свете, и в этом случае опять виноваты романисты, авторы мелодрам и композиторы. Анну они изображают обыкновенно угнетенной невинностью, тогда как на деле было совсем наоборот; Джейн Сеймур – злой интриганкой, клеветницей и лукавой кокеткой, происками своими погубившей свою жертву, – и это чистейший вздор. Красавица Сеймур была девушка тихая, кроткая, покорная воле тирана и всего менее домогавшаяся короны, снятой с обезглавленной Анны Болейн. Надобно предполагать в этой женщине неестественное мужество и героическую смелость, чтобы допустить с ее стороны возможность домогательства короны, когда перед ее глазами только что разыгралась кровавая катастрофа, оборвавшая жизнь другой женщины, путем интриг достигшей престола и свергнутой с сего, чтобы взойти на эшафот. Дрожа от ужаса, Джейн Сеймур шла к алтарю со своим державным женихом, и не на радость ей был сан королевы, в который он возводил ее; не ослепляли ее ни блеск короны, ни багрянец порфиры, служившей гробовым покровом первой жены короля и обрызганной кровью второй. Она не могла любить Генриха как мужчину (в это время он был обрюзглым, чудовищной толщины субъектом, страдавшим одышкой), но настолько боялась его, что не осмеливалась и думать об измене. Во все кратковременное ее замужество Джейн не покидала мысль, что супружеское ее ложе воздвигнуто на гробнице Екатерины Арагонской и на плахе Анны Болейн.

Эта мрачная обстановка хуже всякого дамоклова меча могла отравить и, вероятно, отравила существование третьей жены Генриха VIII, которая не успела надоесть ему и унесла за собою в гроб (24 октября 1537 года) его искреннее сожаление, подарив ему наследника – Эдуарда.

Четвертый брак короля английского, в который он вступил через два года с небольшим после смерти Джейн Сеймур, можно назвать смешным фарсом, разыгранным Генрихом VIII после трагедии. На этот раз король решил взять себе в супруги не подданную, но принцессу одного из владетельных домов Европы. Политические соображения почти не руководили им; он искал жену себе по вкусу и для этого окружил себя портретами разных принцесс, заочно сравнивая и выбирая. Хотя живопись и называют художеством «свободным», тем не менее она

имела тогда, как имеет и теперь, два существенных недостатка: или рабски подражает подлиннику, или рабски ему льстит, особенно если подлинник – особа женского пола. Художник, изобразивший на холсте черты принцессы Анны Клевской, на которую пал выбор Генриха VIII, долгом себе поставил польстить ей и вместо дебелой девы, ростом и дородностью способной поспорить со своим массивным женихом, изобразил чуть не Юнону – волоокую, с выражением на лице томной неги, едва ли когда оживлявшей круглое, как полнолуние, лицо принцессы. Плененный портретом, Генрих послал формальное посольство сватов за оригиналом, и Анна прибыла в будущие свои владения в январе 1540 года.

– Что это за фламандская *кобыла*? – сказал король окружающим после первого же своего свидания с новой королевой. – Бог с ней; я ее видеть не могу!..

Неизвестно, дошел ли этот отзыв до ушей флегматической Анны, но если бы и дошел, едва ли она была способна обидеться. Полгода Генрих, однако, сожительствовал с нею и, наконец, решил развестись. На оскорбительное предложение короля о расторжении брака и замене титула королевы титулом приемной сестры с приличной пенсией Анна отвечала самым простодушным согласием. Брак был расторгнут 12 июля 1540 года. Генрих VIII забраковал ее, не скажем его же словами, как «кобылу», но как кормилицу, нанятую в господский дом и отпущенную с вознаграждением за то, что не умела «потрафить» господам. Жажда любви или просто животное сластолюбие, которое он желал облечь в законную форму, побудило короля немедленно вступить в пятый брак, по примеру второго и третьего – морганатический, с племянницей герцога Норфолка, Екатериной Говард. Странности характера Генриха VIII и частые смены жен невольно заставляют сказать о нем: с женщинами истинно честными и по происхождению своему достойными быть его супругами он обходился как с потерянными, а содержанок своих возводил в достоинство королевское, уважая их как равных себе. Сравнение короля английского с султаном турецким может быть очень невыгодно первому: у поклонника Магомета султанша-валиде обыкновенно бывала одна, у Генриха VIII ею становилась первая встречающаяся...

То же можно сказать и о нашем царе Иване Васильевиче Грозном. Чем объяснить сумасбродства этих *великих* государей XVI века? Желанием ли унизить свое достоинство, надругаться над законами или просто оправданием поговорки самодуров: «Ндраву моему не препятствуй»?... И в руках подобных деспотов находились судьбы государств!.. Пушкин назвал нашего Грозного «венчанным гневом»; Генриха VIII можно назвать «венчанным бешенством».

В описываемую нами эпоху на великого короля английского окончательно напала религиозная мания, осложненная помешательством эротическим. Через три недели после развода с Анной Клевской Генрих VIII торжественно объявил своей супругой Екатерину Говард, с которой еще до развода обвенчался тайно. Эта красавица, родственница Анны Болейн, нравом оказалась еще хуже этой последней. В угоду своему достойному дяде герцогу Норфолку Екатерина нашептала королю на ненавистного Норфолку Томаса Кромвеля и возвела его на эшафот; тайно благоволя католикам, она восстановила державного своего супруга против реформаторов и лютеран, умножая число казней и усиливая гонения. По повелению Генриха парламент обнародовал *кровавый указ* (bloody bill) в шести пунктах, излагавший религиозные обязанности верноподданных его величества. В силу этого указа приверженцев Папы вешали, а последователей лютеранства или анабаптистов жгли на костре... Исповедовать следовало веру *англиканскую*, изобретенную королем, в которой дикие фантазии его величества были возведены в степень неопровержимых истин и догматов. «Я действую по вдохновению свыше!» – говорил тиран окружающим, и эта раболепная дворня вполне с ним соглашалась... Просим читателя найти разницу между Генрихом и Гелиогабалом, заставлявшим воздавать себе божеские почести... Казни католиков и лютеран происходили с каннибальской утонченностью: несчастных возводили на костер с вязанкой хворосту за плечами или связывая спина со спиной лютеранина и католика. Жертв не перечисляем, чтобы не потерять им и счета; мать кардинала Полуса, врага реформы, дряхлую старицу графиню Солсбери, последнюю ветвь Плантагенетов, приговорили

к смертной казни. Чувство самосохранения придало ей силы бороться с палачом, который, наконец, зарезал ее тут же на эшафоте. Кроме нее, назовем лорда Монтэгу, маркиза Эксчестера, Эдуарда Нельдилля, Керью, Леонарда Грея, наместника ирландского, генерала Кореи; из духовных: А. Брорбея, Ф. Корка, Ф. Бельчиома, Ф. Эбль, доктора Лемберта и юродивую Елизавету Бартон!.. Вполне довольный своей пятой супругой, Генрих VIII приказал читать по церквам особые молитвы о ниспослании ему супружеского счастья – увы! – непродолжительного.

Некто Лешле (LasceLLeS) представил Кренмеру донос на Екатерину Говард, обвиняя ее в распутстве еще до брака с королем и после брака. Ссылаясь на свою сестру, горничную герцогини Норфолк, в семействе которой воспитывалась Екатерина, доносчик счастливыми ее обожателями называл Диргема и Меннока, с которыми она была в преступной связи до брака. Кренмер сообщил королю эти нерадостные вести, и хотя в первую минуту Генрих усомнился в их правдивости, тем не менее поручил канцлеру навести справки, собрать сведения. Донос Лешле оказался истиной от слова до слова: Екатерина Говард за брачный свой венец и за корону увенчала голову своего супруга весьма неприлично. Тем более, что рогатый тигр даже ненормальное явление. Сообщницей и помощницей Екатерины в ее любовных похождениях была невестка Анны Болейн, сестра ее брата, леди Рошфор – существо гнусное и развращенное. Суд был недолог: и Екатерину и ее сводницу казнили в Тауэре 12 февраля 1542 года. Желая впредь застраховать себя от неприятных ошибок при выборе супруги, Генрих VIII обнародовал неблагопристойный указ, повелевавший всем и каждому в случае знания каких-либо грешков за королевской супругой до ее брака немедленно доносить королю. Второй пункт обязывал каждую девицу, в случае избрания ее в супруги его величества короля (читайте *султана*) английского, заблаговременно исповедоваться ему в своих былых прегрешениях, ежели таковые за нею водились.

– Теперь нашему королю остается жениться на вдове! – пошла шутливая молва в народе.

Ровно год вдовел Генрих VIII, ведя его в политических распрях с Шотландией и Францией и прилежно занимаясь делом преобразования церкви. В это время издан был перевод Библии для употребления при литургии и для чтения знатных господ, народу чтение Библии было воспрещено под угрозой смертной казни. Сверх того, для пояснения верно-подданным короля английского догматов новой веры изданы были «Постановления для христианина» (Institution of a christian man), вскоре замененные не менее бестолковым «учением» (Erudition of christian man). Во внешней политике подвигами великого короля были его успешные войны с Шотландией (во время которых для покрытия издержек были упразднены и ограблены монастыри) и союз с Карлом V против Франциска I, охладевшего к своему бывшему приятелю вследствие его безобразничания. Перед отбытием в армию, в феврале 1543 года, король английский изволил жениться в шестой раз, на Екатерине Парр, вдове лорда Летимера, женщине, пользовавшейся безукоризненной репутацией. Молва народная, предрекавшая королю женитьбу на вдове, сбылась! К этому можно прибавить слово о странной судьбе Генриха при его многочисленных браках. Первая его супруга, вдова его брата, была чистой и непорочной девственницей; Анна Болейн и Екатерина Говард, выдавая себя за честных девиц, не были ими, а будучи замужем, не умели быть даже и честными женами; отзывы Генриха о целомудрии Анны Клевской до ее брака были также не совсем основательны; Екатерина Парр была вдовой... Таким образом, за исключением Екатерины Арагонской и Джейн Сеймур, король английский не обрел в своих женах того высокого идеала чистоты, женственной прелести и кротости, к которому он так упрямо стремился. Добрая, истинно любящая женщина могла бы исправить этого человека, но такой он не нашел; разочарование в женщине было, конечно, одной из существенных причин того скотообразия, до которого он унизился в последние годы своей жизни.

Женщина умная, Екатерина Парр втайне благоволила лютеранам и была дружна с Анной Эскью (Askew) – запитанной королем за ее отзывы о религии, не согласные с идеями само-

дура. На престол шестая жена Генриха VIII не возлагала никаких надежд, так как, женись на ней, король дал права законных дочерей принцессам Марии и Елизавете, объявив наследником своим принца Эдуарда. Екатерина Парр надеялась образумить короля касательно вопроса религиозного и душевно желала, чтобы в делах церковных Генрих VIII остановился на учении Лютера. То, что король делал в это время с духовенством, едва ли могло быть извинительно даже Чингисхану или Тохтамышу. 7 июня 1547 года он заключил мир с Францией и Шотландией и по этому случаю приказал в церквях петь благодарственные молебны и совершать процессии со всеми драгоценными принадлежностями богослужения: крестами, дароносицами, ковчегами и иконами... На другой же день все эти драгоценности были отняты в казну. Вычеркнутые из богослужения молитвы о Папе Римском были заменены молитвами об охране короля от «тирана римского». С докторами богословия Генрих вел диспуты с неизменной готовностью за противоречие казнить своего антагониста. Костры пылали, тюрьмы были переполнены узниками, без казней не проходило дня...

Оплакав втихомолку казнь своего друга, Анны Эс্কью, Екатерина Парр приступила к делу обращения короля в лютеранство, дерзая вступать с супругом в богословские диспуты.

В одной из подобных бесед Екатерина слишком явно высказалась за аугсбургское исповедание, на что король с адской иронией заметил ей:

– Да вы доктор, милая Китти!..

И сразу после ухода супруги Генрих вместе с канцлером составил против нее обвинительный акт в ереси. Добрые люди немедленно уведомили Екатерину о готовящейся грозе, и королева своей находчивостью спасла голову от плахи. На другой же день она, придя к мужу опять, затеяла с ним диспут и, постепенно уступая, сказала наконец:

– Мне ли спорить с вашим величеством, первым богословом нашего времени? Возражая, я только желаю просветиться от вас светом истины!

Генрих, нежно обняв ее, отвечал, что он всегда готов быть ее наставником и защитником от злых людей.

Будто в подтверждение этих слов на пороге показался канцлер, пришедший за тем, чтобы арестовать королеву.

– Вон! – крикнул король. – И как ты смел прийти? Кто тебя звал? *Мошенник! Дурак! Скотина!* (Knave, fool, beast!)

Великий король вообще был неразборчив в выражениях.

Жизнь Екатерины Парр была спасена, хотя, нет сомнения, что над головой ее висела секира палача, до времени припрятанная, но Бог сжалился над нею и над всеми подданными Генриха VIII: 28 января 1547 года этот изверг испустил последний вздох на руках своего клеветника Кренмера, завещая похоронить его в Вестминстерском аббатстве рядом с Джейн Сеймур. Воспоминание о своей единственной любви была искрою человеческого чувства в умирающем. Народ вследствие тридцативосьмилетнего ига до того оподлился, до того привык к раболепству, что оплакивал этого великого короля.

Существует убеждение, что все тучные люди добры, так как «жир будто бы поглощает желчь». Генрих VIII лет за пять до смерти был до того жирен, что не мог сдвинуться с места: его возили в креслах на колесах. Самая болезнь его была следствием этой чудовищной тучности. Видно, нет правил без исключения.

Анна Клевская пережила его десятью годами и умерла в Англии, пользуясь своей пожизненной пенсией.

Екатерина Парр, через тридцать четыре дня после смерти Генриха VIII, вышла за Томаса Сеймура, адмирала королевского флота, но внезапно скончалась 7 сентября 1547 года. Существует предание, будто она была отравлена мужем, имевшим виды на руку принцессы Елизаветы, будущей королевы английской.

Елена Васильевна Глинская, государыня и великая княгиня, правительница всяя Руси. Детство и отрочество царя Ивана Васильевича Грозного

Князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. – Князь Василий и Иван Шуйские. – Князь Иван Вельский. – Глинские (1533–1547)

После смерти государя и великого князя Василия Ивановича (4 декабря 1533 года) у нас в России была точно такая же неурядица, как во Франции при Франциске II или в Англии при Эдуарде VI. Именем наследника-младенца управляли царством: сначала его мать, государыня Елена Васильевна Глинская, а после ее смерти – быстро сменявшие друг друга временщики, *бояре-крамольники*, раболепной угодливостью развившие в младенческом сердце будущего Грозного порочные наклонности, своими интригами и злодействами посеявшие в том же сердце ненависть к боярству, впоследствии выразившуюся неслыханными злодействами. Гонитель дворян, совмещавший в лице своем должности неумолимого судьи, а подчас и палача, Иван Грозный, подобно Христиану II Датскому и Людовику XI Французскому, был демократ в душе и сочувствовал народу. Простые люди русские отвечали ему взаимностью, доказательством которой служат, во-первых, предания о царе, в которых он является чаще героем, нежели тираном; во-вторых, самое его прозвище – *Грозный*, так верно его характеризующее. Народ уподобил своего царя грозе Божией: она ужасом леденит сердце человека, но в то же время освежает воздух, оживляет растительность, разгоняет гнилостные, удушливые испарения. Так понимал русский народ своего царя Ивана Васильевича, но это уподобление его Божией грозе, при всей своей поэтической красоте, не выдерживает суда потомства. Божий гром, ударяя в жилище, хотя нередко зажигает его, но дождь, неизменный спутник грозы, заливает пожар, напоминая людям пословицу: «где гнев, тут и милость»; грозы же Ивана Васильевича были грозами сухими или сопровождались кровавыми дождями и разливами кровавых рек; они щадили избы простого народа, но никогда не миновали домов боярских, даже церкви Божией в лице мученика митрополита Филиппа. Чтобы добраться до двух-трех крамольников, царь Иван Васильевич истреблял бояр целыми сотнями, из-за одной нечистой овцы резал все стадо, ради истребления одного куста куколя – выжигал целую ниву... Не плахами, не виселицами управляется самодержавие, как это делал Грозный, но милостями и благодеяниями; сила царя всегда должна быть в любви народной. «Сердце царево в руке Божией, – говорит Писание, – Бог же есть любовь!...»

Царь Иван Васильевич вырос на престоле, наследуя его трех лет после отца; шапку Мономаха держали над ним Елена Глинская и верховная боярская Дума, в которой заседали дяди государевы и двадцать знатнейших бояр. Так по завещанию покойного государя Василия Ивановича было организовано правление царством... Скажем лучше: *должно было быть* организовано, на самом же деле правителями государства были: Елена, дядя ее Михаил Глинский и ее возлюбленный, князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. Матери царя-младенца своим и его именем предоставлено было решать дела внутренние; Дума решала его именем дела внешние. Не ждал народ русский добра от этих новых порядков, чуя здравым умом и любящим сердцем грядущие распри и неурядицы.

Предав тело Василия Ивановича земле в Архангельском соборе, правители, бояре и духовенство поспешили в Успенский собор, где митрополит благословил младенца-царя властвовать над Россией, отдавая отчет в делах своих единому Богу. Во все пределы царства были разосланы гонцы-чиновники для приведения народа к присяге, принесенной единогласно и

единодушно. Однако же стоустая молва предупредила гонцов и разнесла по всем концам Руси, что государыня Елена Васильевна глазами князя Оболенского видит, его ушами слышит, что он не токмо по ней первое лицо, но чуть ли и не повыше ее самой; что князь да сестра его, няня царя и брата его, царевича Юрия, боярыня Аграфена Федоровна Челяднина, всем при дворе управляют и своевольничают, будто чем государыню приворожили... Эта ворожба заключалась в связи князя Ивана Федоровича с правительницей – связи, при которой боярыня-сестрица играла весьма неприличную роль свахи. Эта интрига – явление весьма обыкновенное в западных государствах того времени – у нас на Руси было редкостью, чтобы не сказать небывальщиной. Великие княгини – до Елены Глинской – были в глазах народа образцами целомудрия, стыдливости и всех добродетелей женских; русский народ, не ведая слов Юлия Цезаря о Кальпурнии, всегда говорил о своих государынях его фразу: «Супруга царя – вне подозрений!» Древние наши государи и цари, до времен Петра Великого, избирали себе супруг из боярских фамилий, но избранницы эти бывали всегда совершенством в физическом и моральном отношениях, однако же дочери великокняжеские и царские за бояр не выходили, а уж и того менее связью с ними себя не позорили. Елену Васильевну, как видно, не удержали от греха ни стыд, ни титул правительницы, ни имя вдовы государевой: беглая литвинка литвинкой и осталась и вместе с сердцем отдала князю Оболенскому в руки и судьбу сына и почти что державу царскую. Все последующие события были делами этого временщика, фаворита Елены Глинской.

Ровно через неделю по принесении народом присяги (11 декабря) старший дядя государя, князь дмитровский Юрий Иванович, вместе со своими боярами был заточен в темницу, ту самую, в которой при Иване III был задушен или уморен голодом внук его Дмитрий. Почему князь Юрий подвергся опале? Об этом в наших летописях существует два сказания: одно обвиняет, другое оправдывает князя. По первому он на другой же день присяги младенцу-племяннику подсылал дьяка своего, Тишкова, к князю Андрею Шуйскому, чтобы уговорить его перейти к себе на службу и способствовать возведению его на престол. Шуйский донес о том князю Борису Горбатову; тот – Елене, а Елена, созвав боярскую Думу, приказала ей действовать по закону. По другому сказанию, Андрей Шуйский оклеветал Юрия, чуждого всяких честолюбивых замыслов, и это сказание всего вероятнее, так как Андрей Шуйский, заточенный в тюрьму, мог сделать извет на князя Юрия в надежде заслужить милость и прощение... Всего же вернее, дядя государев был помехой Елене и князю Оболенскому и в их самоуправстве, и в нежных отношениях, сделавшихся окончательно чуть не явными. Участь Юрия ужаснула боярскую Думу и возбудила в ней ропот, а в народе жалость. Бывшие с войсками в Серпухове князь Симеон Федорович Бельский и окольный Иван Лятцкий бежали в Литву и передались Сигизмунду. Следствием этой измены были новые жестокости правительницы: князь Вортынский с сыновьями и брат Симеона Бельского Иван, член верховного совета, были схвачены в Коломне за сообщество будто бы с изменниками, привезены в Москву и посажены в темницы; опала правительницы не пощадила родного ее дядю, Михаила Глинского, и ближнего боярина Михаила Семеновича Воронцова: Глинский был заточен в темницу, Воронцов удален от двора. Эти вельможи были двумя совершенно невинными жертвами, принесенными Еленой Глинской своему князю Оболенскому. Старик дядя не давал ей покоя, укоряя ее постоянно за неприличное поведение, требуя разрыва с фаворитом и удаления его от занимаемых должностей. Страсть заглушила в Елене Глинской чувства родства и уважения к старику дяде: не довольствуясь его заточением, она в угоду Оболенскому приказала уморить Михаила Глинского голодом... Характер правления принимал кровавый оттенок тирании, возмутительной тем более, что она проявлялась в женщине, руководимой любовником. Боярская Дума значительно убывала, зато увеличилось число узников и эмигрантов. Брат князя Юрия Андрей, князь старицкий, страшась подвергнуться одинаковой с ним участи, уехал в свой удел, ропща и негодуя на правительницу, о чем услужливые наушники ей исправно доносили. 26 августа 1536 года князь Юрий скончался в темнице, то есть, подобно Михаилу Глинскому, был уморен

голодом. Князь Андрей, извещенный об этом, со всем своим семейством бежал из Старицы и, сделав привал в шестидесяти верстах от нее, решился собрать войско и, свергнув правительницу, занять ее место... может быть, даже и место государева племянника. К областным детям боярским он разослал грамоты, призывая их к себе на службу и побуждая свергнуть ненавистное иго боярской Думы: «Великий князь – младенец; не ему, а боярам вы служите!» – говорил Андрей в своих грамотах. Они сделали свое дело: многие из боярских детей приняли сторону мятежника, другие, более предусмотрительные, препроводили возмутительные грамоты в Москву. Правительница приняла решительные меры: в Новгород с сильным гарнизоном был отправлен князь Никита Оболенский, а Иван Федорович Телепнев со своей дружиной пустился в погоню за Андреем, которого и настиг в Тюхоли, за Старой Руссой. Войска встали друг к другу лицом к лицу, приготовились к битве, и в эту самую решительную минуту недавняя отважность князя Андрея сменилась малодушием, он смиренно вступил с Телепневым в переговоры, требуя от него клятвы, что в случае сдачи в плен ему мстить не будут... Клятву эту Телепнев дал ему и привез князя в Москву. Елена, строго выговорив своему любимцу за своевольную дачу клятвы, в противность ей, велела оковать и заключить Андрея, семейство его посадить под стражу, боярских советников немилосердно пытаться; наконец, тридцать детей боярских, взявших их сторону, перевешать вдоль по новгородской дороге в далеком расстоянии друг от друга. Полгода томился Андрей в тюрьме, где был тайно удушен по повелению той же великодушной Елены Глинской. Современница Франциска I, Генриха VIII, Карла V и Сулеймана II, она, хотя и слабая женщина, не уступала им в жестокосердии...

Но самое это жестокосердие и совершенное отсутствие сострадания к ближним не мешали Елене Глинской быть нежной, детски уступчивой и женственно-сладострастной в объятиях князя Телепнева... В них находила она самый приличный для себя отдых от казней и злодейств.

Ужасая дворянство и народ своими жестокостями, явными и тайными, возбуждая в них справедливое негодование своим распутством, наша литовско-русская Мессалина выказывала много ума и такта во внешних сношениях с соседними державами. Она подтвердила дружественные договоры России со Швецией, Ливонией, Молдавией, царством Астраханским и князьями ногайскими; в последний год своего правления сносила дружественно с императором Карлом V и братом его Фердинандом, королем венгерским и богемским; вела успешные войны с Крымом и Литвой (1534). Подвиги наших воевод Пупкова, Гатова, Немирова, Лавина, Кашина, князей Федора Мезецкого и Никиты Оболенского не могут быть забыты историей, а нашествие князя Телепнева на Литву (в октябре и ноябре 1534 года) снискало и ему если репутацию не даровитого полководца, то, по крайней мере, отличного резачи, зажигателя и грабителя. Говорим это ему не в упрек: бесполезная резня, пожар, грабеж и насилие были неизменными спутниками войн не только в XVI столетии, но и гораздо, гораздо позже. Князь Телепнев, как бы желая оправдать избыток милостей к себе Елены Глинской, принимает также деятельное участие и в последующих наших войнах с литовцами и крымцами. 29 августа 1535 года отличился брат временщика Федор Телепнев при осаде литовцами Стародуба, хотя и попал в плен с князем Сицким. Этот плен послужил на пользу Литве и России при заключении между ними перемирия в 1537 году.

Пользуясь неограниченным расположением правительницы, князь Телепнев-Оболенский главенствовал в правлении и, как человек предусмотрительный, вкрался в доверие к юному царевичу Ивану и снискал его любовь и искреннюю приязнь. На дворян и бояр он смотрел с пренебрежением, издеваясь над их бессильным гневом, горделиво попирая ногами тех из них, которые перед ним пресмыкались. Народ возненавидел и его и Елену; последняя, желая ханжеством воротить себе утраченную любовь народную и задобрить общественное мнение, строила храмы, ездила по монастырям... но этим лицемерием она возбуждала к себе только пущее презрение. Князь Телепнев, надменный с боярами, не имел настолько такта, чтобы при-

лично держать себя в отношении Елены: постоянно сопутствуя ей в ее разъездах по обителям, он останавливался в одних с нею покоех, садился в одну колымагу, даже при богослужении становился рядом с ней; малолетнего царя Ивана и царевича Юрия ласкал, как добрый вотчим ласкает пасынков. Место правителя царства, которое князь Иван Федорович занимал при жизни Елены Глинской, по его мнению, было упрочено за ним и в случае ее смерти. Задобрить народ – не велика хитрость; бояре, которые теперь тише воды ниже травы, тогда не осмелятся вымолвить слово, тем более что царь подрастает и первым по нем, конечно, пребудет князь Оболенский.

Расчеты временщика оказались однако же воздушными замками. Заслужить любовь войска – он ее заслужит; задобрить народ – он мог бы его задобрить... но он ошибся в суждениях о боярах; он позабыл, что согнутая олигархия в случае переворота тем стремительнее воспрянет, чем более он теперь ее гнет.

Третьего апреля 1538 года правительница проснулась в свой обычный час, занималась делами, была свежа, как весеннее утро, и не жаловалась ни на скуку, ни на нездоровье. В первом часу полудня ей сделалось дурно: дышавшее молодостью и красотой лицо исказилось, дрожь и судороги начали пробегать по стройному ее телу и через час, невзирая на помощь врачей, она скончалась – *от яду*, как справедливо замечает Герберштейн.⁸ Пораженный ужасом, князь Телепнев, его сестра боярыня Аграфена Челяднина и восьмилетний царь Иван Васильевич, рыдая, стояли у смертного одра правительницы, и вопли их глухо и безответно раздавались под сводами царской опочивальни... Бояре молчали, не высказывая ни жалости к покойнице, ни уважения к ее сыну, ни недавнего страха к ее любимцу. Елену, в самый день смерти, похоронили в Вознесенском девичьем монастыре; в течение недели глубокое безмолвие и затишье, предвещавшее бурю, царило при дворе. Толпы бояр – живые волны, готовые поглотить временщика, а с ним вместе, может быть, и царя-отрока, извергли наконец из своей пучины боярина Василия Васильевича Шуйского, потомка князей суздальских, бывшего членом совета еще при покойном супруге Елены Глинской и подозреваемого в ее отравлении. Он объявил себя правителем царства и опекуном царя Ивана и начал свое правление тем, что велел заковать князя Телепнева и сестру его, Челяднину: ни того, ни другую не спасли от насилия даже объятия державного отрока, из которых их исторгли; Шуйский не обратил внимания ни на слезы, ни на мольбы царя Ивана... Это был не арест, но прямой разбой и самое неуважительное к царю бесчинство. Боярыня Челяднина была пострижена в монахини в отдаленном каргопольском монастыре; князя Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского уморили голодом. Адские муки этой смерти, испытанные четыре года тому назад его жертвами Михаилом Глинским и князем Юрием Ивановичем, суждено было изведать ему самому. Василий и Иван Шуйские встали во главе правительства; вместо одного временщика их явилось двое, и вдвое хуже прежнего стало Думе, государству и самому царю. В угоду родственнику Ивана, князю Димитрию Федоровичу Бельскому, временщики, освободив из темницы брата его Ивана, допустили его к занятию прежней должности в Думе. Василий Шуйский, желая упрочить за собой место правителя, будучи вдов, имея более пятидесяти лет от роду, женился на молоденькой княжне Анастасии, дочери казанского царевича Петра, в полной уверенности, что его своевольству не будет ни конца, ни предела. К счастью для царства, Василий Шуйский властвовал только шесть месяцев и умер, вероятно отравленный, в октябре того же 1538 года. Это полугодие было ознаменовано подвигами наглости беспримерной и совершенного забвения законов Божеских и человеческих. Князь Иван Бельский, митрополит Даниил и дворецкий Михаил Тучков вместе с другими вельможами, негодуя на временщиков, решились ослабить их власть в пользу законной, царской. Иван Бельский непосредственно просил царя дать чин боярина князю Булгакову-Голицыну и сан окольничьего сыну Хабару Симского. Узнав об этом, Шуйские на пер-

⁸ Rer. Moskovit. Comm. 80

вом же заседании боярской Думы напустились на Бельского с укоризнами и бранью, упрекая в неблагодарности. Как бы в подтверждение справедливости этих упреков братья Шуйские опять заточили Ивана Бельского в темницу, приверженцев его разослали по деревням, а дьяку Федору Мишуруну после жестоких пыток отрубили голову! Все эти приговоры были утверждены Шуйскими и Думой без ведома царя Ивана, даже не его именем. Этими подвигами Василий Шуйский закончил свое земное поприще – умер, как мы говорили, передав присвоенную самодержавную власть брату своему Ивану. Продолжая мстить врагам своим, новый глава царства, превращенного в олигархическую республику, свергнул митрополита Даниила, заменив его игуменом Троицко-Сергиевской лавры Иосифом Скрыпицыным. Груб и нагл был Василий Шуйский, но Иван его превзошел, являя в своей гнусной особе даже тип не временщика, а просто чванливого холопа, грабящего малолетнего барина и еще хвастающегося своим нахальством. Иван Шуйский, входя в опочивальню царя Ивана, никогда не стоял перед ним, а садился, облачиваясь на постель или закидывая ноги на ближайшую скамью, грабил казну и народ без зазрения совести, в наместники назначал своих клевретов, давая им право творить что им ни заблагорассудится... Так, князь Андрей Михайлович Шуйский и князь Василий Репнин-Оболенский ограбили Псков дотла, не хуже на-беглых татар былого времени. Внутренняя неурядица не могла не привлечь в русские пределы наших давнишних врагов – татар, крымских и казанских. Саип-Гирей, хан крымский, дерзкими грамотами угрожал царю Ивану, издеваясь над его молодостью и бессилием, и Шуйский не постыдился вступить с ним в соглашение, обещая не воевать с царем казанским, его союзником. Пользуясь этим, казанцы вторгались в области Нижнего, Балахны, Муром, Мещеры, Гороховца, Владимира, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки и Перми; выжигали города и села, грабили храмы и монастыри, пытали священников, насиловали монахинь, увечили и уводили в неволю жителей... А дума боярская молчала и, по собственному выражению, «не двигала ни волоса» для отражения союзников разбойника Саип-Гирея. В сношениях с европейскими державами достоинство царства русского унижено не было, но мог ли утешаться этим народ-страдалец, из-под рук малолетнего царя угнетаемый злодеем-правителем...

В 1540 году в правительстве произошел переворот сравнительно к лучшему: бояре столкнули Ивана Шуйского с высокого занимаемого места. Митрополит Иоасаф со многими боярами после ходатайства перед юным царем за Ивана Бельского царским именем освободили узника из темницы и посадили на место, прежде им занимаемое в Думе. Воображая, что царь променяет на него всю партию недовольных, желая утешить его, Иван Шуйский с того же дня, оставив все дела, удалился из Думы... Его никто не удерживал, и, таким образом, партия Бельских торжествовала. Внезапное свое возвышение (чтобы не сказать, воцарение) Бельский ознаменовал многими благодетельными преобразованиями. Уволив Андрея Шуйского, грабителя и обидчика, от должности наместника в Пскове, он восстановил в этом древнем городе суд присяжных, или *целовальников*, решавший дела независимо от воли наместника; освободил царского двоюродного брата, Владимира Андреевича, вместе с его матерью, заключенных еще Еленой Глинской; облегчил тяжкую участь другого полудержавного узника, Дмитрия Андреевича Углицкого, внука Василия Темного. Эти истинно добрые дела Иван Бельский затмил однако же ходатайством своим за своего брата Симеона, беглеца и переметчика. Симеон не воспользовался, впрочем, прощением русского царя, предпочитая возврату на родину позорное служение в рядах крымского хана Саип-Гирея, угрожавшего вторжением в наши пределы, приглашая к себе в союзники и царя казанского. Нашествие произошло летом 1541 года. Саип-Гирей, с изменником Симеоном Бельским и бесчисленной ратью, перешел Дон и 28 июля осадил Зарайск, от которого был отражен воеводой Назаром Глебовым. Русские дружины, расположенные на берегах Оки, поджидали неприятеля; в Москве происходили молебствия о даровании нам победы; одиннадцатилетний царь Иван объявил боярской Думе о намерении своим встать во главе своих воинов, однако же уступил благоразумным советам митрополита и

остался в Москве, приведенной в оборонительное положение и готовившейся к осаде. Небывалое единодушие господствовало в дружинах царских: воеводы, позабыв свое местничество, распри и личные расчеты, дали друг другу слово крепко постоять за царя и утвердили договоры клятвой и крестным целованием. 30 июля хан показался на берегах Оки и занял нагорья; луговой берег защищен был передовыми дружинами князей Ивана Турунта-Пронского и Василия Охлебина-Ярославского. Они с помощью подоспевших запасных полков отразили крымцев, принудив их отказаться от переправы и искать спасения в бегстве. После трехдневной неудачной осады Пронска (с 3 по 6 августа) Саип-Гирей бежал окончательно из пределов царства русского, гонимый нашими воеводами.

Когда мужественные дружины возвратились в Москву, столица встретила их с почестями, царь, заливаясь слезами, благодарил воевод, на что они отвечали ему:

– Государь, мы одолели врага твоими *ангельскими* молитвами и твоим счастьем!

Недавнее бедствие, угрожавшее царству, смирило гордецов, сблизило соперников и в сердцах бояр-крамольников пробудило чувства любви к царю и родине... Это благодатное настроение умов было однако же непродолжительно: крута гора, да забывчива!

Вознесенный боярами по милости доброхотствовавшего ему митрополита, Иван Бельский не только пощадил соперника своего Шуйского, но даже дал ему воеводство – в надежде окончательно победить его великодушием. Дорого заплатился Бельский за эту ошибку. Пользуясь мягкосердием Бельского и его благородным доверием, Иван Шуйский составил заговор к низвержению его и митрополита. Сторону крамольника приняли князья Кубенские (Михаил и Иван), Димитрий Палецкий и казначей Третьяков; к ним вскоре присоединились многие бояре в Москве и других областях, особенно в Новгороде. Начальствуя войсками, Шуйскому нетрудно было и их привлечь к себе. Отделив триста всадников, злодей прислал их в Москву вместе со своим сыном Петром в помощь своим клеветам на случай восстания. Бунт вспыхнул в Кремле в ночь на 3 января 1542 года. Вторгнувшиеся в дом Ивана Бельского заговорщики захватили его и преданных ему Хабарова и князя Щенятева; градом камней осыпали окна дома митрополитова и едва не убили Иоасафа, бежавшего в Троицкое подворье, оттуда во дворец, к царю Ивану... Отрок, пробужденный воплями мятежников и стуком оружия, заливаясь слезами, дрожал всем телом! Бояре ворвались в царские покои, схватили Иоасафа и отправили в ссылку в Кириллов белорусский монастырь, велели священникам храмов кремлевских за три часа до света служить заутреню, всполошили весь город – от царя до последнего нищего. На рассвете Иван Шуйский, прибыв из Владимира и заняв прежнее место правителя, стал немедленно чинить суд и расправу: князя Ивана Бельского сослал на Белоозеро, Щенятева в Ярославль, Хабарова в Тверь. Чутко прислушиваясь к народному говору, временщик услышал сетования об участи Бельского; опасаясь движения в его пользу, Шуйский послал в Белоозеро трех убийц покончить с ним, и с Бельским *покончили*...

Дума боярская безмолвствовала, покорная Шуйскому; церковь два месяца оставалась без архипастыря, еще не избранного на место Иоасафа; выбор Шуйского пал наконец на преданного ему архиепископа новгородского Макария. На воеводства, как и в прежнее время, посажены были клеветы и приверженцы

Шуйского; опять пошли грабежи, притеснения народа – словом, царило безначалие, но вместе с тем занималась и заря перемены в правлении. Временщик дряхлел, а царь Иван Васильевич из отрока становился юношей. Первый удалился от дел, сдав их на попечение своим родственникам, Шуйским же: Ивану и Андрею Михайловичам и Федору Ивановичу Скопину. Иной умирающий временщик напоминает гидру, на место одной отрубленной своей головы порождающую десять новых; так, вместо одного Шуйского явилось их трое. Возникла партия недовольных, душой которой был советник Думы Федор Семенович Воронцов, любимый царем и ненавидимый Шуйскими. С ним они обошлись точно так же, как Иван Шуйский с Бельским. На одном из заседаний Думы в присутствии царя и митрополита крамольники, под-

держиваемые Кубенскими, Палецким, Шкурлятевым, Пронскими и Алексеем Басмановым, стали в глаза Воронцову возводить на него оскорбительные небылицы и после жестокого спора с площадной бранью бросились на него, поволокли в соседнюю комнату и там хотели умертвить. Царю едва удалось вымолить ему пощаду, тогда Шуйские приказали стащить его в темницу. Царь послал к ним бояр и митрополита *просить* оставить Воронцова на службе в Москве. Крамольники отвечали грубостями, отказом, а один из их клеветов, Фома Головин, заспорив с митрополитом, порвал на нем мантию! Эти безобразия переполнили чашу терпения в тринадцатилетнем Иване и зажгли в его сердце ту неугасимую ненависть к олигархам, которую впоследствии не в состоянии были залить целые реки боярской крови. Возросший на руках разврата, Иван Васильевич с самых юных лет обнаруживал порочные наклонности и дикую лютость. Забава охотой развила в нем равнодушие к страданиям живых существ, вид крови производил на него сладостное впечатление. Лстецы хвалили его за шалости, за которые всякий умный наставник строго взыскивает с питомца, кто бы он ни был. Царь истязал щенков, котят, наслаждаясь их визгом, а хор придворной челяди хвалил его изобретательность на муки; царь, разъезжая верхом по московским улицам, топтал под копытами своего коня детей и женщин, и те же бояре славил его молодечество, не понимая, что молодой тигр пробует и острит свои когти, чтобы впоследствии лучше терзать тех же лстецов, недалёковидных пестунов и потатчиков. Так развивалось сердце Ивана Васильевича; об образовании его ума, от природы обширного, не говорим: невежество, в котором умышленно заставляли его коснеть крамольники, было их надежным союзником во всех кознях и происках.

От партии боярской мало-помалу стали отделяться приверженцы единодержавия. Дяди царя, Глинские, Юрий и Михаил Васильевичи, непрестанно внушали племяннику, что пришла ему пора объявить себя самодержцем, свергнуть иго боярское и с себя, и с угнетаемого народа, что вся Русь ждет его призывного клика, чтобы восстать на временщиков и разнести их в прах. Советы эти не пропали даром. На Рождество 1543 года, именно 29 декабря, был пир во дворце, на котором присутствовали вельможи и бояре. Здесь царь Иван Васильевич объявил им свой гнев и исчислил все их проступки против него и царства, в заключение приказал казнить, по его мнению, виноватейшего из всех – Андрея Шуйского. Его в ту же минуту вывели из царских покоев и отдали на растерзание псарям. Эта первая жертва ярости царя Ивана была с восторгом принята озлобленным народом. Затем всех клеветов Шуйских разослали по отдаленным местам, заточили в темницы; Афанасию Бутурлину урезали язык; временщикам именем царя объявлена опала.

Стоя укрепленным лагерем под Коломной, царь, тешась охотой, был остановлен пятьюдесятью новгородскими пищальниками, желавшими принести ему какую-то жалобу; он приказал их разогнать – они заупрямились; приближенные царя употребили силу, десять человек легло на месте. В этом Иван Васильевич заподозрил заговор и поручил дьяку Василию Захарову расследовать дело. Захаров, приверженец Глинских, сообщил царю, что новгородцев к мятежу подстрекнули князь Кубенский, Федор и Василий Воронцовы. Не разобрав, действительно ли они виноваты, царь приказал казнить их, и 21 июля 1546 года все трое были обезглавлены. Побуждая царя к жестокостям, Глинские нисколько не заботились (хотя и говорили) об утверждении единовластия; они свергли Шуйских затем, чтобы занять их место.

Летом 1546 года, под предлогом ближайшего ознакомления с бытом народным, царь ездил с огромной свитой и братьями своими: родным – Юрием Васильевичем и двоюродным – Владимиром Андреевичем, – по разным областям своего царства. Эта прогулка окончательно разорила посещенные Иваном Васильевичем области, отняв у жителей последние крохи; для охоты вырубали леса, вытаптывали нивы, потравляли луга... Видел народ, что хотя бояре и угомонились, да царь-то не больно о нем радеет и на тоску и нужду народную рукой махнул. Самые терпеливые упали духом и перестали ждать себе добра, даже и от новых порядков. Царю исполнилось шестнадцать лет 25 августа 1546 года. В середине декабря, по совещании с митро-

политом, он объявил боярам о намерении своем приступить к обряду священного коронования на царство и вместе с тем вступить в брачный союз, но не с иноземкой, а с девицей из русского боярского рода, так как, «в младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, мог не сойтись нравом с женой иной страны». 16 января 1547 года Иван Васильевич венчался *царским* венцом в Успенском соборе с пышностью и торжеством невиданными; а 13 февраля венчался венцом брачным с дочерью вдовы Захарьиной – кроткой, благочестивой Анастасией Романовной. После пиров и ликования новобрачные ходили в Троицко-Сергиевскую лавру, где провели всю первую неделю поста, молясь над гробом св. Сергия.

Однако же ни молитвы в стенах монастырских, ни беседы с пастырями, ни кроткие убеждения супруги не смягчали ожесточенного сердца юного государя. Тяготясь делами, он жаждал праздности и забав, власть свою проявлял не в милостях, а в жестокостях, бояр ненавидел, но слушался Глинских, которые, пользуясь родством с государем, безнаказанно угнетали народ и своевольничали не хуже Шуйских. Челобитчиков до царя не допускали; если же бывали смельчаки, державшие на притеснения, царь жестоко их наказывал, называя мятежниками. Бояре молчали, целые сотни шутов и скоморохов забавляли царя своими глупыми играми, а льстецы восхваляли его мудрость. Кроткая Анастасия, видя, что она бессильна в великом деле правления царя, молилась Богу, чтобы он просветил Ивана Васильевича и смягчил его ожесточенное сердце.

Пожар Москвы озарил царю ту бездну пороков, в которой он утопал; железное его сердце размягчилось при виде пламени, расплавившего колокола столичных церквей и добела раскалившего их златокованные главы.

12 апреля 1547 года вспыхнул пожар в Китай-городе, истребивший в несколько часов тамошние лавки, казенные гостиные дворы и множество домов от Ильинских ворот до Кремля и Москвы-реки. Взлетел на воздух пороховой магазин и вместе с рухнувшей городской стеной обломками запрудил реку. Через неделю огонь обратил в пепел все улицы за Яузой, населенные гончарами и кожевниками. Оба эти пожара были предтечами третьего – страшнейшего и, по сказаниям летописей, беспрецедентного.⁹ В полдень 21 июня при сильной буре и жестоком вихре начался пожар за Неглинной, на Арбатской улице, в церкви Воздвижения. Рекой разливаясь по улицам, огонь достиг Кремля, Китай-города и Большого Посада. Вся Москва превратилась в костер, плававший под тучами густого удушливого дыма. Деревянные дома обращались в золу, каменные распадались в известь, железо рдело, колокольная медь таяла и лилась, как воск. С ревом бури сливались отчаянные вопли народа, грохот пороховых взрывов и клототание неукротимого пламени, пожиравшего царские палаты, казну, сокровища, оружие, иконы, хартии, книги, гробы с мощами святых. Митрополит, страшно изувеченный, едва мог выбежать из успенского собора и был отведен в Новоспасский монастырь. Пожар утих к трем часам ночи по недостатку дальнейшей для себя пищи! До двух тысяч человек, кроме младенцев, погибло в пламени, и на месте Москвы лежали груды дымящихся развалин. Царь со своим семейством оставался на Воробьевых горах, откуда ему видно было зарево, но куда не достигали стоны погорельцев. Пользуясь скорбным и раздраженным состоянием духа в народе, царский духовник Федор, князь Скопин-Шуйский, боярин Федоров, князь Темкин, Нагой и дядя царицы, Григорий Юрьевич Захарьин, желая свергнуть ненавистных Глинских, подстрекнули народ к мятежу. Когда на другой день пожара царь посетил митрополита в монастыре Новоспасском, туда явился Скопин-Шуйский с сообщниками и объявил царю, что Москва сгорела от злодеев. Царь поручил боярам произвести следствие, и через два дня на их вопрос народу, созванному на площади: кто сжег Москву? – тысячи голосов отвечали: «Глинские. Их мать, государева бабка княгиня Анна, кропила улицы водой, в которой мочила сердца мертвецов!»

⁹ Пожар 1812 года, в сравнении с ним, то же, что ручей в сравнении с рекой.

Княгиня Анна с сыном своим Михаилом находилась тогда в своем ржевском поместье, но другой ее сын, Юрий, был на улице, и на него ринулись разъяренные жители Москвы. Они убили его в Успенском соборе, разграбили все его имущество и не пощадили ни бояр его, ни слуг! На месте недавнего пожарища пылал бунт со всеми своими ужасами... Подстрекатели сами ужаснулись ярости народной, так безрассудно разоженной ими. Царь бежал в свой дворец на Воробьевых горах, страшаясь за участь свою и своего семейства.

В эти критические минуты к Ивану Васильевичу, будто посланник Божий и глашатай совести царской, явился простой священник Сильвестр с книгой Священного Писания в руках, речью смелой и строгой. Князь Курбский в своих воспоминаниях упоминает о каких-то видениях, которыми Сильвестр будто бы ужаснул и образумил царя Ивана Васильевича, но эта фантастическая прикраса не заслуживает внимания истории. Никакие видения не могли так ужаснуть царя, как зрелище недавнего пожара; никакие призраки не могли говорить ему так внушительно, как говорил Сильвестр, или, вернее, как устами Сильвестра говорили ему собственная совесть, здравый смысл и Божия правда. Сильвестр шаг за шагом проследил всю жизнь царя от его сиротской колыбели до данной минуты, угрожавшей ему могилой; он пробудил в Иване Васильевиче чувство долга и сознания истинного назначения царя – быть отцом народа, а не мучителем его.

Сподвижниками Сильвестра явились Алексей Федорович Адашев и царица Анастасия. В пожаре московском, как в адском пламени, вместе с окончившимся владычеством временщиков сгорели порочные наклонности царя Ивана. Он переродился, он воскрес для новой, счастливой жизни, для славы и счастья царства русского.

Тринадцать лет благоденствовала Россия. Начало этой эпохи в сумраке веков озарено пламенем московского пожара, а конец ее – надгробными свечами над трупом царицы Анастасии Романовны. В следующей части нашего труда мы увидим Ивана Васильевича, но уже далеко не таковым, каким теперь оставим его.

Сулейман II

Роксолана (1532–1557)

Слава и гордость Турции, гроза и ужас Южной и Юго-Восточной Европы Сулейман II (правильнее – первый)¹⁰ принадлежит к числу тех властителей-исполинов, явление которых на земле можно уподобить явлению кометы или страшного метеора на небе. Эта личность умещает в себе самые противоречивые качества и пороки, соединяя обширный образованный ум с пылкими, необузданными, животными страстями, великодушие с бесчеловечием, непреклонную волю с ребяческой уступчивостью, подозрительность с доверчивостью, коварство с прямоотой. Некоторыми чертами характера, особенно же казнью сына, Сулейман напоминает нашего великого Петра, и для Турции он был действительно тем же, чем Петр для России, с той однако же существенной разницей, что в жестокосердии далеко оставляет за собой нашего преобразователя. Петр – *альфа* русской славы; Сулейман – *омега* славы турецкой: при нем луна оттоманская светила в полном блеске и затем стала клониться к ущербу, в недалеком будущем угрожающему ей окончательным затмением.

Австрия, Венгрия, славянские земли, Молдавия, Валахия, Польша, Венецианская республика, Архипелаг, Родос, Южная Италия, Алжир, Египет, Персия, Грузия трепетали перед Сулейманом; сотни городов и крепостей были обращены им в пепел и развалины, сотни тысяч людей были принесены им в жертву его ярости или непомерному честолюбию... И этот самый исполин, герой, чудовище был игрушкой женщины, в течение двадцати пяти лет делавшей из Сулеймана все, что ей было угодно.

Бусбек, австрийский посланник при Высокой Порте, первый в своих записках ознакомил Европу с личностью султанши Роксоланы, из простой рабыни достигшей звания законной супруги Сулеймана благодаря своей красоте, уму и лукавству. Следующий наш рассказ о жизни этой замечательной женщины мы основываем на самых достоверных данных, так как многие сказания о ней частью несправедливы, частью же и вымышлены. Обманываясь созвучием имен – собственного и нарицательного, некоторые историки видят в Роксолане *русскую*, так как *роксоланами* называли в Западной Европе славян, живших по побережьям Дона; другие, преимущественно французы, основываясь на комедии Фавара «Три султанши», утверждают, что Роксолана была француженка. То и другое совершенно несправедливо: Роксолана – природная турчанка – была куплена для гарема еще девочкой на невольничьем базаре для прислуги одалискам, при которых и занимала должность простой рабыни. При воцарении Сулеймана султаншей-валиде была грузинка Босфорона, родившая ему наследника Мустафу; за Босфороной, любимицей султана, была Зулема, которую он и променял на Роксолану, очаровавшую его молодостью, красотой и пламенными ласками. В первые пять лет своего сожителства с Роксоланой Сулейман имел от нее сыновей Магомета, Баязета, Селима и Джехангира и дочь Хамерие. Семейство еще более привязало султана к любимице, и тогда-то Роксолана приступила к осуществлению хитрого замысла – посадить на престол оттоманский вместо Мустафы сына своего Баязета, обожаемого ею до безумия, особенно после смерти старшего его брата, скончавшегося в юных летах. Интригу свою Роксолана вела с тем умом и тактом, которые могут быть свойственны женщине, твердо уверенной в своем всемогуществе над мужчиной. Выдав четырнадцатилетнюю дочь свою Хамерие за великого визиря Рустама-пашу, Роксолана без труда привлекла его на свою сторону и приобрела в нем самого верного клеврета и спо-

¹⁰ Сулейман царствовал с 10 сентября 1520 по 23 августа 1566 года. Мы озаглавили наш рассказ годами владычества Роксоланы, биография которой составляет только эпизод из жизни страшного завоевателя.

движника. Осенью 1542 года в отсутствие Сулеймана, бывшего в походе в Венгрии, Роксолана, призвав к себе муфтия, стала совещаться с ним о своем намерении построить великолепную мечеть с богадельней (имаретом) ради спасения души своей и в угоду Аллаху. Муфтий, одобряя благое намерение, заметил любимице султана, что постройка мечети не может послужить ей во спасение души, так как по закону всякое доброе деяние *рабыни* вменяется в заслугу ее *повелителю* и что только свободная женщина властна в своих поступках. Роксолана очень хорошо знала о существовании этого закона; тем не менее она выказала глубокое огорчение и в течение нескольких дней была грустна и задумчива. Сулейман по возвращении своем в Константинополь не узнал в Роксолане прежней веселой, страстной красавицы. Равнодушный к недавнему зрелищу проливаемой крови, глухой к мольбам матерей и жен и воплям истязаемых младенцев, Сулейман был тронут слезами и воздыханиями своей Роксоланы и не хуже нежного юноши стал приступать к ней с расспросами о причине ее грусти.

– Причина моей тоски, – отвечала фаворитка, – сознание рабства и лишения прав человеческих!

Сулейман, за улыбку Роксоланы способный поработить целое царство или, наоборот, освободить из-под своего ига тысячи невольников, объявил ей тотчас же, что слагает с нее позорное звание рабыни и дарует ей желанную свободу. Прежняя улыбка явилась на лице Роксоланы, и, с небывалой нежностью осыпав поцелуями руку повелителя, она быстро удалилась в свои покои. Настала ночь. Евнух, присланный к Роксолане с приглашением в опочивальню повелителя правоверных, принес нерешительный отказ. Разгневанный Сулейман вытребовал однако же послушницу на свою половину и спросил, что значит это неповиновение?

– Оно означает мою покорность велениям Аллаха! – отвечала Роксолана. – Раба исполняет приказания господина, но женщина свободная грешит, разделяя ложе не с законным мужем... Ты ли, высокий образец для всех правоверных, нарушишь заповедь пророка?

Сулейман призадумался, послал за муфтием, и тот вполне одобрил действия Роксоланы, подтвердив, что они согласны с законом Магомета.

Через два дня Роксолана была объявлена законной супругой своего государя с предоставлением ей всех прав и преимуществ султанши. Так достигла Роксолана той высоты, с которой ей легче прежнего было властвовать над Оттоманской империей в лице султана. Суеверы всех стран говорят о возможности будто бы приколдовывать к себе человека приворотными зельями да корешками. Читая о Роксолане, можно не шутя подумать, что она «обнесла» чем-нибудь Сулеймана – такими несокрушимыми цепями приковав к себе его сердце. Ему в то время было за шестьдесят лет, Роксолане – под сорок. Как бы ни были кипучи его страсти, они, во всяком случае, не могли равняться со страстями юноши, который, слушаясь их голоса, всегда глух к возражениям рассудка, иногда и совести; как бы ни была хороша собой Роксолана, но едва ли в сорок лет она, южанка, могла сохранить себя от влияния беспощадного времени. Что же могло привязывать к ней Сулеймана? Перебирая все возможные узы, останавливаемся на могущественнейших, сплетаемых *привычкой*, так справедливо называемой второй натурой, – привычкой, сменяющей в старческом сердце любовь, как плод на дереве сменяет цветок. И кто из нас в своей жизни не испытывал или не испытывает на себе самом силы привычки; да и что, наконец, вся жизнь человека, если не привычка души к ее хрупкой оболочке? Семейство Сулеймана, при его законном сочетании супружеством с Роксоланой состояло из сына Босфороны, Мустафы, наследника престола, трех сыновей Роксоланы и ее дочери, жены великого визиря. Мустафа, занимавший должность правителя Сирии, жил в Диарбекире, обожаемый народом и войсками, неизменно покорный воле своего родителя и государя. Сулейман любил его, всегда отдавая должную справедливость его высоким душевным качествам. Погубить Мустафу во мнении отца было делом почти невозможным... только не для Роксоланы.

Отправив сына своего Джехангира в Диарбекир, где он сошелся и подружился с Мустафой, Роксолана принялась восторженно восхвалять своему супругу добродетели его наслед-

ника именно тем вкрадчивым голосом и в таких выражениях, которые даже в отцовском сердце возбуждают зависть и ревнивые опасения. Она говорила, например, что народ ждет не дождется дня, когда обожаемый им Мустафа взойдет на отцовский престол, что войска готовы пролить за него последнюю каплю крови, что даже соседние управляемой им области персы не нахвоятся им и способны отстаивать его в случае надобности, как родного государя. После всех этих прелюдий Роксолана вспоминала, как горько было султану Баязету II, когда против него взбунтовался Селим, отец Сулеймана, но что кроткий и благородный Мустафа, конечно, на это не способен...

Разжигая этими речами в сердце отца ненависть и подозрительность к сыну, Роксолана приказала зятю своему уведомить пашей, подвластных Мустафе, чтобы они сколь возможно чаще извещали Сулеймана о его добрых делах и заботах о народе. Правители малоазиатских властей, повинувшись великому визирю, осыпали диван посланиями, переполненными похвалами наследнику Сулеймана. Эти послания Роксолана показывала султану в те минуты, когда в нем особенно проявлялись опасения, чтобы сын не вздумал поднять знамени мятежа. «Как его единодушно все любят! – говорила при этом Роксолана. – Его, право, можно назвать не наместником, но государем; паши повинуются ему, как велениям самого султана. Хорошо, что он не употребляет во зло своего влияния, но если бы на его месте был человек лукавый, честолюбивый, тот мог бы...»

И тут эта коварная женщина следила за действием яда своих речей на Сулеймана и видела, что каждое слово жгучей каплей впивалось в его сердце. С другой стороны, Баязет и Селим, принятые отцом ко двору, выказывали ему самую детскую покорность, осыпая его нежными ласками... Эти маневры, свойственные и европейским мачехам для отторжения пасынков от отцовского сердца, увенчались наконец полным успехом.

Волнения, возникавшие в Персии, заставили Сулеймана послать в соседние ей области обсервационный корпус под начальством Рустама-паши и с тайным приказанием последнему умертвить Мустафу в предупреждение его соучастия в мятеже. Зять Роксоланы по прибытии на место отписал султану, что в Сирии настроение умов самое враждебное, что не только все паши, народ и войска намерены провозгласить Мустафу султаном турецким, но даже в полках, подначальных ему, Рустаму, заметно опасное волнение. Усмирить грозящее восстание, по мнению доносчика, мог только сам Сулейман. Прибыв немедленно в Алеппо с войсками и расположась с ними в лагере, султан потребовал мнимого мятежника к себе в шатер к ответу. Мустафа знал о происках Роксоланы, но, твердо уверенный в своей невинности, с надеждой на отцовскую любовь отправился к Сулейману без всякой свиты и спокойно вошел в его пышный шатер, состоявший из двух отделений, разгороженных коврами. В передней части шатра вместо отца Мустафа нашел немых чаушей с шелковыми петлями в руках, приблизившихся к нему с несомненным намерением накинуть ему аркан на шею. Выхватив ятаган, Мустафа со всем отчаянием самосохранения несколько времени отмахивался от палачей и принудил их отступить; но в эту самую минуту ковер, отделявший приемную от опочивальни султана, быстро отдернулся, и в полутени показалась грозная фигура отца Мустафы. Не говоря ни слова, Сулейман только взглянул на оробевших чаушей, а с них медленно перенес свой взгляд на сына, покорно опустившего ятаган и склонившего голову... Пользуясь этим, чауши смело накинулись на него; один из метко брошенных арканов сжал горло несчастного Мустафы, его лицо побагровело, дыхание пресеклось, и через две минуты все было кончено. Детоубийца Сулейман перед отъездом в Алеппо получил от муфтия фетфу (разрешение) умертвить мятежника, без страха ответить за то на страшном судилище. Участи Мустафы подвергся в Бруссе и малолетний сын его; путь Баязету к престолу был очищен. Одновременно с убиением наследника Сулеймана умер и друг Мустафы Джехангир, сын Роксоланы; *от горя* – говорят романисты, *от яду* – гласит история. Кровавые эти события совершились летом 1553 года.

Труп Мустафы был выставлен у палатки Сулеймана для прощания с ним войск. Безмолвное уныние воцарилось в лагере; солдаты добровольно наложили на себя двухдневный пост и, благословляя память невинно убиенного, не осмеливались проклинать убийцу. Опасаясь бури, предвещаемой этим затишьем, Сулейман уволил Рустама-пашу от должности великого визиря и, назначив на его место любимого войсками Ахмета-пашу, возвратился в Константинополь. Эта мера не только не отклонила бунта, но еще более способствовала ему, хотя войска и не принимали в нем никакого участия. Та же любовь к убитому Мустафе послужила Роксолане и Баязету орудием к мятежу, имевшему целью свержение Сулеймана с престола. Эта адская махинация заслуживает подробного исследования.

По наущению матери Баязет вскоре по убийстве Мустафы приискал человека одних с ним лет и разительно на него похожего. Золотом и клятвенными уверениями в совершенной безопасности Баязет убедил двойника Мустафы выдать себя за убиенного, спасшегося будто бы от смерти. Весной 1554 года Никополис, побережья Дуная, Валахия и Молдавия были взволнованы вестью, что Мустафа жив, являлся многим, призывал их к восстанию и к свержению Сулеймана. Видевшие и слышавшие самозванца, обманутые сходством, передавали жителям городов и деревень, будто Мустафа, в прошлом году приглашенный отцом в Алеппо, не сам явился к нему, но вместо себя послал раба, как две капли воды на него похожего; сам же бежал из азиатской Турции в европейскую. Образовались шайки, вскоре слившиеся в целую армию. Самозванец, как говорила молва, намеревался идти прямо на Константинополь, захватить Сулеймана и истребить вместе с ним Роксолану и все ее семейство. Ахмет-паша со своими войсками двинулся навстречу ополчению лже-Мустафы, рассеял его, самозванца же захватил в плен, чего никак не ожидали ни Баязет, ни Роксолана. Они рассчитывали на одно из двух: или самозванцу удастся овладеть Сулейманом, и тогда по убийстве того и другого Баязет займет место отца, или двойник Мустафы, убитый в сражении, унесет тайну заговора в могилу, а Сулейман окончательно убедится в виновности сына, убитого по подозрению. Плен самозванца разрушил все эти ковы. Преданный истязаниям, самозванец чистосердечно сознался в обмане и указал на Баязета как главного виновника восстания. Лже-Мустафу по повелению Сулеймана утопили, а Баязет был позван к ответу. Ахмет-паша, ненавидевший и Роксолану, уличал изменника; чауши ждали знака султана, чтобы накинуть на Баязета позорную петлю... Но Сулейман медлил, смягчаемый мольбами и слезами Роксоланы, – и Баязет был помилован, и Роксолана не утратила в глазах своего супруга обаятельной своей прелести. Головой заплатил за свое усердие Ахмет-паша, удушенный через год по повелению Сулеймана за тайные сношения будто бы с рыцарями Иоанна Иерусалимского о сдаче им Родоса; на самом же деле оклеветанный Ахмет-паша был жертвой, принесенной султаном своей супруге.

С этой минуты Роксолана, не боясь ни врагов, ни соперников, смотрела на своего Баязета как на государя, может быть, в недалеком будущем, но так не думал ее сын Селим, завидовавший брату и изыскивавший все способы к его пагубе. Об этом соперничестве, погубившем Баязета, может быть, и не подозревала предусмотрительная и дальновидная Роксолана. Она умерла в 1557 году, оплаканная неутешным Сулейманом, и была погребена с подобающими почестями. Счастливее Генриха VIII и Христиана II в своей слепой привязанности к женщине недостойной, Сулейман не разочаровался в ней ни при ее жизни, ни после ее смерти... Да и кто осмелился бы запятнать память Роксоланы в глазах ее супруга?

Вражда Селима с Баязетом разрешилась кровавой усобицей 30 мая 1559 года. Сорок тысяч человек легло с обеих сторон при этом поединке двух братьев-честолюбцев. Баязет со всем своим семейством бежал в Персию, где его, по повелению Сулеймана, удавили или отравили ядом, и, таким образом, вместо Баязета сделался наследником престола Селим, на который он и вззошел после смерти отца 23 августа 1566 года.

Не хотим утомлять внимание читателя рассказами о тех зверствах, которыми позорили себя и Сулеймана его войска в странах завоеванных: ни возраст, ни пол не защищали жертв

от насилия и мучительной смерти. Доныне в славянских землях существует множество преданий о кровопролитии и истязаниях, которым Сулейман безжалостно подвергал сопротивлявшихся ему неприятелей, пленников и даже мирных горожан и поселян, уступавших ему без боя. Повторим то, что мы сказали во вступлении к нашему труду: в XVI веке в Европе был потоп, кровью человеческой заливший все царства – от устьев Шотландии до устьев Печоры; от Финмаркена до Кандии; от Северо-Западной Шотландии до берегов Каспийского моря. Войны, внешние и междоусобные, религиозные распри и ко всему этому частые моровые поветрия – такова была обстановка гражданского быта всех европейских государств, вконец не опустошенных однако же смертью потому, что ей противодействовала *любовь* – грубая, чувственная, чисто животная, доходившая до распутства; любовь, свирепствовавшая в виде нравственной эпидемии повсеместно... Но эта нравственная эпидемия спасала от эпидемий физических и от смерти, которую несли войны, междоусобицы или государи-тираны... Одно зло было противоядием другому, и упадок нравственности в Европе XVI столетия был, если можно так выразиться, едва ли не *необходимостью*, сохранявшей равновесие в цифре размножения рода человеческого.

Екатерина Медичи. Карл IX

Братья Гизы, герцог Франциск и Карл, кардинал Лотарингский. – Альберт Гонди. – Мария Туше (1560–1574)

Последние сорок лет шестнадцатого века и первое десятилетие семнадцатого были ознаменованы во Франции кровавыми распрями между католиками и протестантами, или, как их тогда называли, *гугенотами*.¹¹ Бешеное изуверство с одной стороны, неуступчивость – с другой; обоюдные интриги, нетвердость в слове, взаимное предательство и вероломство; войны, сменявшиеся постоянно нарушаемыми перемириями; наконец, Варфоломеевская ночь и избивание гугенотов, поглотившее во Франции свыше семидесяти тысяч невинных жертв фанатизма; знаменитая *Лига*, отточившая ножи двум цареубийцам, – таковы характеристические черты этой страшной эпохи.

На этом кровавом фоне мы представим читателю (попеременно) несколько силуэтов, по наружному облику – человеческих, по злодействам – адских чудовищ. Из них первое место принадлежит женщине, уже не молодой, но статной, красивой. На лице ее приветливая улыбка, в белой руке, увешанной четками, кубок яду; на полной, высокой груди, на одной и той же золотой цепочке, крест со святыми реликвиями, волшебные амулетки и ладанки с заклинаниями.

Черные, пламенные глаза обращены к небу – не для благоговейного созерцания, а для обретения в нем ответа на вопрос о будущем. Утро эта женщина посвящает молитве или, правильнее, чтению узаконенного числа молитв; день – государственным делам; вечером она совещается с астрологами, чернокнижниками, алхимиками и знахарями, снабжающими ее косметическими снадобьями... и ядами; ночью она предается порывам необузданного сладострастия. По изуверству – Изабелла Испанская, по кровожадности – Паризадита персидская, по властолюбию – Агриппина римская, по распутству – Клеопатра египетская, – женщина эта, вдова короля французского Генриха II, королева-родительница, – *Екатерина Медичи*. Тридцать лет (с 1559 по 1589 г.) именами своих сыновей – Франциска II, Карла IX и Генриха III – участью государства располагала она, играя в правительстве при королях ту же самую роль, которую в древних капищах играли жрецы, скрывавшиеся в пустых истуканах, называвшихся оракулами. Единодушные проклятия сопровождали ее в гроб; современники Екатерины и их правнуки не могли без ужаса вспоминать о ней; однако же с веками взгляд на нее изменился. Нашлись историки, которые, обсуждая деяния Екатерины, отважились замолвить слово в ее пользу, а трудолюбивый историограф-компилятор Капфиг¹² в наше время явился адвокатом королевы-злодейки перед судом потомства. По его словам, Екатерина была совершенно права во всех своих интригах, явных и тайных преступлениях, кровавых распрях, ею разжигаемых, даже в резне Варфоломеевской ночи. Все это, по мнению Капфига, было необходимо, единственным рациональным средством умиротворения Франции. С точки зре-

¹¹ В истории Франции Пьера Матьё (Pierre Matthieu. Histoire de France sous Francois I et Henri II. Paris, 1631, 2 vol. In fol.) происхождение слова гугенот объясняется тем, что прибывшие ко двору Франциска I посланники из Германии для ходатайства за угнетенных лютеран начали свою речь фразой: «Мы сюда пришли» (hus nos venimus...). Первые два слова – гук нос (hus nos) – рассмешили присутствовавших придворных, давших прозвище гукносов сначала посланникам, а после того – всем без различия иноверцам, то есть и лютеранам и кальвинистам. Постепенно слово «гукнос» перешло в «гугнот», «гугенот». По другому толкованию, весьма сомнительному, это слово произошло от имени короля Гугона, тень которого являлась в Париже во время первого гонения лютеран в царствование Франциска I. Из двух этимологий предоставляем любую на выбор читателя. Третье мнение, общепринятое, будто слово «гугенот» происходит от заставы Св. Гугона в Туре, у которой происходили сборища кальвинистов; четвертое, будто «гугенот» – искажение eidgenossen (связанный присягой), совершенно неосновательно.

¹² Capfigues. Les Reines de la main droite: Catherine de Medicis. P., 1860, in 80.

ния людей, для которых плахи, виселицы и расстреливания – верные средства умиротворения; которые, например, в парижской бойне 2 декабря 1851 года видят геройский подвиг и гениальность, – с точки зрения подобных господ Екатерина Медичи, разумеется, великая женщина; спорить с ними было бы пустой тратой времени. «Таков был век», – говорят другие снисходительные судьи в оправдание Екатерины, но и это оправдание нелепо, и оно не лучше предыдущего. Тит, цезарь римский, жил за полторы тысячи лет до Екатерины Медичи, однако же снискал себе прозвище утешителя рода человеческого...

О роде тосканских деспотов Медичи существуют два сказания: то есть историческое и ложное, фантастическое, сплетенное лестью. Приводим и то и другое как одинаково заслуживающие внимания читателя. Историки Павел Иовий и Гвиччардини фактически доказывают, что родоначальником фамилии Медичи был флорентиец, врач-шарлатан, торговавший разными лекарственными снадобьями и этим наживший огромное состояние. Пользуясь смутами, свирепствовавшими в республике, благодаря своему золоту, врач втерся во дворянство, заменив свое малоизвестное имя фамилией *Медичи*,¹³ намекая на свою прежнюю профессию. Кроме того, он сочинил себе герб, состоявший из щита с изображением на нем пяти шариков, в которых нетрудно угадать пилюли. Внуками и правнуками врача-дворянина были герцоги урбинские и великие герцоги тосканские: Алессандро, Джулиано, Козимо, Лоренцо, Франциск – и Папы Римские Лев X и Климент VII. Стыдясь откровенности предка, потомки, гордые собственными заслугами, никак не хотели сознаться, что их фамилия происходит от слова «медик», что пять шариков на их гербе не что иное, как прозаические пилюли...

Геральдика, вечная угодница гордости, вывела герцогов из неприятного положения, протрубив во все концы Европы нижеследующую сказку о происхождении герба великих герцогов тосканских.

Одновременно с Геркулесом, удивлявшим своими подвигами Грецию, в Италии жил великан-богатырь по имени Муджелло. Этот герой, соперничая с сыном Алкмены, имел с ним довольно частые столкновения, обыкновенно оканчивавшиеся обоюдными потасовками, из которых однако же Муджелло почти всегда выходил победителем. Однажды во время ратоборства Геркулес ударил своей палицей по щиту противника, и от этого удара на щите образовалось пять круглых впадин. Так, по словам геральдики, произошел герб Медичи. Сказание, как видит читатель, весьма остроумное, не лишенное своего рода поэзии, положительно невероятное и, может быть, по этой самой причине принятое в Европе XVI века без апелляции. Говорят, впрочем, будто нашлись скептики, заметившие, что если бы шарики на гербе Медичи произошли от удара палицы, то они были бы вдавлены внутрь, а не выпуклы; но на это геральдика отвечала презрительным молчанием – и весьма умно сделала. Что касается нас, мы придерживаемся первого сказания, то есть что предок Медичи был врач и что пять шариков на их гербе изображают пилюли; если Павел Иовий (историограф-взяточник, за щедрые благостыни писавший какие угодно панегирики) не заслуживает веры, то Гвиччардини правдив, насколько может быть правдивым летописец XVI века.

Известно, что характер предка запечатлевается на потомках до третьего и четвертого колена, даже далее. Всматриваясь в семейство Медичи, нетрудно угадать в некоторых его членах родство с врачом-эмпириком. Врач всего прежде должен быть образован – Козимо, Лоренцо и Папа Лев X любили науки и покровительствовали ученым; Франциск всю свою жизнь занимался алхимическими опытами. Екатерина, как мы уже говорили, была весьма сведуща в изготовлении всяких ядов, косметических средств, в особенности же выказывала непреодолимую страсть ко всякого рода *кровопусканиям*... Это ли не достойнейшая правнучка своего пращура? Аптекарь миланец Рене и астролог Козимо Руджиери были ее бессменными спутниками на грязном поприще интриг любовных и политических. Кроме ядов и возбуди-

¹³ Medisi – ит. «врачи».

тельных средств, Екатерина Медичи орудием своей политики употребляла и систематический разврат, имея для того верных помощников и сотрудниц в лице своих фрейлин. Это великая женщина? Протестант, парижский книгопродавец *ГенрихЭтьенн* (или, как он латинизировал свое имя, Стефанус), автор любопытного памфлета о жизни Екатерины Медичи, недаром сказал о ней (хотя и немножко резко) в своем вступлении: «Я, некоторым образом, боялся перепачкать себе руки и почувствовать тошноту, раскапывая эти смрадные мерзости!»¹⁴

О хитрости и лукавстве Екатерины Медичи автор выразился такого рода прогрессией: «Итальянцы лукавы вообще, жители Тосканы – в особенности; из тосканцев лукавейшие – флорентийцы, из последних лукавейшею и хитрейшею женщиной была Екатерина Медичи!»

Единственная дочь славного Лоренцо Медичи, племянница папы Климента VII, Екатерина родилась во Флоренции в 1519 году. По обычаю того времени при появлении ее на свет астрологи, в том числе знаменитый Василий-математик, составили ее гороскоп, и все в один голос объявили, что Екатерина будет виновницей гибели того семейства, в которое со временем попадет. Испуганные родственники решили не выдавать ее ни за кого замуж и обрекли ее на вечное одиночество. Когда ей исполнилось одиннадцать лет и она была отправлена в Рим, ее родные совещались о том, куда ее пристроить, – одни предлагали повесить в корзинке на зубцах городской стены под неприятельские выстрелы; другие, не менее жестокие, – отдать в дом разгула; третьи – заточить в монастырь. К счастью для Екатерины и к несчастью для Франции, последнее мнение превозмогло. Три года она провела в стенах монастыря, откуда была вызвана дядей Климентом VII для выдачи замуж за Орлеанского герцога Генриха, второго сына короля французского Франциска I. Этот брак, чисто политический, был заключен во вред и назло императору Карлу V и ради увеличения областей Франции присоединением к ним герцогства Миланского, *обещанного* Климентом VII в приданое за Екатериною. Свадьбу праздновали 28 октября 1533 года в Марселе, куда невеста прибыла с многочисленной свитой обоего пола итальянских пройдох, подобно ей самой, приехавших во Францию искать счастья, почестей и поживы. Нам уже известен быт двора Франциска I, при котором тогда в полном блеске сияла герцогиня д'Этамп, окруженная целой армией льстецов и приверженцев. Другая, слабейшая партия группировалась вокруг дофина Франциска; третью, ничтожнейшую, составляли сторонники герцога Орлеанского, имевшие во главе своей Диану де Пуатье... Мысль первенствовать при дворе при этой неблагоприятной обстановке была бы чистейшим безумием, особенно со стороны нового лица, только что принятого в королевскую семью. Екатерина как нельзя лучше выпуталась из этого неловкого положения: раболепствуя перед державным своим свекром и его полудержавной фавориткой, она льстила дофину, ласкала любовницу своего мужа, Диану де Пуатье, держала себя перед всеми тише воды, ниже травы и, таким образом, ладила со всеми. Своей итальянской челяди она выхлопотала выгодные места при большом дворе и при дворе дофина Франциска; к последнему, между прочим, попал в мундшенки некто Себастьян Монтекуколи, которому особенно протезировала Екатерина. Дофин полюбил угодливого итальянца и не мог достаточно нахвалиться его усердием. В 1536 году летом, сопровождаемый Себастьяном, дофин отправился в Лион и здесь недели через две, забавляясь игрою в лапту, сильно вспотев, выпил стакан холодной воды, поданный ему услужливым Монтекуколи. Эта неосторожность имела самые гибельные последствия: через пять дней дофин скончался от воспаления легких. Болезнь, бесспорно, весьма обыкновенная, но, несмотря на это, итальянского мундшенка притянули к ответу. При обыске в его квартире найдена была книга о ядах, по объяснению Монтекуколи, ему необходимая, так как он по своей должности мундшенка обязан был знать, какие напитки вредны, чтобы в случае нужды оказать необходи-

¹⁴ J'ai craint de souiller aucunement mes mains et me faire mal au coeur en remuant et sentant une matiire tant vilaine et puante (page 4). Мы делали выборки из этой книги с возможной осмотрительностью, так как она написана противником Екатерины и приверженцем гугенотской партии. Заглавие ее: Discours merveilleux de la vie, actions et d'йportements de Catherine de Medicis etc. P., 1649, petit in 6.

мую помощь. Этим объяснением не могли удовлетвориться; Монтекукколи, заподозренного в отравлении дофина, пытали. Итальянец показал под пыткой, что он отравил дофина по наущению клеветников императора австрийского Карла V; лютейшие истязания не могли у него исторгнуть никаких дальнейших подробностей. Отравитель был четвертован в Лионе 7 октября 1536 года; яростная чернь разнесла его труп по клочьям и побросала их в Рону. Гроб дофина послужил супругу Екатерины Медичи ступенью к престолу: Генрих, герцог Орлеанский, был объявлен дофином. Это *первое* преступление флорентийки, искусно замаскированное благодаря упорству преданного ей Монтекукколи, не может подлежать сомнению, несмотря на опровержения многих историков. *Воспаление легких*, как увидим далее, было исключительной болезнью, от которой умирали соперники и соперницы Екатерины Медичи: брат Колиньи, кардинал Шатийон, видам¹⁵ шартрский, Антоний де Круа, принц Порсиан (Porsian), Жанна д'Альбре, мать Генриха IV, и чуть ли не сам Карл IX, так как и его смерть, по многим уважительным причинам, была нужна Екатерине Медичи.

Возвышение Генриха и превращение его из герцога Орлеанского в наследника престола умножили его партию и придали смелости его фаворитке Диане де Пуатье; главная же виновница этого переворота по-прежнему оставалась в тени и чуть что не в загоне. Негодяя на нее за продолжительное ее неплодие, Генрих в первый год воцарения помышлял о разводе и отсылке ее на родину. Узнав об этом, королева решила прибегнуть к покровительству Дианы де Пуатье, которая действительно взяла ее сторону в своих личных интересах. В царствование своего супруга Генриха II Екатерина Медичи как-то стусевывалась и умалялась сперва перед Дианой, а потом Гизами, дофиной Марией Стюарт, даже Сарой Флеминг-Левистон. Нам точно так же уже известно, что и в кратковременное царствование Франциска II дела Франции прибрали к рукам братья Гизы. Действительное начало владычества Екатерины совпадало с восшествием на престол ее девятилетнего сына Карла IX стараниями фаворита его матери Альберта Гонди (впоследствии маршала Ретца), уже развращенного и бездушного изверга. Карла, когда он был младенцем, забавляли петушиными боями и звериными травлями; Карл-отрок находил особенное наслаждение одним взмахом палаша отсекал головы кошкам, баранам и жеребяткам (значит, руку набивал, и то занятие!). На охоте лютостью и зверством десятилетний Карл мог потягаться с самым закоренелым ловчим, умел отлично трубить в охотничий рог, подковывать лошадей и стрелять необыкновенно метко, впоследствии, сознавая в себе отсутствие чувства жалости, он этим хвалился, часто повторяя ок–ружающим бессмысленную аксиому: «Жесток тот, кто милосерд; тот милосерд, кто жесток!» (*C'est cruaute d'ltre clement, c'est clemence d'ltre cruel*). Кроме этого милого молодого человека, в королевском семействе Валуа были еще герцоги: Анжуйский (впоследствии Генрих III) и Алансонский; принцессы Елизавета (просватанная за испанского инфанта дона Карлоса, но выданная за его отца, короля Филиппа II) и Маргарита, впоследствии супруга короля Генриха IV. Все они, наследовав от отца и матери их пороки, были с юных лет испорчены воспитанием при дворе, при котором распутство считалось достоинством, а любовные интриги доблестями... Таковы были последние Валуа.

После смерти короля Франциска II во главе правоверной католической партии красовались братья Гизы, герцог Франциск и Карл, кардинал Лотарингский; во главе партии гугенотов – адмирал Колиньи и принц Людовик Конде. Антуан Бурбон, король наваррский, коннетабль Монморанси и маршал Сент-Андре образовали третью партию, *умеренных*, то есть не служивших ни нашим, ни вашим, а собственным своим интересам. Канцлер Мишель де л'Опиталь, единственная добрая и благородная личность, до этого времени участвовавшая в делах внутренней политики, по проискам Гизов был удален, а с его удалением для борьбы двух партий открылось свободное поле. Очень хорошо понимая, что как Гизы, так и Конде со своими приверженцами стремятся к достижению королевской короны, Екатерина Медичи решила под-

¹⁵ Начальник епископских войск и главный управитель духовных имений.

держат вражду в тех и других в полной надежде, что соперники погубят друг друга и поле сражения останется за нею.

На первый случай она сблизилась с Антуаном Бурбоном и Конде, предоставив первому важный сан правителя. Гугеноты восторжествовали, а герцог Гиз, оскорбленный этой несправедливостью, удалился в Лотарингию. Всячески потворствуя гугенотам, Екатерина при каждом удобном случае высказывала живейшее сочувствие их вероисповеданию, допустила торжественное собрание духовных лиц, католиков и протестантов, для диспута о догматах в августе 1561 года (*colloque de Poissy*). Пользуясь благосклонностью королевы, гугеноты стали притеснять католиков, и тогда Екатерина вместе с королем наваррским присоединилась к партии Гизов, призвав герцога Франциска в Париж. Ненавистник гугенотов озаменовал свой путь к столице избиением протестантов в Васси (в Шампани), чем отдалил всякую надежду на миролюбивое соглашение враждовавших партий. Чтобы последовательно рассказать об адских интригах этого времени, чтобы выбраться из этого лабиринта, в котором ноги по колена вязнут в лужах крови, нужно иметь перо даровитого аббата Верто или Сен-Реаля. Следя за ходом междоусобия, мы невольно отделились бы от героини нашего очерка и легко могли бы потерять ее из виду. Возвратимся же к ней и попытаемся передать читателю все уловки и увертки этой змеи, по рассказам Совалы, в его любопытной истории любовных интриг королев французских.¹⁶

Пригласив к своему двору короля наваррского, а с ним и принца Конде, Екатерина Медичи пустила в ход все обольщения любви и неги для успешнейшего подчинения себе начальников партии, враждебной Гизам. Она ослепила своих гостей пышными праздниками, домашними спектаклями, на которых ее фрейлины, являясь в виде полунагих нимф и мифологических героинь, исполняли самые сладострастные танцы, способные поколебать нравственные правила самого сурового стоика. Двум красавицам, девице Руэ (*Rouet*) и девице де Лимейль, королева поручила во что бы то ни стало вскружить головы королю наваррскому и принцу Конде, и обе девицы принялись за дело с усердием, а главное – с опытностью достойных прислужниц лукавой флорентинки. Та и другая шли разными путями к одной и той же цели. Мадемуазель Руэ явно выказывала свою симпатию Антуану Бурбону; мадемуазель Лимейль, напротив, отзывалась о принце Конде с самой невыгодной стороны, твердя всем и каждому, что разве только с отчаяния можно решиться иметь такого несчастного обожателя. Простодушный король наваррский дался в обман и, позабыв о своей милой жене Жанне д'Альбре, доброй и заботливой матери его детей, Генриха¹⁷ и Екатерины, увлекся, как юноша, и привязался к мадемуазель Руэ со страстью, тем сильнейшей, что она держала себя с ним неумолимо строго. Эта строгость, спешим оговориться, была не чем иным, как самым хитрым расчетом, так как в это же самое время один из придворных кавалеров, д'Эскар, пользовался неограниченной благосклонностью лукавой кокетки. Филипп II Испанский, зорко следивший за ходом междоусобий во Франции, через своего посланника Манрикеца предложил королю наваррскому свой союз и содействие с условием, чтобы он развелся с Жанной д'Альбре, женился на Марии Стюарт и вытеснил протестантов из Франции. Это предложение разбивало в прах все замыслы Екатерины Медичи. Не теряя времени она поручила мадемуазель Руэ употребить все зависящие от нее средства для расстройства предполагаемого союза короля наваррского с Испанией и Шотландией. Покорная велениям своей государыни, верная фрейлина принудила Антуана Бурбона к отказу, уступив наконец его страстным желаниям... Плодом этой любви был Карл Бурбон, впоследствии архиепископ Руана, признанный и провозглашенный королем под именем Карла X во время мятежей Лиги.

¹⁶ S a u v a l. Les amours des rois de France. La Haye, 1738, in 12. T. 1, p. 271 et seq.

¹⁷ Будущего короля Генриха IV.

Между тем война кипела; города из рук гугенотов переходили в руки католиков; первых преследовали Гизы, вторым не давали пощады Колиньи и Конде. Король наваррский, смертельно раненный под стенами Руана, умер 7 октября 1562 года близ Андильи на руках Екатерины Медичи, поручая ей своих детей и супругу. Заливаясь слезами, королева клятвенно обещала заботиться о них как о своих единокровных. Начало 1563 года было ознаменовано событием кровавым, но для Екатерины Медичи радостным. Адмирал Гастон де Колиньи, которого не так-то легко было обольстить ласками фрейлин или очаровать балетами да домашними спектаклями, решился избавить гугенотов от их непримиримого гонителя, герцога Франциска Гиза, посредством тайного убийства. Гиз, взяв Руан и одержав над гугенотами блестящую победу при Дрё, подступил к Орлеану. В это самое время к нему явился бедный дворянин-гугенот Польтро дю Мере с предложением своих услуг против своих же единоверцев. Гиз принял переметчика как нельзя лучше и согласился оставить у себя на службе. Дня через два после того, 15 февраля, поздним вечером Гиз вместе с приближенным своим Ростенгом проходил по лагерю. Внезапно из ближайшего куста сверкнул выстрел, и Гиз упал со стоном, тяжело раненный, как впоследствии оказалось, отравленной пулей.¹⁸ Убийца Польтро дю Мере был тотчас же схвачен, подвергнут допросу, пыткам. На последних он показал, что действовал по наущению адмирала Колиньи, снабдившего его деньгами и советами. Герцог Франциск Гиз умер на девятый день после раны (24 февраля), убийца был четвертован; что же касается до Колиньи, несмотря на все улики, он, по распоряжениям Екатерины Медичи, даже не был привлечен к ответственности. У королевы не хватило духу мстить тому, кто избавил ее от такого могучего врага, каким был герцог Гиз; к тому же до самого Колиньи тогда еще не дошла очередь. 18 марта 1563 года королева заключила с гугенотами мир в Амбуазе. Интрига фрейлины Лимейль с принцем Конде, на время войны прерванная, возобновилась с прежней силой. Коварная сирена созналась, что злословила с принцем единственно потому, что досадовала на его равнодушие к ней. На это признание Конде отвечал ей самыми страстными уверениями в любви и вечной верности. Супруга принца, до слуха которой дошли нерадостные вести о неверности Конде, затосковала и умерла с горя. Искательницей руки вдовца явилась, кроме девицы Ли-мейль, вдова недавно убитого на войне маршала Сент-Андре, прочившая перед тем свою дочь за старшего сына покойного Гиза, Генриха. Отказав обеим невестам, Конде женился на Франциске Орлеанской, сестре герцога Лонгвиля. Екатерина Медичи, досадуя на девицу Лимейль за неудачное ее сватовство, удалила ее от двора в Оссонский монастырь минориток, где изгнанница разрешилась от бремени мертвым младенцем, а потом вышла замуж за своего давнишнего обожателя Жофруа де Козак, сеньора де Фремон. Вообще этот год после недавних войн был годом торжеств Амура и Гименея; двор Екатерины Медичи для героев междоусобиц был тем же, чем для войск Ганнибала их развратительница Капуа: королева старалась прикрывать розами и миртами те могилы, которые она в это же время готовила гугенотам! Она сама, несмотря на свои сорок четыре года, не довольствуясь дорого покупаемыми ласками своего возлюбленного Альберта Гонди,¹⁹ сошлась с братом Франциска Гиза, кардиналом Карлом Лотарингским.

¹⁸ Брат Франциска Гиза, кардинал Лотарингский, умер от горячки 26 декабря 1574 года. Де Ту в своей истории подозревает, будто его отравила Екатерина Медичи посредством духов, которыми опрыскала подаренный ему кошелек с редкими монетами; но это несправедливо. Связь Екатерины с кардиналом продолжалась до самой его кончины. О подробностях см.: *Journal de Henri III* par P. de l'Etoile ed. La Haye, in 12, 1746, p. 112–115 et nota 55.

¹⁹ Альберт Гонди родился во Флоренции 4 ноября 1522 года и вместе с отцом переселился в Лион, где первый содержал банк, но дважды разорился. Мать Гонди, воспитывавшая детей Екатерины Медичи, привела Альберта ко двору, где королева отплатила ему за связь с нею званиями наставника короля Карла IX и обер-камергера. Плохой воин, но порядочный дипломат, он пользовался покровительством Генриха III, пожаловавшего ему орден Св. Духа и возведшего из маршала Ретца в генералиссимусы. Он умер 12 апреля 1602 года. Никакими заслугами Гонди не мог искупить злодейства, совершенные им во время гонения гугенотов. Брат его Пьер, родившийся в Лионе в 1533 году, благодаря протекции Альберта был канцлером и милостынераздателем супруги Карла IX, елизаветы Австрийской, а в 1587 году пожалован в кардиналы. Умер 17 февраля 1616 года. По душевным качествам был несравненно лучше старшего брата и зла никому не делал.

В 1565 году Карл IX, объявленный совершеннолетним, вместе с матерью, братьями и Генрихом, двенадцатилетним сыном покойного короля наваррского, ездил по разным областям Франции и, между прочим, посетил Байонну, где Екатерина Медичи виделась и совещалась с любимцем Филиппа II, страшным герцогом Альбой. На тайном совещании (подслушанном сыном покойного Антуана Бурбона) кровопийца Нидерландов, испанский палач-генералиссимус от имени достойного своего государя предложил Екатерине Медичи умиротворить волнуемую Францию посредством повторения в ней *сицилийской вечерни*, то есть истребить гугенотов так, как французы были истреблены во времена оны в Палермо. Это предложение, разумеется, пришлось как нельзя более по сердцу Екатерине Медичи, и, таким образом, в голове ее возникла и созрела мысль избиения гугенотов, осуществленная в роковую и позорную для Франции ночь св. Варфоломея. Генрих Бурбон немедленно уведомил свою мать Жанну д'Альбре, принца Конде и адмирала Колиньи о страшных замыслах Екатерины. По предложению престарелого вождя своего гугеноты решили захватить королевскую фамилию в плен при обратном ее возвращении в Париж, куда она прибыла однако же 29 сентября совершенно благополучно благодаря надежной охране бывшего при ней большого отряда швейцарцев. Опять начались междоусобицы, но на этот раз ознаменованные постоянными поражениями гугенотов: 10 ноября 1567 года коннетабль Монморанси разбил их при Сен-Дени; затем после перемирия в Лонжюмо они опять были побеждены при Жарнаке (13 марта 1569 года) и Монконтуре (3 октября). Аржанс, взявший принца Конде в плен при Жарнаке, честным словом заверил его в милосердии к нему короля и пощаде его жизни, но, несмотря на это, в ту минуту, когда пленный принц следовал за ним верхом и обезоруженный, на него сзади напал гвардейский капитан Монтескью и пистолетным выстрелом разможил ему голову. Так по повелению Екатерины Медичи были сведены счеты с опаснейшим из всех ее соперников. Еще года за два перед этим королева пыталась отравить его посредством яблока, побывавшего в руках ее парфюмера, миланца Рене,²⁰ но неудачно: лейб-медик принца Конде доктор Ле Лон, подозревая злой умысел, не позволил ему прикоснуться к отравленному плоду, а, отрезав небольшой кусок и завернув его в хлебный мякиш, дал съесть собаке, которая через несколько минут окоченела в жестоких судорогах. Лицо самого доктора, имевшего неосторожность только понюхать отравленное яблоко, на несколько дней опухло.²¹ Яд Рене, как видит читатель, был надежный, но пуля Монтескью оказалась и того лучше. Одновременно с неудавшейся попыткой отравить принца Конде слуга адмирала Колиньи Доминик д'Альб по поручению Екатерины пытался отравить адмирала и его брата д'Андело, однако же вовремя принятое противоядие спасло Колиньи от смерти; брат же умер 27 мая 1569 года. Отравителя схватили, он сознался во всем и по повелению Карла IX был колесован... надобно полагать – за неловкость. Ссылаясь на признание своего слуги-предателя, адмирал Колиньи мог бы, конечно, задать Екатерине Медичи довольно неприятный для нее вопрос касательно ее соучастия в этом черном деле, но смолчал по деликатности, так как и его не беспокоили расспросами после убийства герцога Гиза.

Третий мир между католиками и гугенотами был подписан в Сен-Жермене 15 августа 1570 года. На этот раз, несмотря на явный перевес партии Екатерины Медичи и Карла IX над партией Колиньи и Жанны д'Альбре, гугенотам были даны все те права, которых они домогались, и предоставлена совершенная свобода вероисповедания и богослужения. Кардинал Лотарингский, даже тот выказал необыкновенную кротость и уступчивость. «Это недаром! Тут что-нибудь да не так!» – говорили дальновиднейшие приверженцы Колиньи, влагая в ножны свои мечи, иззубренные в бою и потускневшие от крови фанатиков-иноверцев. Жанна д'Альбре

²⁰ Придворный парфюмер и аптекарь Екатерины Медичи Рене был миланец, а не флорентиец, как ошибочно называют его в своих романах даровитый Дюма и его бездарнейший подражатель Понсон дю Террайль.

²¹ Discours merveilleux, etc. p. 19–21.

вместе с сыном удалилась в свое наваррское королевство; адмирал Колиньи отправился на отдых в кругу семьи в родное поместье.

Здесь на минуту остановимся, чтобы сказать несколько слов о первой любви короля Карла IX, из жестокосердного ребенка ставшего теперь девятнадцатилетним юношей-извергом, совершеннолетним и для злодейств, и для грубых наслаждений, о которых смутное понятие было ему внушено еще в лета безгрешного младенчества. За развитием его страстей, за первым ударом его сердца, забившегося любовью, следила королева-родительница, следили и ее прелестные фрейлины. Первая, верная своей системе развращать с политической целью, рекомендовала сыну заблаговременно некоторых из *своих* девиц в надежде приобрести верную шпионку в фаворитке королевской. К совершенной досаде заботливой матери, Карл, не обратив внимания на ее доморощенных казенных красавиц, выбрал себе фаворитку из народной среды, обратив первый страстный взгляд на дочь орлеанского аптекаря Марию Туше, фламандку по происхождению, полную двадцатилетнюю блондинку. Утром он ее увидел, а вечером Ла Тур, гардеробмейстер короля, привел красавицу в его комнату. Менее всего склонный к идеальной любви, чуждый всякого чувства изящного, не имевший ни малейшего понятия о стыдливости женской, так как он вырос в кругу бесстыдниц, Карл IX был слишком нетерпеливым циником, чтобы тратить время на переговоры и сентиментальные объяснения. До своего сближения с Карлом IX Мария Туше была равнодушна к Монлюку, брату епископа Валенцкого, и, сделавшись фавориткой, продолжала вести с ним переписку. Узнав об этом, король (как повествует Соваль), желая убедиться в истине, употребил хитрость. Он созвал к себе на ужин придворных дам и девиц, в том числе Марию Туше, и в то же время приказал шайке цыган, призванной для увеселения компании, тихонько отрезать от поясов присутствующих дам их кошельки. Цыгане удачно исполнили это поручение, и Карл, обыскав кошелек своей фаворитки, нашел в нем письма Монлюка. Уличив Марию и прочитав ей дружеское наставление, король внушил ей быть ему верной и впредь не шалить. Сдержала ли Мария Туше данное ему слово или продолжала вести переписку с должной осторожностью, неизвестно, но как бы то ни было, более не попадалась с поличным. Король мало-помалу привязался к ней, особенно после рождения ею сына, и по-своему любил горячо до самой своей смерти. К чести Марии Туше, прибавим, что она не употребляла во зло влияния на Карла IX, не выводила в люди своих близких и дальних родственников, даже сама не домогалась ни титулов, ни щедрых даяний. Когда шли переговоры о браке Карла IX с австрийской принцессой Елизаветой и портрет последней был прислан жениху, Мария Туше, взглянув на изображение будущей королевы, потом в зеркало, сказала с усмешкой: «Ну, эта немка мне не опасна!» Действительно, бедная Елизавета, кроткая, добрая, но некрасивая, в течение четырех лет замужества не сумела ни привязать к себе своего супруга, ни охладить его к Марии Туше. Какой-то придворный грамотей, желая польстить фаворитке, составил из ее имени MARIE TOUCHET любезную анаграмму: JE CHARME TOUT (я все очаровываю), что отчасти было даже справедливо, так как никто из придворных не мог пожаловаться на обходительность фаворитки. Выбор короля был весьма счастливой случайностью или делом весьма умного расчета. Что было бы с королевством в это несчастное время, если бы фавориткою короля была какая-нибудь госпожа вроде герцогини д'Этамп или одна из казенных красавиц, рекомендованных ему его услужливой маменькой?

С самого начала 1570 года Екатерина Медичи была занята множеством государственных дел, одно важнее другого. Возникли какие-то интимные отношения с польским дворянством, и в то же время кардинал Шатийон (брат Колиньи) вел переговоры об избрании герцогу Анжуйскому в супруги королевы английской; с римским и испанским дворами шла деятельная секретная переписка... Вероятно, о подавлении восстания в Нидерландах. На донесения правителей французских областей о частых столкновениях между гугенотами и католиками королева не отвечала никакими особенно строгими инструкциями; напротив, всего чаще оправдывала

гугенотов, подтверждая права, данные им недавними эдиктами умиротворения. Парижский кабинет, очевидно, желал сохранить самое доброе согласие с адмиралом Колиньи и Жанной д'Альбре, единственными защитниками кальвинистов. При всем том смутное предчувствие чего-то страшного тревожило сердца людей осторожных, не доверявших этому затишью и принимавших его за предтечу бури. Суеверов беспокоили «небесные знамения», то есть явления кометы, метеоров; частые северные сияния и необыкновенные ураганы, о которых в летописях того времени сохранилось множество чудесных, фантастических рассказов. Астрологи предрекали в близком будущем новые распри и кровопролитнейшие побоища; в книге «*Центурий*» покойного Мишеля Нострадамуса отыскивали несколько четверостиший весьма зловещего содержания.²² Вся Франция была в напряженном состоянии томительного, лихорадочного ожидания горя или радости... «Радости», – поспешила ответить Екатерина Медичи, возвестив своим верным подданным о предстоящем бракосочетании Карла IX с Елизаветой Австрийской. Желая сделать соучастниками семейной своей радости и католиков и гугенотов, королева радушно пригласила на брачное торжество тех и других. Было много званных, но мало избранных. На свадьбе Карла IX приверженцы Колиньи и Жанны д'Альбре блистали своим отсутствием; довольствуясь миром, гугеноты, очевидно, избегали тесного сближения с католиками, не обращая внимания на любезности и заигрывания Екатерины Медичи. Старик Колиньи беспрестанно напоминал окружавшим, что королевский двор со всеми своими обольщениями в мирное время едва ли не опаснее ратного поля во время усобиц, и в подтверждение истины своих слов указывал на недавние примеры покойных Антуана Бурбона и Людовика Конде. Жанна д'Альбре, женщина честная, еще красавица, несмотря на годы, но строгих правил, инстинктивно ненавидела двор, при котором, как она писала к своему сыну, «женщины сами вешаются на шею мужчинам».²³

В начале 1571 года Екатерина Медичи радушнейшим образом опять приглашала к себе адмирала и королеву наваррскую, обещая первому доверить предводительство над войсками, которые намеревалась тогда послать на помощь Фландрии; но Колиньи и Жанна д'Альбре опять уклонились от приглашения королевы-родительницы. Видя, что это не помогает, она отправила к Жанне д'Альбре в качестве чрезвычайного посланника маршала Бирона с предложением руки принцессы Маргариты сыну Жанны д'Альбре, Генриху. Брак этот, по мнению Екатерины Медичи, был единственным средством для окончательного примирения всех партий, религиозных и политических; в дозволении Папы Пия V не могло быть ни малейшего сомнения, так как его святейшество, по словам маршала Бирона, душевно желал примирения партий, волновавших Францию. Это сватовство, льстившее самолюбию вдовы Антуана Бурбона, соответствовавшее ее задушевному желанию видеть со временем своего сына на французском престоле, поколебало ее недавнюю решимость отнюдь не сближаться с семейством Валуа. В то же время Колиньи, уступая просьбам своих друзей, принца Нассауского и маршала Коссе, согласился ехать в Блуа, где тогда находились Карл IX и Екатерина Медичи со всем двором. На это последнее обстоятельство указывал маршал Бирон как на явное доказательство искренности и любви королевы-родительницы. «Она сама и державный ее сын, – говорил маршал Жанне д'Альбре, – не колеблясь делают первый шаг к родственному свиданию с вами. Зачем же вы будете оскорблять их ничем не извинительным недоверием?» Вдовствующая королева наваррская более не колебалась, изъявила маршалу свое согласие на предполагаемый брак, вместе с тем обещая приехать ко двору в непродолжительное время. Прием, оказанный Карлом IX адмиралу Колиньи, превзошел все его ожидания. «Это счастливейший день в моей жизни! –

²² Нострадамус (1503–1566) для Франции то же, что у нас Брюс или Мартын Задека. Какую богатейшую пищу суеверию дают его знаменитые «Центурии», в которых есть, между прочим, предсказания о революции 1789 года и Наполеоне... Разумеется, правдивость предсказаний зависит от догадливости читателей.

²³ Le Laboureur. Addition aux Memoires de Castelnau. Т. II, p. 903.

восклицал король, бросаясь адмиралу на шею. – Я вижу моего милейшего папашу. Наконец-то вы в наших руках, наконец-то вы наш, и теперь, как хотите, а уже мы вас не выпустим!» Затем Карл IX объявил дорогому гостю, что поздравляет его с назначением членом Государственного совета, жалует 50 тысяч экю на покрытие путевых издержек, уступает ему движимое имущество недавно умершего в Англии кардинала Шатийона²⁴ и весь годовой доход с недвижимого. Не менее щедрыми милостями были осыпаны прибывшие с адмиралом дворяне-гугеноты и молодой зять его Телины. В знак особенного почета и для удостоверения его в личной безопасности адмиралу было разрешено иметь при себе отряд телохранителей из полусотни алебардистов; но это еще не все: единственно в угоду своему *папаше* 14 октября 1571 года Карл IX именным указом подтвердил гугенотам своего королевства все прежние права с присоединением многих новых льгот и привилегий. Остальные сыновья Екатерины Медичи, ее дочь и она сама ласкали Колины, угождали ему и ухаживали за стариком так, как ухаживают за богатым дедом недостойные внуки, то есть с нежностью, доходящей до приторности; с угодливостью, впадающей в докучливость. Тронутый Колины, приняв все эти ласки за чистую монету, доверился с простодушием ребенка. Это было торжество флорентийской политики Екатерины Медичи, наконец-то поймавшей старого льва в свои сети, сплетенные на этот раз из шелка и золота. Обольстив лицемерием своим старика адмирала, Карл IX приготовился к свиданию с Жанной д'Альбре. Он сам с Екатериной Медичи и блестящей свитой выехал к ней навстречу в Бургейль, со слезами радости целовал ей руки, называя возлюбленной тетушкой, обожаемой красавицей. А вечером того же дня спрашивал у своей достойной родительницы:

– Хорошо ли я сыграл мою рольку? (Ai-je bien joue mon petit rolet?)

– Как нельзя лучше, – отвечала Екатерина, – но что же дальше?

– Дальше увидите сами; главное дело сделано. Как опытный охотник, я заманил птичек в западню, остальные залетят сами!

В Париже король и его родительница в одно и то же время одинаково деятельно занялись устройством великолепных праздников и перепиской с римским двором о разрешении Маргарите выйти за гугенота, короля наваррского. Пий V медлил ответом; Жанна д'Альбре сомневалась в успехе, но Карл IX успокаивал ее словами: «Сестра Марго будет за Генрихом, хотя бы Папа Римский лопнул с досады! Если же он не позволит, тогда мы обойдемся и без его позволения; я не гугенот, но также и не дурак; вы же и сестра для меня, конечно, дороже, нежели его святейшество!» Для устранения, однако, всяких недоразумений решили отправить в Рим для переговоров о браке кардинала Карла Лотарингского,²⁵ а в ожидании категорического ответа тешили Жанну д'Альбре и всех ее приверженцев, съехавшихся в Париж, пирами да балами. Екатерина Медичи, как добрая, радушная хозяйка и нежная мать, заботилась и о доставлении гостям всевозможных удовольствий, и о заготовлении приданого своей милой Марго, совещаясь о последнем пункте со своей возлюбленной сватьюшкой Жанной д'Альбре. Наряды последней, щегольские для скромного беарнского двора и приличные для королевы наваррской, были не довольно богаты и изящны для двора короля французского. Та же внимательная, обходительная Екатерина Медичи давала дружеские советы Жанне д'Альбре насчет ее туалета, дарила ей обновы, снабжала духами, пышными фрезами по моде того времени, перчатками, вышитыми шелком и золотом. Сорокалетняя королева наваррская по своей красоте и молоджавости казалась не матерью, но сестрой юного Генриха Бурбона; ее величавость и полнота не мешали ей в танцах отличаться ловкостью и грацией. Скрепя сердце, однако, королева наваррская принимала участие в придворных празднествах, вполне сознавая всю их

²⁴ Кардинал был отравлен по повелению Екатерины Медичи 14 февраля 1571 г.

²⁵ Он уехал в Рим в последних числах мая 1572 года, и во время Варфоломеевской ночи его не было в Париже, хотя кардинал этот был одним из главнейших организаторов этой резни, задуманной еще в Блуа зимой 1571 года.

пустоту, сумасбродную роскошь и нравственную распущенность, замаскированную этикетом. Ее не покидала мысль, чтобы Генрих вместе с Маргаритой немедленно после бракосочетания уехал из Парижа в родимый Беарн или Нерак, где образ жизни хотя и гораздо проще и не было при тамошнем дворе сотов доли той роскоши, которая владычествовала при дворе парижском, но зато где люди похожи на людей, а не на раззолоченных кукол или ненасытно сластолюбивых обезьян. Бедная Жанна д'Альбре еще не знала, что двор Екатерины Медичи и Карла IX не только царство разврата, но прямой разбойничий притон, из которого добрых людей живыми не выпускают.

Четвертого июня 1572 года городской глава Марсель давал великолепный бал королевской фамилии в здании парижской ратуши. Праздник продлился далеко за полночь, а на заре, по возвращении в Лувр, Жанна д'Альбре почувствовала себя плохо. Призванные доктора объявили, что у королевы наваррской воспаление легких... Обращаем внимание читателя на это обстоятельство: тридцать шесть лет тому назад от воспаления легких скончался сын Франциска I по милости своего мундшенка Монтекуколи. При первом же известии о болезни Жанны д'Альбре Екатерина Медичи сказала окружающим, что королева наваррская, *вероятно*, простудилась, так как в последние дни много выезжала, несмотря на ненастную и холодную погоду. Было бы гораздо вероятнее, если бы Екатерина сказала, что на больной, бывшей на балу в ратуше, были надеты перчатки, раздушенные миланцем Рене, и высокий крахмальный воротник с фрезами, опрысканный ароматами той же лаборатории... На пятый день, 9 июня, Жанна д'Альбре скончалась. Вскрытие показало паралич легких – неизбежное следствие воспаления, причины же воспаления не нашли; так и порешили, что во всем была виновата простуда. Генрих Наваррский, Колиньи и все дворяне-гугеноты были в ужасе, подозревая отравление; Екатерина Медичи и Карл IX успокаивали их, ссылаясь на показания людей ученых и сведущих, между прочим, на свидетельство знаменитого Амбруаза Паре, которое должно было рассеять всякие сомнения. Колиньи, а за ним и другие (кроме Генриха) поверили, что Жанна д'Альбре скончалась своей смертью, по воле Божией.²⁶ На старого адмирала тогда точно затмение нашло; он верил коварным речам короля французского, ласкам его матери, но не верил очевидно. Кардинал Пельве, клевет Карла Лотарингского, бывшего в Риме, уведомил о подробностях заговора против гугенотов; последние перехватили письмо, уличавшее злодеев, – и этому письму Колиньи не поверил! Он ссылаясь на неизменную к нему внимательность Карла и Екатерины, на их охлаждение к Генриху Гизу, на досаду и негодование последнего. В конце июля прибыло из Рима письмо от кардинала Лотарингского с давно желанным разрешением Папы Пия V на бракосочетание короля наваррского с Маргаритой; письмо подложное, написанное кардиналом единственно для ускорения страшной развязки заговора против гугенотов, сопряженного с этой свадьбой. От этого греха его святейшество дал кардиналу свое папское разрешение – цель оправдывала средства. Гугеноты, разумеется, не усомнились в подлинности папского благословения на брак короля наваррского и стали целыми семьями стекаться в Париж на близкое торжество... Расчеты Карла IX были верны; сбылись его слова, сказанные Екатерине: *«Я заманил птичек в западню, остальные залетят сами»*.

Восемнадцатого августа совершилось бракосочетание короля наваррского Генриха Бурбона с Маргаритой Валуа и сопровождалось пышными празднествами. Тут произошло то желанное слияние партий, которого так жаждали – хотя и с противоположными целями – Колиньи, Карл и Екатерина Медичи. Гугенот пил из одного бокала с католиком; жены и дочери дворян наваррских порхали в танцах вместе с фрейлинами и статс-дамами Екатерины Медичи,

²⁶ Отравление посредством духов, весьма обыкновенное в Италии, было введено во Франции стараниями екатерины Медичи. Каждый, мало-мальски знакомый с медициной, без труда поймет, что при вдыхании яда прежде всего поражаются легкие. Смерть – неизбежный исход подобного рода воспаления, настоящая причина которого легко может укрыться от исследований самого опытного анатома.

и как невинность доверчиво подавала руку разврату, так будущие убийцы шутили и смеялись со своими ничего не подозревавшими жертвами.

Гугеноты со своими семьями веселились и плясали над вулканом, прикрытым блестящим паркетом ярко освещенного Лувра. Сияя самодовольной улыбкой, король Франции и королева-родительница для каждого гостя находили ласковое слово, любезность, лестный комплимент и в то же время разменивались выразительными взглядами со своими сообщниками... Кровавая трагедия готовилась под этой личиною веселой комедии! Праздник сменялся праздником, один бал другим, и если бы в те времена существовали в Париже газеты, подобные нынешним французским, то нет ни малейшего сомнения, что какой-нибудь фельетонист-лизоблюд отпустил бы стереотипную фразу: «Эти дни ликования парижского двора были днями радости всей столицы»... Бывали политические злодейства во все века вообще, в шестнадцатом в особенности, но чтобы убиению нескольких тысяч жертв предпослать пиры, заставлять плясать свои жертвы, поить их, откармливать буквально на убой, чтобы потом перерезать, надругаться над ними... до подобного цинизма в злодействе могли дойти только Екатерина Медичи и достойное ее отродье Карл IX! Дня через три после свадьбы, ранним утром, в кабинете короля происходило таинственное совещание между ним, Екатериной и Генрихом Гизом.²⁷ О чем именно они говорили, мы поймем, проследив путь последнего от Лувра до своего дома. По возвращении от короля Гиз, призвав к себе гвардейского капитана, преданного ему Морвеля, и бывшего своего наставника Вилльмюра, объявил им, что король и королева «разрешили ему *то*, о чем он их просил». В ответ на это Морвель вынул из кармана две медные пули и показал их Гизу; осмотрев их с видом знатока, герцог возвратил их Морвелю с придачею кошелька, туго набитого золотом. Потом, приказав Вилльмюру позаботиться об устройстве *всего* как следует, отпустил обоих клеветников. На другой день (в пятницу 22 августа) адмирал Колиньи по окончании заседания в Государственном совете возвращался домой через улицу Бетизи, где встретил короля. Взяв адмирала под руку, король пригласил его на партию в лапту (*jeu de paume*), на нарочно устроенную для игры эспланаду, на которой в это время находились Генрих Гиз и Телиньи, зять адмирала. Окончив игру, Колиньи, сопровождаемый двенадцатью дворянами из своей свиты, пошел домой обедать и дорогою читал какую-то бумагу, переданную ему королем. На углу улицы Св. Германа Оксеррского путники были оглушены выстрелом из мушкетона, раздавшимся в нескольких шагах из окна дома Вилльмюра. Колиньи зашатался: одна из медных пуль раздробила ему указательный палец правой руки, другая сильно поранила левую. Наскоро перевязав раны, опираясь на прислужников, Колиньи как дотащился до дому, откуда немедленно послал нарочного к Карлу IX с известием обо всем случившемся. При первых словах вестника король побледнел и с художественно подделанным отчаянием вскричал:

– Опять! Нет, это уже слишком... Этому не будет конца! Пора до корня истребить эти проклятые распри!..

Король наваррский и принц Генрих Конде поспешили навестить раненого и присутствовали при перевязке. Лейб-хирург Амбруаз Паре признал необходимым отнять палец, но ампутировал так неловко, что причинил адмиралу невыразимые страдания. Старик однако же мужественно перенес операцию и, благодаря Бога за сохранение жизни, послал тысячу золотых экю для раздачи бедным гугенотам своего прихода. От адмирала Генрих и Конде отправились в Лувр к королю, покорнейше прося его отпустить их из Парижа.

– Нет, нет, ни за что! – перебил Карл IX. – Этого преступления нельзя оставить без наказания, и вы обязаны присутствовать при производстве следствия. Клянусь вам честью и Богом,

²⁷ Сын покойного Франциска, убитого Польтро дю Мере. Подробная биография Генриха Гиза излагается в обозрении следующего царствования.

что убийца будет наказан примерно и так, что его муки отобьют у мятежников дальнейшую охоту покушаться на жизнь моих друзей!..

– Непременно, непременно! – подтвердила Екатерина Медичи. – Если это дело оставить без последствий, то наконец и мы в Лувре не будем уверены в нашей безопасности.

Немедленно по королевскому повелению все парижские заставы, за исключением двух, были закрыты; всем временным жителям столицы – гугенотам, знатным и простым, – было приказано переселиться в квартал, где находился дом адмирала, чтобы находиться под охраной его стражи, теперь усиленной. О всех этих *благодетельных* распоряжениях король сообщил адмиралу лично, посетив больного со всем двором. Герцог Анжуйский и Екатерина плакали, увидя раненого старика, а король, ударяя себя в грудь, твердил:

– Милый батюшка, я страдаю душой так, как вы – телом! Меня злодеи ранили, меня оскорбили вместе с вами!

– Благодарение Господу, – произнесла Екатерина, подымая глаза к небу, – что он сохранил нам нашего бесценного Колиньи!

– Как – бесценного? – усмехнулся старик. – Давно ли вы, государыня, предлагали 50 тысяч экю за мою голову? К слову сказать, этим же самым искателям моей гибели вы теперь поручили исполнение эдикта умиротворения по областям, почти несоблюдаемого...

– Папаша, не сердитесь, бога ради! – перебил заботливо король. – Теперь вам вредно сердиться. Клянусь вам честью, мы назначим новых комиссаров и все-все уладим к совершенному вашему удовольствию.

Колиньи завел речь о походе в Нидерланды против испанцев, но Екатерина и Карл, уклоняясь от ответа, только убеждали его беречь себя, клялись Богом и честью разыскать убийцу и предать его самым адским истязаниям. Перед отъездом в Лувр король сказал адмиралу, что для совершеннейшей его безопасности он прикажет оцепить его дом, и действительно прислал стражу под начальством Коссена (Cosseins), заклятого врага Колиньи и ненавистника гугенотов. Вечером у адмирала было собрание всех его друзей и приверженцев. Жан де Феррьер, видам шартрский, объявил, что покушение на жизнь адмирала – первый акт трагедии, которая окончится избиением всех родных и друзей; напомнил о подозрительной кончине королевы наваррской, о странных мероприятиях для безопасности гугенотов... Как в древней Трое Кассандра предостерегала семейство Приама, но никто не послушал ее советов, так ни друзья Колиньи, ни он сам не обратили внимания на пророческие слова видама; Телиньи особенно горячо защищал короля, ссылаясь на его клятвы и уверения. То же самое повторилось и на другой день (в субботу 23 августа), когда к голосу Телиньи присоединились Генрих Конде и король наваррский.

Между тем и в Лувре происходили совещания – совсем иного рода. Карл, Екатерина, герцоги Анжуйский, Неверский, канцлер Бираг, Таван, Гонди и *пригулок* Ангулемский²⁸ обсуждали важный вопрос: убить или пощадить при предстоящей резне Конде и короля наваррского?

– Увидим, как разыграется дело! – порешил Карл IX.

В послеобеденную пору около Лувра показались толпы вооруженных людей весьма подозрительной наружности. На вопрос короля наваррского король французский отвечал, что это все проделки Гизов, замышляющих что-то недоброе, «но я их угомоню», – успокаивал он своего зятя. Заметив, что во дворе Лувра тридцать шесть дрягилей сносят копыя, бердыши и мушкетоны, Генрих тревожно спросил: «Что это значит?» – «Приготовления для завтрашнего спектакля!» – двусмысленно отвечал ему сын Екатерины Медичи. Он опять навестил Колиньи, опять уверял его в своем искреннем участии и жаловался ему на Гиза, бог весть по какой

²⁸ Побочный сын Генриха II и Сары Флеминг-Левистон. Мы заменили французское слово *batard* равнозначным русским простонародным термином, который по своей верности и некоторой благопристойности заслуживает права гражданства в разговорном языке.

причине решившего удалиться из Парижа. Еще с утра особые комиссары ходили по домам, составляли перепись живших в них гугенотов, уверяя последних, что все это делается по королевскому повелению для их же собственной пользы. Городские обыватели-католики в это же самое время неведомо зачем нашивали себе белые бумажные кресты на шляпы и перевязывали левые руки платками; одни точили топоры, другие осматривали замки у мушкетеров и лезвия у мечей; на расспросы своих жен и дочерей отвечали мрачными улыбками. Тихо догорел жаркий день, и вскоре ночной мрак стал опускаться на постепенно смолкавший город, по окнам домов замигали огоньки, башни собора Богоматери и соседних храмов, чернея на темном небе, казались исполинами, стерегущими обывателей. Часу в одиннадцатом Генрих Гиз оцепил Лувр швейцарскими стражами, приказав им не пропускать слуг короля наваррского или принца Конде. Купцы и цеховые, вооруженные чем попало, собирались в залах городской ратуши, где купеческий старшина Жан Шарон, клевет Гиза и Екатерины Медичи, говорил им речь, проникнутую фанатизмом, и призывал к отмщению гугенотам за все минувшие мятежи, а главное – за их неуважение к истинной вере Христовой... Карл IX, бледный, дрожа всем телом, расхаживал по своему кабинету, изредка выглядывая из окна на набережную, кое-где освещенную фонарями, кровавыми искрами отражавшимися на черных зыбях тихо плескавшейся Сены. Сидевшая у стола Екатерина Медичи со спокойствием закоснелой злодейки медленно говорила сыну:

– Не раздумывай, пользуйся случаем, подобный которому не представится более... Отступить – значило бы погубить себя и все наше семейство. Смерть еретиков спасет не только нас, но и все королевство... Приказы по областям разосланы и должны быть приведены в исполнение завтра же, на заре; столица должна подать пример всем прочим городам!..

Время близилось к полуночи. При всей таинственности, которой злодеи окружали свои умыслы под покровом ночи, весть о сборище войск во дворах Лувра и вокруг дворца дошла до квартала, где жил Колиньи. Некоторые из его приближенных отправились к Лувру узнать о причине сборища, но у самых ворот часовые перегородили им дорогу; на расспросы гугенотов грубая солдатчина отвечала ругательствами... Несчастные потребовали караульного офицера, и тот явился – за тем, чтобы приказать солдатам угомонить незваных гостей. Первые жертвы кровопийц пали под ударами бердышей усердной швейцарской стражи.

– Дух войск превосходный! – донесла Екатерина своему сыну, узнав о начале убийств. – Надобно ковать железо, пока оно горячо; раздумывать нечего!..

Удар набата в церкви Св. Германа Оксеррского прервал речь королевы-родительницы, через несколько минут с ревом колокола слился смутный гул тысячи голосов, ропот народных волн, разлившихся бурным потоком по улицам. Со смоляными факелами и оружием в руках солдаты, горожане и яростная чернь устремились на кварталы, в которых приютились гугеноты...

Глядя в эту минуту на Париж, можно было подумать, что в нем празднуют свой шабаш сотни демонов, извергнутых преисподней. Но мы оставим на время Лувр с Екатериной и Карлом, стоявшими у растворенного окна, и посмотрим, что в эту минуту происходило в доме адмирала Колиньи.

Движимый чувством мщения за убийство своего отца – убийство, в котором Польтро дю Мере был орудием адмирала Колиньи, – герцог Генрих Гиз с пригулком Ангулемским и вооруженным отрядом устремился в квартал, где жили гугеноты. Ворвавшись во двор дома Колиньи, Гиз именем короля требовал, чтобы спутникам его отворили дверь. У адмирала в это время находился Амбруаз Паре и перевязывал раны, нанесенные старику два дня тому назад Морвелем.²⁹ Услыхав необыкновенный шум, бряцание оружия во дворе и заметив краснова-

²⁹ Морвель, разумеется, не был подвергнут наказанию и после неудачного своего покушения спокойно приютился в доме Гиза. Все обещания Карла IX отыскать злодея и примерно его наказать были комедией, в которой король прекрасно играл

тый отблеск факелов сквозь опущенные оконные занавеси, адмирал поручил одному из своих приближенных узнать о причине... Треск ломаемых убийцами парадных дверей предупредил ответ убитого посланного; остальное досказали слуги, толпой вбежавшие в спальню адмирала.

– Спасайтесь, отец наш! Это Гиз и убийцы!.. – кричали они обожаемому ими Колиньи. – Смерть ваша стучится у дверей!..

– Я давно готов принять эту гостью, – невозмутимо отвечал Колиньи. – Мне, искалеченному, дряхлому, без того немного жить и бежать трудно, а лучше спасайтесь вы сами...

Чувство самосохранения подавило в слугах адмирала чувство привязанности; многие из них бежали на чердак, оттуда пробрались на кровли дома, некоторые спаслись.

В эту самую минуту бывшие в отряде Гиза капитан Аттен (Attin), Бем (Besm), Сарлабу и несколько солдат с проклятиями всходили на лестницу и шли прямо к спальне адмирала, который, поднявшись с кресел, в халате, с рукою на перевязке, вышел к ним навстречу.

– Ты адмирал? – спросил Бем на ломаном французском языке (он был уроженец эльзасский), приставляя факел к самому лицу старика.

– Молодой человек, – отвечал Колиньи, – имей уважение к моим сединам...

Вместо ответа Бем схватил его за бороду, воткнул ему шпагу в живот, а потом несколько раз ударил эфесом по голове и по лицу; примеру Бема последовали бывшие с ним солдаты – и Колиньи пал под их ударами.

– Бем, покончил ли? – крикнул Гиз, стоявший во дворе.

– Конечно! – отозвался тот, выглянув в окно.

– Бросай его сюда...

Труп Колиньи, покрытый ранами, залитый кровью, был выброшен из окна во двор, к ногам Гиза и пригулка Ангулемского. Они, носовыми платками оттерев окровавленное лицо мертвеца и внимательно осмотрев его и перевязанные руки трупа, убедились, что жертва не избежала своей роковой участи, несколько раз пнули покойника ногами в лицо и, сев на коней, усаkali в город, где вместе с герцогом Неверским, Таванном и Гонди ободряли убийц словом и собственным примером. Труп Колиньи на заре был отвезен на живодерню Монфокона и повешен на железных цепях головою вниз на тамошней каменной виселице.³⁰

Дня через три Карл IX, Екатерина Медичи, герцог Анжуйский и многие дамы и девицы ездили полюбоваться этим зрелищем. Сохранилось предание, что здесь Карл IX в ответ на замечание кого-то из присутствовавших о зловонии уже разложившегося трупа отвечал, смеясь:

– Пустяки, пустяки! Труп врага всегда хорошо пахнет!

Нам пришлось бы написать целую книгу, если бы мы вздумали подробно перечислить все злодеяния Варфоломеевской ночи и представить читателю именной список жертв обоого пола и всякого возраста. Участи Колиньи подвергся его зять Телиньи, умерщвленный отрядом герцога Анжуйского; приближенные Конде и Генриха Наваррского, дворяне Сегюр, барон Пардайян, Сен-Мартен, Бурс, капитан Пилль убиты Нансеем, капитаном королевской стражи, в стенах Лувра, под окнами королевского кабинета, из которых любовались резней Карл IX и его матушка... Любовались! Этого мало: королю вид крови и стоны умирающих внушили остроумную мысль придать убийствам окончательно вид охотничьей травли и, таким образом, соединить приятное с полезным. Призвав в кабинет своего биксеншпаннера (заряжалщика ружей на охоте) с двумя мушкетонами и приказав ему заряжать их поочередно, Карл IX стрелял из окна в бежавших по набережной гугенотов, сваливая их меткими пулями, будто зайцев.

«свою рольку» (son petit rolet).

³⁰ По словам некоторых историков, у трупа Колиньи отрубили голову и принесли ее показать Карлу IX и екатерине, а потом, набальзамировав ее, отослали к Папе Григорию XIII. Это клевета и излишняя грязная прибавка к факту, и без того возмутительному. если бы голова у трупа была отрублена, Карл не ездил бы смотреть труп, повешенный в Монфококе. Бальзамировать же голову адмирала нельзя было по той причине, что лицо его было в нескольких местах прорублено.

Бледный, с пеной у рта, но с улыбкой самодовольства, его величество король Франции кричал убийцам диким голосом:

– Бей! бей! Стреляйте в них, черт побери! (True! True! Tiron, mordieu!)

Столь ревностно возлюбленный сын римской церкви служил двум своим повелителям, то есть Римскому Папе и флорентийке Екатерине Медичи. Она сама блаженствовала в эти минуты, опьяневшая от запаха крови, очарованная воплями и выстрелами, казавшимися ей чудной симфонией. На другой день убийств (продолжавшихся последнюю неделю августа, весь сентябрь, до половины октября) королева-родительница со своими фрейлинами любовалась нагими трупами убиенных обоего пола, делая при этом замечания весьма игривого свойства о тайных прелестях покойных. Соединяя неслыханные злодейства с делом богоугодным, королева-родительница и сын ее приказали раздать окровавленные одежды, содранные с убитых, беднейшим жителям города Парижа, и те щеголяли в шелках, бархатах и кружевах, не отмытых от крови прежних владельцев. Этот подарок был назван *кровавой милостыней*.³¹

Из всей королевской семьи одна Маргарита, королева наваррская, выказала себя женщиной с сердцем. Дворянин Тежан, раненный убийцами, обессиленный от боли и отчаяния, бросился в спальню Маргариты, и она скрыла его у себя под кроватью! Знаменитый Амбруаз Паре был пощажен единственно благодаря тому обстоятельству, что в это время лечил Карла IX от сифилиса...³²

Кроме королевского семейства, запятнавшего себя навеки невинной кровью мучеников Варфоломеевской ночи, прославились усердием и зверством нижеследующие герои: любовник Екатерины Медичи, Альберт Гонди, собственноручно удавил в Бастилии статс-секретаря Марциала де Ломени, владельца версальского замка, чтобы овладеть его поместьями. Фаворит Маргариты, Бюсси д'Амбуаз, умертвил своего двоюродного брата, маркиза Ренеля. Миланец Рене вламывался в лавки богатых купцов-гугенотов, предлагая им спасение за громадный выкуп; когда же несчастные отдавали ему все свои сокровища, Рене резал их, как овец. Профессор университета Шарпантье, соперник славного ученого Петра Рамуса (Pierre de la Ramée), предал его в руки убийц и взбунтовавшихся школьников. Дряхлого Рамуса замучили в страшных истязаниях, секли розгами и волочили по улицам обнаженный его труп! Золотарь Томас Круазе собственноручно убил 400 человек гугенотов, а мясник Пезон убивал их теми же самыми приемами, как быков, то есть сначала оглушал их ударом молота по голове, а потом перерезал горло... Таким образом Пезоном истреблено было 120 человек. Сардинский граф Коконна покупал живых гугенотов, захваченных солдатами, обещая несчастным спасение, если они согласны отречься от кальвинизма; отказавшихся душил, а отрекавшихся закалывал кинжалом, говоря им: «Это-то мне и надобно: души отступников идут прямо к черту в лапы!»

Домов было разграблено свыше шестисот; число убитых простиралось до десяти тысяч; женщины, девушки, дети, разумеется, подвергались сначала зверскому насилию, и их убийству предшествовало осквернение. Трупы в течение нескольких дней свозили возами на берега Сены и сваливали в воду; зарывали в ямы за городом, жгли или бросали на съедение собакам! Королевское повеление об истреблении гугенотов, разосланное по областям Франции недели за две до Варфоломеевской ночи, к чести человечества, еще не повсеместно было исполнено. Губернатор байонский отвечал отказом, а Монморен (Montmorin), начальник военного овернского округа, писал Карлу IX следующее письмо:

«Государь! Я получил приказ, скрепленный печатью вашего величества, об убиении всех протестантов, находящихся в подведомственной мне провинции... Слишком уважаю ваше

³¹ Simon G o u l a r d. Thrsor d'histoires admirables et memorables. P., 1617, 2 v. in 8. T. I. P. 264, также: Melange de Camusat. P. 22 et seq.

³² Brantome: edition de Paris, 1787. T. VIII. P. 204.

величество, чтобы не догадаться, что приказ этот – подложный; если же – чего Боже сохрани! – он действительно от вас, то опять же уважение к вам запрещает мне повиноваться!»

Жена Карла IX Елизавета Австрийская во все продолжение убийств плакала и молилась в своей уединенной спальне, окруженная немногими прислужницами. Прислушиваясь к выстрелам, визгу убиваемых женщин, детей, воплям их мужей и отцов и реву убийц-каннибалов, бедная королева шептала:

– Да что же государь, супруг мой, не уймет их? Как же он позволяет совершать такие злодеяния?!

Несчастливая долго не могла поверить, что убийства не только были *позволены* Карлом IX, но были *приказаны* им.

Утром 24 августа принц Конде и Генрих, король наваррский, которым Карл IX грозил смертью, дали ему слово отступить от кальвинистской ереси; 26 августа в соборе Парижской Богоматери было отслужено благодарственное молебствие, при котором король торжественно хвалился *победой*, одержанной над гугенотами. Манифестом парламента все убиенные были *приговорены* к смертной казни... Пример едва ли не единственный в истории обратного действия смертного приговора. Убийства, как уже говорили, продолжались; кто из гугенотов мог, тот бежал за границу, но пойманных беглецов и укрывавшихся казнили. Так, дворяне рекетмейстер Кавань и Брикемо вечером 20 октября были повешены на площади городской ратуши в присутствии Карла, Екатерины, принцесс и всего двора, при свете факелов, вместе с куклой, изображавшей Колиньи. Брикемо было от роду семьдесят пять лет!..

Вся Европа, за исключением России, Испании и Италии, содрогнулась от ужаса и негодования при вести о кровавых событиях в королевстве французском. Равнодушию предков наших была причина самая уважительная: им нечего было ужасаться на Варфоломеевскую ночь, когда для них самих тогда были *Ивановы дни*, то есть, говоря яснее, тогда в России свирепствовал Иван Грозный. Испанский король Филипп II возрадовался истреблению гугенотов во Франции. На организацию Варфоломеевской бойни и вообще на поддержку религиозных междоусобий Филиппом II, по собственному его признанию в его духовной,³³ была в течение шести лет (1566–1572) потрачена невероятная сумма – *шестьсот миллионов золотых*. Папа Григорий XIII «возрадовался зело» поражению врагов церкви, Пия V уже не было в живых, Бог не привел его дожить до этой радости.³⁴ Зато Григорий XIII праздновал великое событие молебствиями, крестными ходами, пальбою с крепости Св. Ангела, иллюминацией Рима и, наконец, медалью с надписью: «Избиение гугенотов» (*Ugonotarum strages*). Кардинал Лотарингский, бывший тогда при ватиканском дворе, подарил вестнику, прибывшему из Парижа от герцога Омальского, 10 тысяч золотых экю и задал великолепный пир на весь мир. Скажем в заключение, что изуверы в своем ослеплении были душевно убеждены в том, что резня гугенотов – подвиг великий и богоугодный. До нас дошли сотни брошюр в стихах и в прозе, оправдывавших, одобрявших злодеяния Екатерины Медичи и Карла IX... Авторами этих гнусных панегириков были: в Риме – Камилло Капилупи; во Франции – Жан Монлюк, историограф Франциск Белльфоре, Леже Дюшен, Шантлув, написавший трагедию «Адмирал Колиньи», в которой вывел покойного прямо сообщником «диавола и агтелов его»... Иезуиты вообще явились защитниками преступлений короля и королевы французских. При Людовике

XV, в 1758 году, аббат Кавейрак не постыдился написать апологию Варфоломеевской ночи; а в 1819 году какая-то семинарская гадина написала то же самое во французском журнале «Консерватор» (*Le Conservateur*)... Да зачем ходить так далеко: спросите в наше время у любого клерикала: какого он мнения о Варфоломеевской ночи? И можете быть уверены – одобрит и выразит *pium desiderium* о повторении (*repetatur*)...

³³ Economie royales de Sully, T. II, seconde partie. Chapitre 96.

³⁴ Папа Пий V умер за четыре месяца до Варфоломеевской ночи, 19 апреля 1572 года.

Польское дворянство, имевшее намерение избрать себе в короли Генриха Анжуйского, брата Карла IX, призадумалось, так как палачей на польском троне еще не бывало... Немалых трудов и расходов стоило Екатерине Медичи уговорить панов и магнатов не лишать короны ее возлюбленного детища. Генриху Анжуйскому в 1573 году пришлось ехать в Польшу через Палатинат, где нашли себе приют многие гугеноты и, между прочим, родные Колиньи. Электр-палатин, принимая у себя во дворце второго сына Екатерины Медичи со всеми подобающими почестями, подвел его к портрету старика, под которым на золотой раме было написано латинское двустиие: «Такова была наружность героя Колиньи, так же славно жившего, как и умершего».³⁵

– Знакомо вам это лицо? – спросил электр своего гостя.

– Это покойный адмирал Колиньи, – отвечал смущенный Генрих.

– Да, храбрый, честный, благороднейший Колиньи, истерзанный в Париже извергами! – с жаром подтвердил электр и продолжал с усмешкой: – Я дал у себя приют его друзьям и детям, чтобы и их не загрызли на родине французские псы!

Генрих робко осмотрелся. Его в эту минуту окружили гугеноты, одни – с улыбками презрения, другие – с угрожающими взглядами.

Сын Екатерины покраснел от стыда; с его подленькой мордочки только осыпались румяна, которыми она была щедро оштукатурена; Генрих побледнел от страха, вообразив, что гугеноты, мстя за Колиньи, не погнушаются выпачкать себе руки его грязной, гнилой кровью...

Но они удовольствовались единственно непонятной Генриху Валуа моральной ему пощечиной.

О смерти Карла IX 30 мая 1574 года существует три сказания. Первое гласит, что он умер подобно своему деду, Франциску I, в чем, по многим причинам, можно усомниться; второе предание тоже не совсем вероятно, так как в нем замечен элемент фантастический, приплетенный к истине ради нравоучения. По этому сказанию, на Карла IX каждую ночь нападала изнурительная испарина, мало-помалу перешедшая в кровавый пот, от которого он и скончался, несмотря на все старания докторов. Третье предание, вероятнейшее, приписывает смерть Карла IX грудной болезни, которой он страдал более года. История сохранила подробности агонии короля, доказывающие, что перед смертью, в виду вечности, в сердце его пробудилось что-то похожее на угрызения совести. Он умирал на руках находившейся при нем безотлучно своей кормилицы (гугенотки), простой крестьянки, и дня за два до смерти тревожно метался, проклиная тех, которые подстрекнули его на убийства, дико озираясь потухающими взорами... Ему мерещились убитые гугеноты: Колиньи, Ла Рошфуко, Пардайян и те полунагие беглецы по набережной, в которых он стрелял из окон Лувра... Что толку в подобном бесплодном раскаянии? Оно для Франции было тем бесполезнее, что Екатерина Медичи злодействовала после Карла IX еще пятнадцать лет, по прежней своей программе, увеличивая длинный список прежних жертв многими новыми, как увидим, переходя теперь к царствованию преемника Карла IX, его брата Генриха III, бежавшего по зову матери из Польши для занятия французского престола.

³⁵ Talis erat quendam vultu Colignius heros, Quem vera illustrem vitae morsque facit.

Генрих III

*Генрих Порубленный (le Balafé), герцог Гиз. – Мария Клевская, принцесса Конде. – Красавчики (les mignons)³⁶
(1584–1589)*

За три дня до смерти Карла IX, 27 мая 1574 года, в Париже были казнены на Гревской площади граф Аннибал Коконна и Иосиф Бонифаций де Ла Моль, обвиненные и уличенные в исполнении злодейского умысла – порчи короля посредством восковых кукол, найденных у злодеев при обыске в их квартирах. Порча куколками, в которую тогда повсеместно верили, состояла в том, что из воску вылепливали фигурку, похожую на того человека, которого желали *изурочить*. Окрестив ее, как человека, со всеми обрядами и дав имя последнего, куколке с разными заклинаниями пронзали грудь булавкою или, продернув сквозь всю куколку светильню, зажигали ее... Тот, на кого таким образом напускали порчу, сохнул, увядал, видимо таял, и спасти его не было никакой возможности. Все симптомы болезни умирающего Карла IX подтверждали, что он был испорчен.

Этой нелепой сказкой Екатерина Медичи маскировала истинную причину казни де Ла Моля и Коконна – причину, огласка которой могла быть источником новых кровавых столкновений между гугенотами и католиками. Дело было в том, что Генрих Наваррский и принц Конде, насильно удерживаемые при дворе, составили так называемый *скоромный заговор* (Complot des jours gras), имевший целью возведение на престол младшего сына Екатерины Медичи Франциска, герцога Алансонского, бывшего тогда королевским наместником. Он обещал начальникам предполагаемого восстания все, что они желали, то есть полную свободу богослужения кальвинистам, уступку им нескольких крепостей, семейству Монморанси – места, занимаемые Гизами. Ла Моль, любимец герцога, фаворит Маргариты Наваррской и Коконна, возлюбленный Генриетты Клевской, герцогини Наваррской, были в заговоре главными деятелями. Испуганный теми размерами, которые принимал заговор, малодушный Ла Моль довел о нем до сведения Екатерины Медичи, чем, однако же, не спас от плахи ни своей головы, ни головы товарища.

Из всех жертв королевы-родительницы эти два искателя приключений всех менее достойны жалости: один, как видим, был доносчиком и трусом; а другой – тот самый граф Коконна, который резал гугенотов в Варфоломеевскую ночь.

Пользуясь болезнью сына, Екатерина Медичи деспотствовала как ей было угодно и с неослабным ожесточением преследовала гугенотов. По ее велению маршал Матиньон с сильным отрядом был отправлен в Нормандию против графа Монтгомери и Франциска де Брикевилля, барона де Куломбьер. Последний был убит при осаде Сен-Ло, а Монтгомери захвачен в плен и доставлен в Париж в самый день кончины Карла IX. По повелению королевы-родительницы пленника заточили в Консьержери, допрашивали его, разумеется, с пытками, наконец, обвиненный в государственной измене, умышлениях на спокойствие королевства, злодейском убийстве пятнадцать лет тому назад короля Генриха II на турнире, Монтгомери был приговорен к смертной казни и обезглавлен 26 июня. Дети его, в том числе одиннадцать человек, были лишены доброго имени и всех прав состояния. Через месяц на Гревской площади сожгли на костре орлеанского уроженца Жофруа Балле, автора двух книжонок атеистического содержания. От роду ему было девятнадцать лет, и по всем признакам он был не в своем уме. Этими четырьмя казнями Екатерина Медичи потешала любезно-верный свой город Париж в ожида-

³⁶ Не можем подобрать иного слова, равносильного французскому прозвищу этой орды содомитян, к а м е л и й в мужском платье, называвшихся также и ландышками (muquets).

нии прибытия из Польши нового короля, Генриха III, с личностью которого спешим ознакомить читателя.

Этот французский Гелиогабал родился в Фонтенбло 19 сентября 1551 года, рос и воспитывался под надзором Екатерины Медичи, то есть, другими словами, в нем развивали одни только порочные наклонности, за полным отсутствием добрых качеств, в которых природа ему отказала. Хитрость заменяла в Генрихе ум, а животная чувственность – чувства человеческие. Хотя наружность обманчива и теории физиономики Лафатера, как назло, оказываются несостоятельными при их применении ко многим историческим личностям, однако же, судя по портретам Генриха III, можно сказать, что у него лицо было действительно зеркалом души. Генрих был невысокого роста, очень нежного телосложения, с мелкими чертами лица и постоянно сладенькой улыбкой на тонких губах. Сознывая неприглядность рыжих волос и бровей, он, думая сделаться красивее, пуще безобразил себя, подкрашивая волосы в черный цвет, подводя брови, румянясь и белясь не хуже отъявленной кокетки. С первых годов воцарения, когда для совершенного сходства с Гелиогабалом король воображал себя женщиной, он носил серьги, ожерелья и лифы с открытыми плечами и грудью. Наследовав от матери многие черты ее гнусного характера, Генрих, верный правилам итальянской политики, был особенно ласков и приветлив с теми, кого он ненавидел или боялся. Восемнадцати лет он принимал участие в столкновении с гугенотами, отличался в сражениях при Жарнаке, Монконтуре, но еще того более – во время Варфоломеевской ночи, так как резать полусонных и безоружных было ему тем приятнее, что не сопрягалось ни с малейшей опасностью. Благодаря проискам и золоту Екатерины Медичи польские дворяне избрали его себе в короли в 1573 году. Теперь мы сделаем небольшое отступление.

Герцог Генрих Гиз, сын покойного Франциска Лотарингского, с 1570 года был женат на Екатерине Клевской, вдове Антония де Круа, принца Порсиен. Всячески стараясь породниться с королевским домом, Гиз, дружный с Генрихом III (тогда еще герцогом Анжуйским), обратил его внимание на свою свояченицу, шестнадцатилетнюю красавицу Марию; тот влюбился в нее до безумия и, не откладывая далеко, решил жениться на Марии, но встретил неумолимую оппозицию со стороны королевы-родительницы: Мария Клевская была протестантка. Чтобы утешить опечаленного Генриха, Екатерина Медичи поручила своей фрейлине Ренате Риё де Шатонеф отвлечь его своими ласками от Марии. Рената начала свои маневры кокетством, томными взглядами, нежными вздохами – и они произвели на Генриха желанное действие: он начал ухаживать за Ренатой, ответившей отказом на его страстные домогательства. Маневр очень искусный, но тем неудачный, что в это же самое время Рената удостоивала своей благосклонностью любимца Генриха де Линьеролля. Последний в откровенную минуту похвастался герцогу Анжуйскому своими успехами и тем нанес жестокий удар его самолюбию, за который поплатился головой. Месяца за три до Варфоломеевской ночи тот же Линьеролль (а может, и другой кто-нибудь) разболтал о преднамеренных убийствах и за это по повелению герцога Анжуйского был убит его приверженцем Виллькье. Разочарованный в Ренате Шатонеф, Генрих опять обратился к Марии Клевской. Различие вероисповеданий, бывшее главным препятствием к их браку, было устранено переходом Марии 3 октября 1572 года в католицизм. Но явилось другое: Генриху, избранному в короли польские, прочили в супруги княжну Анну Ягеллон... Очарованный Марией, Генрих готов был отказаться и от руки княжны, и от королевства Польского. Видя, что сын ее окончательно потерял голову, Екатерина Медичи постаралась о скорейшей выдаче Марии Клевской за принца Генриха Конде, а герцога Анжуйского, убитого горем, отправили в Польшу, где он и царствовал по 19 июня 1574 года, то есть по самый день своего бегства во Францию, куда призывала его Екатерина Медичи на открывшуюся после смерти Карла IX ваканцию. Генрих, едучи окольными дорогами на Вену, в Венецию, оттуда в свое королевство, прибыл во Францию в сентябре. Здесь он прежде всего приступил к расторжению брака Марии Клевской с принцем Конде, ссылаясь на то, что муж ее еретик,

гугенот, и не обращая внимания на беременность Марии. Бог весть чем бы кончились старания Генриха III, если бы Мария, принцесса Конде, не скончалась 30 октября 1574 года от несчастных родов. Король в неутешной своей горести дошел до карикатуры: он в течение нескольких дней безвыходно просидел в комнате, обитой черным сукном, нарядился в траурное платье, состоявшее из черного бархатного колета с вышитыми на нем серебром мертвыми головами на скрещенных костях; из мертвых голов, выточенных из слоновой кости, были тогда снизаны и его четки... Добрая утешительница, Екатерина Медичи поручила его вниманию Ренаты

Шатонеф (на этот раз ему послушной), девицы д'Эльбеф, наконец, знаменитой госпожи де Сов. Генрих, как говорится, очертя голову бросался в объятия и той, и другой, и третьей – затем чтобы в пресыщении найти лекарство от своего горя... Этот переход – от слез к безумному распутству – понятен; в нем еще виден был человек, вскоре превратившийся в животное, одержимое извращением своих чувственных побуждений.

До сих пор мы говорили о фаворитках, пользовавшихся благосклонностью государей благодаря любви, которую они умели пробуждать в последних; упоминали мы также и о временщиках, которых собственная дерзость или слабость возводила на престол... Царствование Генриха III, прозванное *царствованием фаворитов* (*regne des favoris*), представляет совсем иную картину, о которой приличие запрещает нам распространяться. Какую роль играли при Генрихе III его знаменитые красавчики (*les mignons*) Келюс, Можирон, Шомбер, Сен-Люк, Сен-Мегрен, Жуайёз и д'Эпернон – об этом читатель может догадаться сам, если мы скажем, что эти красавчики были неприлично женоподобны, имели что-то задорно-сладострастное в манерах, во взгляде, в походке. Госпожа де Сов сосватала королю невесту – Луизу, дочь графа де Водемон, из дома Лотарингского, на которой Генрих женился 15 февраля 1575 года; женатый, он ухаживал за падчерицей вдовы президента Буланкура, девицей Бюсси, но ни жена, ни эта девица не пользовались такой неограниченной нежностью короля, как его милейшие красавчики. Все они занимали знатнейшие должности при совершенной бездарности и гнусной изнеженности, безнаказанно бесчинствовали в Париже, бесчестили женщин и девиц, убивали на дуэлях мужей, отцов и сами, *будуарные опричники*, оканчивали жизнь или на поединках, бывших тогда в большой моде, или, еще хуже того, под ножами тайных убийц! Не стоят *они* – эти фаворитки в образе мужчин – подробных биографических очерков, и их имена заслуживают памяти потомства разве только для того, чтобы служить бранными нарицательными именами им подобных гермафродитов. Единственным мужчиной при дворе этой позорной, неблагопристойной эпохи был знаменитый герой, *фаворит всей Франции*, претендент на престол королевский – герцог Гиз Генрих Порубленный (*Henri le Balafre*).

Он родился 31 декабря 1551 года и, удостоенный титула герцога Жуанвилль, воспитывался при дворе Генриха II. С двенадцати лет под руководством отца своего Франциска он ознакомился с боевой жизнью под стенами Орлеана, где в одно и то же время выказал храбрость воина, закаленного в бою, и неукротимую ненависть к гугенотам, убийцам своего отца. По усмирении междоусобий в 1567 году Генрих отправился в Венгрию, где принял участие в битвах с турками, а по возвращении на родину прославился подвигами в сражениях при Масиньяке, Жарнаке, Монконтуре и отразил адмирала Колиньи от стен осажденного им Пуатье. В битве при Шато-Тьерри, в которой он разбил наголову 30-тысячный корпус немецких войск, шедших на помощь гугенотам, герцог Гиз был ранен в щеку ударом палаша, оставившим шрам на всю жизнь. За этот рубец, стоивший ордена, Гизу дано было прозвище *Порубленного* (*le Balafre*). Умный, одаренный увлекательным красноречием, простой или надменный в обхождении, кстати и у места, наконец, красавец собой, он побеждал умы мужчин и одинаково успешно сердца женщин. Маргарита Валуа, выданная за Генриха Наваррского, была его фавориткой. Связь их, которую Гиз был намерен загладить браком (согласовавшимся с его политическими видами), возбудила негодование Екатерины Медичи и Карла IX, для успокоения которых Гиз женился на вдове принца Порсиен. Неверный своей супруге, как и все мужья того времени,

Гиз, однако же, не давал ей воли и убийством красавчика Сен-Мегрена отбил охоту у всех и каждого покушаться на его семейное спокойствие. Сен-Мегрен влюбился в герцогиню Гиз и решился сделать ей признание, на которое она отвечала ему не слишком сурово. Проведав об интриге, герцог подложным письмом от имени жены заманил ее возлюбленного в западню, где Сен-Мегрен был убит наемными убийцами. По варварским понятиям того времени Гиз был совершенно прав, и сам король не смел предъявить своих претензий за убийство одного из своих фаворитов. Гиз в своем самоуправстве действовал даже не как муж, мстящий обольстителю своей жены, а, вернее, как государь, наказующий преступника за оскорбление величества. Гроза гугенотов, опора и надежда католиков, любимец народа, Генрих Порубленный именно в это время уже прокладывал себе путь к королевскому престолу посредством Священного союза, известного в истории под именем *Лиги* (La Sainte Union, la Sainte Ligue).

Мы говорили, что мысль о Варфоломеевской ночи была подана Екатерине Медичи герцогом Альбой. Ослабляя Францию внутренними междоусобиями, Филипп II тайно надеялся присоединить ее к своей державе. Папа римский проник в эти замыслы, но тайно противодействовал видам испанского деспота, покровительствуя партии Генриха Гиза. Маскируя свои настоящие намерения усердным служением церкви, Генрих с 1576 года с помощью преданных своих сообщников начал образовывать в разных областях Франции тайные общества защитников католицизма, сосредоточив в Париже главное над ними начальство под именем центрального комитета. При содействии приходских священников, своими проповедями разжигавших фанатизм, Лига возрастала неимоверно, и, таким образом, Гиз осетил всю Францию. Он весьма верно рассчитывал, что, встав во главе религиозного движения, может без всякого труда свергнуть Генриха III и занять его место. Благодаря бумагам, найденным у курьера, умершего в Лионе на пути в Рим, куда он ехал по приказанию Гиза, король узнал о существовании Лиги и догадался о настоящих намерениях своего противника. По совещании с Екатериной Медичи Генрих III, именным указом подтвердив и одоблив существование Лиги, объявил себя ее главой, то есть сам же стал во главе заговорщиков, умышлявших его низвержение. На это обстоятельство ему указал президент де Ту (de Thou), но, к сожалению, поздно. Народ и все сословия охладели к Священному союзу, лишь только король объявил себя его соучастником... Безымянные письма, пасквилы, памфлеты и карикатуры градом посыпались на Генриха III, и он, думая совершить подвиг, сделал промах ничем не поправимый. Признавая короля главой Лиги в ее религиозном смысле и великодушно предоставляя ему борьбу с гугенотами, Гиз деятельнее, но и секретнее прежнего занялся вербовкой приверженцев и распространением заговора. В Париже вместо прежнего центрального комитета был учрежден *Совет Шестнадцати*, соответственно числу частей города. Для руководства заговорщиками в Париж прибыл брат Гиза, герцог Майенский, и объявил, что пора приступить к действиям. На первый случай было решено захватить короля в Лувре и, заточив его в монастырь, объявить королем Генриха Гиза. Как бы в ответ на это намерение король усилил свою дворцовую стражу и принял решительные меры к отражению мятежников. Герцог Майенский, призванный к ответу, оправдался, сказав, что воинские приготовления жителей имеют одну цель – истребление гугенотов, но что на свободу короля никто не осмеливается покушаться... После этого несколько раз лигёры составляли заговоры к овладению Генрихом III – и каждый раз планы их рушились благодаря доносам Николая Пулена, одного из членов тайного совета. Видя, что главными агитаторами были приходские священники, король 2 сентября 1587 года приказал их арестовать, но прихожане с оружием в руках решились защищать своих отцов духовных. Испуганный Генрих объявил им прощение, на которое никто не обратил внимания, так как он не смел поступить иначе. Он приказал сестре Гиза, госпоже Монпансье, в 24 часа выехать из Парижа, а она, смеясь, разъезжала по городу, показывая знакомым позолоченные ножницы, которыми грозилась постричь Генриха Валуа в монахи. Король, или, как его тогда называл народ, Генрих Валуа сидел ни жив ни мертв в Лувре, окруженный телохранителями, боясь показаться народу. Герцог Гиз написал

ему весьма любезное письмо, предлагая свое содействие к усмирению мятежа. Еще не окончательно одуревший от страха, король понял, что прибытие Гиза в мятежную столицу будет искрой, которая подожжет этот подкоп, подведенный под его трон, и потому отвечал герцогу запрещением въезжать в Париж. Как будто издеваясь над королем, Гиз прибыл в Париж 9 мая 1588 года и, восторженно встреченный народом, явился во дворец к Екатерине Медичи. Дряхлая злодейка взялась за роль примирительницы и представила Гиза своему сыну.

Встреча соперников была самая комическая. Король, бледный, дрожащий всем телом, задыхался, шипел, как придавленная змея, а Гиз с коварной улыбкой уверял его в своей верности и совершенной преданности. Это свидание, равно и другое на следующий день, не привели ни к какому результату, а только подтвердили Генриху III, что Гиз не ставит его ни в грош и что корона королевская не сегодня, так завтра перейдет *с больной головы на здоровую*. Во избежание этого позора Генрих Валуа приказал вступить в Париж всем войскам, расположенным в окрестностях столицы... Воинов королевских народ встретил бранью, камнями, выстрелами и перегородил им улицы завалами или баррикадами. Этот день, 12 мая 1588 года, известен в истории под именем дня баррикад (*Journe^e des barricades*).

Не принимая личного участия в бунте, Гиз явился к королю с любезным предложением своих услуг для устранения мятежников. Он же, столкнувшийся Генриха III в яму, радушно подавал ему руку, чтобы его из нее вытащить. Не давая согласия, а просто повинувшись своему злодею, король вместе с ним явился народу, и оба Генриха верхом проехали по городу. Мятеж мгновенно утих, но поднялась новая буря – восторженных криков, которыми народ встретил своего возлюбленного Гиза.

– Ура герцогу! Да здравствует защитник церкви! Виват, отец наш, славный Гиз!!! – ревели сотни тысяч голосов.

Любезно откланиваясь народу, виновник торжества говорил теснившимся на пути гражданам:

– Довольно, довольно *для меня*... Крикните же наконец что-нибудь и *королю*...

Но охотников кричать «виват» Генриху Валуа оказалось немного, да и те были из его придворной прислуги.

Униженный, раздавленный, Генрих III проглотил обиду, возвратился в Тюильри и на другой же день – давай бог ноги – ускакал из Парижа в Шартр. Это бегство, весьма основательно показавшееся Гизу опаснее присутствия короля, испортило все дело. Тщетно Екатерина Медичи, теперь взявшая сторону Гиза, писала Генриху III, умоляя его возвратиться; тщетно парламент отправил к нему депутацию. Брат красавчика Жуайёза для умягчения короля прибегнул к средству, которое может служить доказательством, как тогда во Франции кощунствовали над религией, ее обрядами и священнейшими предметами поклонения. Брат Жуайёза, монах-капуцин, выбрав тридцать пять товарищей, отправился с ними процессией в Шартр. Капуцины шли босые; Жуайёз в терновом венце нес на плечах огромный крест, а следовавшие за ним два монаха подгоняли его ударами плеток (дисциплин) по обнаженным плечам. Прибыв в Шартр, кощуны остановились под окнами дворца, распевая священные песнопения и продолжая бичевания, от которого на плечах Жуайёза оставались кровавые полосы... Генрих III был сначала тронут этим зрелищем, но потом, осыпав негодеев бранью, велел их прогнать. Действительно, было за что: терновый венец, надетый на Жуайёза, был пришит к парику; крест был сделан из картонной бумаги, а мягкие концы плетей были обмазаны краской кровавого цвета!

Наконец 2 августа герцог Гиз вместе со своим братом, кардиналом Карлом, прибыл в Шартр с предложением Генриху III своей покорности и верного союза против гугенотов. На это предложение король отвечал Гизу пожалованием ему звания генералиссимуса. Из Шартра двор переселился в Блуа, где король предполагал созвать общую Думу. Нарушить мир с королем казалось Гизу бесчестным, однако же довольствоваться саном генералиссимуса вместо короны

королевской было ему тоже не совсем приятно. На этот раз лигёры настаивали на том, чтобы покончить с Генрихом III одним решительным ударом... Гиз колебался.

Слухи о злоумышлениях Лиги дошли до короля. Желая явить Гизу пример чистосердечия и в то же время застраховать себя от подозрений, более или менее основательных, Генрих III, призвав его в Блуа, 4 декабря после торжественного молебствия заставил с клятвой на святых дарах подтвердить свою присягу на верность. Гиз повиновался – и враги разменялись клятвами, скрепив их причащением. Кошунство Жуайёза сравнительно с этим едва ли не было извинительно! В течение нескольких вечеров после того у короля с королевой-родительницей происходили тайные совещания, о которых доброжелатели Гиза уведомляли его безымянными письмами. Генрих III и Екатерина Медичи (теперь сама стоявшая одной ногой в гробу) совещались о том, как избавиться от Генриха Гиза. Маргарита Наваррская, опасаясь за жизнь своего возлюбленного, переодевшись в мужское платье, предупредила его; накануне своей смерти Гиз, ужиная у своей фаворитки, госпожи де Сов, нашел под салфеткой письмо, в котором его заклинали быть осторожным, так как есть умысел на его жизнь.

– Не посмеют! – сказал он, разрывая записку.

В пятницу, 23 ноября 1588 года, к Гизу явился посланный из дворца с приглашением к королю. Герцог медлил, жаловался на нездоровье и на озноб, однако же отправился к Генриху III и всходил на дворцовую лестницу, беззаботно жуя конфетки. В приемной и ближайших к королевскому кабинету покоях, в числе 45 человек, стояли вооруженные телохранители. Начальник их Монсери (Montsery) или, по другим сказаниям, Сен-Малин (S-t Malines) подошел к Гизу и, схватив его за эфес шпаги, вонзил ему в горло кинжал... Падая, обливаясь кровью, Гиз прохрипел только:

– Господи, отпусти мои прегрешения!.. Прости меня, Господи!..

Многочисленные удары, посыпавшиеся после того на несчастного, поражали его бездушный труп. Кардинал, сопровождавший брата и бывший в соседнем покое, бросился было на помощь, но был уведен под стражей. Генрих III, выбежавший из кабинета, чтобы собственными глазами убедиться в исполнении своего злодейского приказа, выразил свою радость тем, что подбежал к трупу будто навстречу ожидаемого друга; пинал его ногами, бил по щекам, плевал в потускневшие, страшно вытаращенные глаза покойника; потом (вероятно, чтобы окончательно уподобиться бессмысленному животному) омочил его неблагопристойным образом.

Брат Гиза, кардинал, был на другой же день зарезан в темнице; трупы того и другого были брошены в яму с негашеной известью. Мщение Генриха III было вполне его достойно, и едва ли иначе мог мстить сын Екатерины Медичи. Весть о гибели Гизов поразила ужасом весь Париж, а с ним почти всю Францию; к общему ропоту негодования примешались проклятия Генриху Валуа и вопли об отмщении. Главою своею лигёры провозгласили брата убитых, Карла Лотарингского, герцога Майенского. Генрих III, отважный для предательского убийства, но трусливый и нерешительный во всех тех случаях, где следовало действовать смело и открыто, растерялся окончательно. Его советница и руководительница на пути злодейств Екатерина Медичи оказала ему последнюю услугу, дав совет войти в союз против Лиги с Генрихом, королем наваррским; говорим – *последнюю* услугу, потому что Екатерина Медичи вскоре умерла, 5 января 1589 года. Недавний глава лигёров не думал искать расположения их врага, а последний, в свою очередь, рассудил за благо составить против них коалицию с державным своим шурином. Тридцатого апреля в Плессиле-Туре произошло свидание недавних врагов и их примирение. Генрих Наваррский предложил королю французскому идти с войсками на мятежный Париж и привести его к повиновению. В июне союзная армия двух Генрихов приблизилась к столице и расположилась лагерем в Сен-Клу; готовились новые усобицы, ужаснее прежних. В Париже царствовало совершенное безначалие; проповедники со своих кафедр благословляли память Гизов и предавали проклятию имя убийцы – Генриха Валуа; по церквам служили обедни с молебствиями о низведении громов небесных на голову короля, причем

богомольцы зажигали свечи перед иконами, ставя их нижней частью вверх, или вместо свеч затепливая восковые куколки, изображавшие Генриха III. Королем вместо него был провозглашен Карл X, кардинал Бурбон, побочный брат короля наваррского.

В это безвременье 29 июля к герцогу Майенскому явился приор якобитов Эдмонд Бургуан (Bourgoing) и сообщил ему, что в числе братии есть один, некто Иаков Клеман, вызвавшийся отомстить Генриху III за лишение церкви ее опоры в лице покойного Гиза.

– Этот Клеман, – говорил приор, – малый отчаянный, восторженный, даже, кажется, немножко помешанный: постоянно рассказывает братии о каких-то чудных видениях, о голосе с небес, повелевавшем ему избавить родину от ее злодея...

– Убийством? – перебил герцог Майенский. – Но подумал ли несчастный о том, что ожидает его самого?

– Венец мученический, – отвечал приор спокойно. – Я и все якобиты тем более одобряем намерение Клемана, что он во всяком случае не жилец на свете!

Де ла Шартр и Вильеруа, бывшие при этом разговоре, усомнились в удаче намерения якобитов, так как Клеману едва ли было возможно попасть к королю под благовидным предлогом.

– Есть и предлог, – убедил их Бургуан. – Клеман представит Генриху Валуа бумаги с донесением о недавнем заточении в Бастилию членов парламента.

Через три дня дежурные при королевском шатре в лагере Сен-Клу доложили Генриху III, что какой-то монах-якобит из Парижа настоятельно требует видеть короля по какому-то важному делу.

– Пусть войдет, – отвечал король, – а то, пожалуй, скажут, что я гнушаюсь монахов.

Дежурный офицер ввел бедного иссохшего монаха со впалыми, но огненными глазами и крючковатым носом. Широкая ряса, опоясанная веревкой, висела на его исхудалых плечах, как на вешалке; поступь монаха была медленная, но твердая. Смиренно преклонив колени перед Генрихом III, Иаков Клеман отдал ему сверток бумаг и, когда король углубился в их чтение, мгновенно ударил его ножом в нижнюю часть живота...

Генрих, оттолкнув убийцу, выхватил нож из раны, бросил его Клеману в лицо и, падая в кресла, изгибаясь от боли, закричал отчаянно:

– Убейте, убейте злодея! Он меня ранил!

Прибежавшие телохранители бердышами и мечами изрубили Иакова Клемана на части, труп его был сожжен, а пепел развеян по ветру. Врачи, призванные на помощь к королю, объявили рану безусловно смертельной; мучения Генриха III, длившиеся целые сутки, были невыносимы... 2 августа 1589 года Генрих скончался, и с ним пресеклась королевская династия Валуа, властвовавшая во Франции 261 год в лице тринадцати королей. Иаков Клеман был причислен к лику святых; орден якобитов гордился им и за громадные деньги продавал его изображение, несмотря на то что один из тогдашних охотников до анаграмм из букв имени его: FRERE JACQUES CLEMENT составил весьма позорную для его памяти фразу: C' EST L' ENFER QUI M'A CREE («Меня создал ад»).

В дополнение характеристики Генриха III мы могли бы представить читателю множество выписок из летописей того времени, в особенности из дневника л'Этуалья, но воздерживаемся, довольствуясь тем, что уже нами сказано о последнем Валуа.

Радость парижан при вести об его убиении не имела пределов; смерть короля праздновали иллюминацией и разгульными пиршествами. Госпожа Монпансье и герцогиня Наваррская в блестящих праздничных нарядах разъезжали по городу и в некоторых церквях, восходя на кафедры, говорили речи народу о всерадостном событии. Преемником Генриха III по закону престолонаследия был король наваррский, Генрих Бурбон; однако же корону французскую ему пришлось взять с бою. 31 октября им начата была достопамятная в летописях французских осада Парижа.

Генрих IV

*Госпожа де Сов. – Фоссеа. – Прекрасная Коризанда. – Габриэль д'Эстре. – Генриэтта д'Антраг. – Шарлотта Конде
(1573–1610)*

*Любовь есть страсть, которой все прочие обязаны повиновением.*³⁷

Если читателю угодно иметь самое верное понятие об изменчивом и разнообразном образе правления, установившемся во Франции с 1789 года, ему стоит только представить себе стенной барометр с циферблатом, на котором слова: *великая сушь, ясно, переменно, буря* заменены символами республики, империи, королевской власти деспотической и ее же конституционной, – фригийский колпак и красное знамя; орел и знамена трехцветные; петух и белое знамя с лилиями, – опять трехцветные знамена и скрижали конституционной хартии. Более или менее продолжительная остановка стрелки этого политического барометра (вместо ртути налитого не менее живую французской кровью) в прямой зависимости от терпения великой нации, а может быть, даже и от перемен погоды, судя по тому, откуда ветер подует. Устроен этот барометр около сотни лет тому назад, но, по-видимому, прослужит Франции еще многие лета. Роковая стрелка на *республике* – Франция поет «Марсельезу» и строит баррикады; с политической революционной бури стрелка переходит на хорошую погоду *империи* – и Франция в медвежьей шапке наполеоновского гвардейца грозит Европе, напевая: «*l'astre des nuits*» или «*partant pour la Syrie*».³⁸ Но вот наполеоновский орел (хотя и прирученный куском говядины в шляпе) мало-помалу становится для Франции прометеевским коршуном; он клюет ей печень, высасывает из нее самые лучшие соки – и барометр падает, стрелка показывает перемену. Действительно перемена – костюмов и декораций! Франция меняет орла на петуха, трехцветное знамя на белое, заветный N и золотых пчел – на золотые лилии и поет другую песню: «*Vive Henri IV...*» Надоедают ей, однако, и песня, и лилии, и петух, и белые знамена; видит Франция, что правление Бурбонов – видоизменение наполеоновского капральства, и добывает откуда-нибудь нового короля из запасной орлеанской династии; короля – либерала на словах, деспота на деле, и... после засухи деспотизма опять является буря на французском барометре.

Кроме знамен, гербов и символов, у каждого образа правления свой кумир. У легитимистов, любителей королевской власти во вкусе *renaissance*, три идола – вроде индийских Браммы, Вишну и Шивы; трое королей-волочит, к которым легитимисты питают религиозное благоговение, окружая их мишурными ореолами незаслуженного величия – Франциск I, Генрих IV и Людовик XIV. У каждого из этих трех кумиров своя фраза, если не бессмертная, то бессмысленная...

У Франциска I знаменитое: «Все пропало – кроме чести» (о чем мы уже говорили с читателем); у Людовика XIV: «Государство – я» (*l'état – c'est moi*) и «Нет более Пиренеев» (*il n'y a plus de Pyrenees*); у Генриха IV, самого популярного из трех, – обещание курицы в суп беднейшему из своих подданных. Эту курицу ближе всего можно сравнить с газетной *уткой*; не дождался ее, да едва ли когда и дождется бедный холостяк, геральдический французский петух. Фраза Генриха IV превращается даже в ядовитую иронию, если вспомнить, что этот добрый король, осаждая Париж, морил его голодом. Хлеб, который он будто бы посылал осажденным, взращен в воображении поэтов и льстецов историков. Ничего подобного не было; парижане во время осады с мая по сентябрь 1590 года вместо хлеба питались лепешками из толченого гри-

³⁷ «*L'amour est une passion a laquelle toutes les autres doivent obéissance*». Слова Генриха IV в письме к елизавете Английской от 26 октября 1596 года.

³⁸ Первая песня – знаменитый марш времен первой империи; другая рапсодия – отпевавшей свою песенку второй.

феля с примесью муки из костей скелетов, отрытых на городских кладбищах (*pain de Madame de Montpensier*); падаль почиталась лакомством; до ста тысяч человек умерло от голоду и эпидемий; вследствие тления непогребенных трупов в Париже появились ядовитые змеи...³⁹ Незлопамятный народ французский, позабыв о голоде, которым его морил Генрих IV, помнит только курицу, им обещанную; народ-фразер за красное или «жалостное» словцо прощает многое, и курица Генриха IV мила французам не менее наполеоновского орла, и король велик, бессмертен, незабвенен. В Генрихе каждый француз видит себя самого; Генрих – тип истого сына великой нации и вследствие этого – *велик!*

Немного же надобно, чтобы во Франции удостоиться титула *великого*. Мы, однако, не можем примирить величия с теми пороками, которыми природа оделила Генриха IV в пропорции бочки дегтю к ложке меду. Его двоекратное отречение от кальвинизма, трусость, нетвердость в слове, плутоватость в игре, чтобы не сказать – склонность к воровству, наконец, сластолюбие, доходившее до забвения достоинства и человеческого и королевского, – все эти свойства характера Генриха IV с истинным величием как-то плохо ладятся! А чтобы читатель не счел наши слова за клевету, укажем на факты, записанные историей.

Трусость Генриха доказывается не бегством его из Парижа, не прятками его во время Варфоломеевской резни – она обнаружилась в битве при Иври 14 марта 1590 года, когда на будущего победителя напал панический страх, почти лишивший его возможности держаться в седле. Ударяя себя кулаками под бока, Генрих твердил сквозь зубы, щелкавшие от лихорадки: «Вперед, вперед, поганный одер!» (*Avance, avance done, vilaine carcasse!*). Легко может быть, что и настоящие герои внутренне праздновали труса в сражениях, но только этого не выказывали.

В нетвердости в слове Генриха уличают его письменные обещания любовницам Габриэли д'Эстре и Генриэтте д'Антраг жениться на них, чего, благодаря стараниям Сюлли, исполнено не было. Обольщать женщин подобными обещаниями неприлично даже какому-нибудь писарю или денщику, королю же, и тем более *великому*... странно!

Забавляясь карточной игрой, великий король не только плутовал, но – без околичности – крал чужие ставки со стола. Однажды, играя с Бассомпьером, Генрих подменил выигранную маршалом кучу пистолей таковою же, составленную из полупистолей. Заметив этот подлог, Бассомпьер выбросил весь свой выигрыш за окно стоявшим в карауле солдатам, заменив ее на игорном столе новой, из собственного кармана. Свидетельница этому Мария Медичи сказала Генриху: «Вы с маршалом поменялись ролями: он отлично представил короля, а вы – простого солдата!» Тому же Бассомпьеру, частому своему партнеру, король не один раз говорил: «Хорошо, что я король, а то за мою нечистую игру быть бы мне давно на виселице!»

Это признание, конечно, делает честь откровенности Генриха IV, но сами плутни не делают ему чести... Снимите этого великого короля с плеч его живого пьедестала – истинно великого, благородного Сюлли, – и перед вами явится самый обыкновенный человек; но в этом-то и вся заслуга Генриха... Да, он был *человеком* на троне после двух демонов, Карла IX и Генриха III, руководимых достойной их матерью, Екатериной Медичи. Мученическая смерть Генриха от руки Равальяка, бесспорно, примиряет до известной степени с его жизнью, но кровь короля, во всяком случае, не может смыть многих грязных страниц истории его царствования. Именно об этих страницах мы и поговорим теперь; поговорим беспристрастно – не оправдывая, не обвиняя. Перед нами теперь Генрих IV – живой, но не умерщвленный Равальяком и через сто восемьдесят три года (1793) не исторгнутый яростной чернью из своей могилы в Сен-Дени – страница неизгладимо позорная в истории французского народа!..

В моцартовском Дон-Жуане Лепорелло, перечисляя жертвы своего господина, развертывает сажженный свиток, представляющий в итоге 1003 (*milla e tre*). Точно таким же – хотя и менее баснословным – списком приходится и нам начинать наш очерк сердечных подвигов

³⁹ См. *Journal de l'Etoile*: mai – septembre 1590. Du Laure. Histoire de Paris. Tome V, p. 78–104 (edition de 1823).

державного французского Дон-Жуана. *Пятьдесят шесть!* – произносим мы голосом Лепорелло; имена же фавориток следующие.

1573–1576: 1) *Шарлотта де Бон-Самблансе – госпожа де Сов – маркиза Нуармутье* (Charlotte de Beaune Samblançay, dame de Sauve, marquise de Noirmoustier); 2) Жанна дю Монсо де Тигонвилль, впоследствии графиня Панжа (Jeanne du Monceaux de Tigonville, comtesse de Rangeas).

1578: 3) Дайэлла, фрейлина Екатерины Медичи, гречанка-киприотка; 4) в Ажене: Екатерина дю Люк; 5) Анна де Бальзак де Монтэгу (Anne de Balzac de Montaigu); 6) в Ажене: Арнольдина.

1579: 7) Мадемуазель де Ребур, 8) Флёретта, дочь садовника в Нераке, 9) *Франциска де Монморанси-Фоссе* (Franchise de Montmorency-Fosseux); 10) госпожа Спонд; 11) девица Марокен; 12) Ксента, горничная Маргариты Наваррской; 13) булочница в Сен-Жан; 14) госпожа де Петонвилль; 15) Бавересса; 16) девица Дюра; 17) Пикотен, булочница в По; 18) графиня Сен-Мегрен (Le Sain-Maigrin); 19) кормилица в Кастель-Жалу; 20) две сестры де л'Эпсэ (De l'Ersee).

1582–1591: 21) Диана д'Андуэн, графиня Грамон, прозванная *Прекрасною Коризандою* (Diane d'Andouins, comtesse de Gramont, dite la belle Corisande); 22) Мартина; 23) Эсфирь Имбер (Imbert) в Ла-Рошели; 24) Антуанетта де Пон, маркиза Гершвилль, впоследствии графиня Лианкур (Antoinette de Pons, marquise de Guercheville, comtesse de Liancourt) с 1589 по 1590 год. Любовь платоническая и неудачная; 25) Екатерина де Верден – монахиня Лоншана, впоследствии аббатиса в Верноне; 26) Мария де Бовийе, аббатиса монастыря Монмартр; 27) Мария Бабу де ла Бурдэзер, впоследствии виконтесса д'Этож, двоюродная сестра Габриэли д'Эстре.

1591–1599: 28) *Габриэль д'Эстре – госпожа де Лианкур – маркиза Монсо – герцогиня де Бофор* (Gabrielle d'Estree, dame de Liancourt, marquise de Monceaux, duchesse de Beaufort); 29) и 30) ее родные сестры: Юлиана Ипполита д'Эстре, маркиза, а впоследствии герцогиня Виллар, и Анжелика д'Эстре, аббатиса в Мобюиссоне; 31) госпожа де Монтобан; 32) Ла Гланде – куртизанка; 33) девица д'Аранкур; 34) девица де Сенант – из того же разряда.

1599–1610: 35) *Генриетта де Бальзак д'Антраг, маркиза де Вернейль* (Henriette de Balzac d'Entragues marquise de Verneuil); 36) графиня Лиму; 37) Жаклина де Бейль, графиня Море (1604/1610); 38) госпожа Ланери; 39) госпожа Мопу; 40) Шарлотта Фулебон, впоследствии супруга Франциска Барбетьер-Шемеро; 41) куртизанка Бретолина; 42) герцогиня де Невер (неудача); 43) герцогиня Монпансье (тоже); 44) Екатерина де Роган, герцогиня Цвейбрикенская (рассердилась на любезное предложение короля); 45) мадемуазель де Гиз, принцесса Конти, сочинительница памфлета «Возлюбленные великого Алякандра» (Les amours du grand Alcandre); 46) госпожа Клен или Келен, жена парламентского советника; 47) мамзель Фаннюш – уличная камелия; 48) супруга сборщика податей госпожа де Буанвилль; 49–53) госпожи: Аарссен, де Со, де Раньи, де Шанливо, Камю де Понкарре.

1604–1610: 54) Шарлотта дез'Эссар, графиня Ромартен;

55) *Шарлотта Маргарита де Монморанси, принцесса Конде*;

56) девица Полэ (Paulet).

Прибавив к этому числу первую супругу Генриха Маргариту Наваррскую, знаменитую *королеву Марго* – французскую Лукрецию Борджа, – получим 57: число лет жизни Генриха IV. На эту странность обращаем внимание охотников до каббалистических выкладок; пусть ради забавы присоединят эту роковую цифру к числам 4 и 14, игравшим такую важную роль в жизни родоначальника Бурбонской династии.⁴⁰

⁴⁰ В его имени (Henri de Bourbon – Генрих Бурбон), как на русском, так и на французском языках—14 букв; он родился 13 декабря 1553 года (12-й месяц года, число: 1+3=4; год: 1+5+5+3=14). Первая его жена (Маргарита Валуа) родилась 14

Цифирные фокусы, конечно, очень занимательны; в них досужее суеверие может даже найти себе лакомую пищу, но мы, не останавливаясь на подобных пустяках, скажем несколько слов об иных цифрах, не каббалистических, но тем более заслуживающих внимания. С 1574 по 1610 год, в течение двадцати шести лет, у Генриха IV было пятьдесят шесть фавориток. Любопытно знать, во сколько обошлись Франции эти удовольствия? Не говорим о какой-нибудь горничной Ксенте или о мамзелях вроде Баверессы, Ла Гланде, Бретолины, Фаннюш и им подобных; на этих госпож и тогда, как теперь, была своя такса. Кроме куртизанок и горничных королю продавали ласки графини, виконтессы, маркизы, принцессы, аббатисы, знавшие себе настоящую цену; мужья сводили его со своими женами, матери и отцы – с дочерьми. Не скупился король на золото, подарки; щедрился он на поместья, майораты, на чины и титулы, которыми награждал услужливых братьев, отцов и мужей, настоящих и подставных. Сумма всех этих щедрот может представить цифру весьма почтенную; данные же для составления этой суммы можно найти в записках Сюлли и во многих других мемуарах того времени.

Женитьба Генриха на Маргарите Валуа – дело адской политики Екатерины Медичи – породнила честный дом наваррских Бурбонов с французским лупанаром. Умной Жанной д'Альбре (как мы видели) руководили расчет и надежда со временем видеть сына на французском престоле – честолюбие извинительное в доброй и нежной матери. Екатерина Медичи замышляла другое. Она, призывая гугенотов на брачное празднество короля наваррского, готовила им предательскую западню Варфоломеевской ночи; она оттачивала ножи и топоры убийц под звуки бальной музыки... Прологом кровавой трагедии были песни, пляски, а за ними – отравление Жанны д'Альбре, убийство Колиньи и резня гугенотов. Мог ли быть прочен и надежен брачный союз, заключенный при такой страшной обстановке? Генрих и Маргарита шли к алтарю скрепя сердце, с обоюдным отвращением, чтобы не сказать ненавистью.

Говорят, будто несходство характеров – главный источник супружеских раздоров... неправда! В короле Наваррском и его супруге видим совершенно противное; редко можно было найти людей, у которых в характере было бы так много родственного сходства; как в нем, так и в ней одни и те же достоинства и пороки одни и те же. Он был влюбчив – она тоже; Генрих за женскую ласку готов был отдать честь, жизнь, весь мир – и Маргарита не задумывалась над принесением этих же самых жертв своим многочисленным любовникам. Шалости и волокитство неприметно довели мужа и жену до распутства, распутство доводило их и до преступлений... Новейшие проповедники женской эмансипации, быть может, сочтут наши слова лицемерием, но, по крайнему нашему разумению, порок, терпимый в мужчине, отвратителен в женщине: подвыпивший мужчина никогда не возбудит того омерзения, которое внушает нам пьяная женщина. То же самое и во всяком пороке. Генрих, молодой страстный беарнец, воспитанный матерью в страхе Божиим, не мог устоять от искушения французского двора Карла IX и Генриха III; мы его не извиняем, только оправдываем... Знаменитая королева Марго не заслуживает ни извинений, ни оправданий. Достойная дочь Екатерины Медичи, она родилась развратной, всосала с молоком матери неутолимое сладострастие, выросла в атмосфере, пропитанной пороком. Двенадцати лет она впервые вкусила заветный плод любви чувственной, и с этого возраста ревностно служила Венере, своему единственному божеству. Антраг, Шаррен (или Шарри) хвалились победою над пламенным сердцем Маргариты-отроковицы, но эту честь могли оспорить у них братья Марго: Карл IX, Генрих III, Франциск, герцог Алансонский и, кроме братьев, герцог Генрих Гиз Порубленный, друг детства Маргариты, ее бессменный сверстник в играх и забавах. Маргарита любила его до самой роковой катастрофы в Блуа, которую, как мы уже говорили, безуспешно пыталась отклонить, предупреждая Гиза об угрожав-

мая 1552 года. Варфоломеевская ночь с 23 на 24 августа 1572 года. (Это число делится на 4 без остатка.) Битва при Иври происходила 14 марта 1590 года. В именах: Jacques Clement (убийца Генриха III), Marie de Medicis – по 14 букв. Г а б р и э л ь д'Э с т р е умерла 8 апреля 1599 года: число 8 делится без остатка на 4, а сумма цифр всего года = 24. Брак Генриха с Марией Медичи – в 1600 году (40 x 40=1600). Генрих был убит 14 мая 1610 года (1+6+1=8).

шей опасности. Немедленно по выходе Маргариты за Генриха Наваррского Гиз возобновил с нею прерванную связь, смеясь и издеваясь над простоватым беарнцем, который со своей стороны умел кстати зажмуриться или глядеть сквозь пальцы на проделки жены. Если римский Брут прикидывался сумасшедшим, почему Генриху Наваррскому было не прикидываться простаком, повесой, добродушно махнувшим рукою на все и на вся и думавшим единственно об игре в лапту, об охоте и любовных приключениях?

Навлекая на себя этой странной тактикой негодование гугенотов и презрение католиков, он спасал себе жизнь и вместе с тем тихонько прокрадывался к королевской короне. Работая перед Екатериной, потворствуя преступным шалостям своей жены, лавируя между Сциллой и Харибдой, Генрих особенно подружился с самым ничтожным из всех своих трех шуринов, Франциском Алансонским. Шурин, зять и сестрица составили самый согласный триумvirат, на который, однако же, обратила внимание Екатерина Медичи, предугадывая в нем опасность, гибельную ее намерениям. Верная завету Макиавелли: вселяй раздор, и властвуй (*divide et impera*), – флорентинка поручила своей фрейлине госпоже де Сов и любимцу Генриха III дю Гасту (*du Guast*) во что бы то ни стало разладить мужа с женою и шурином. Все фрейлины двора королевы-матери, как мы уже говорили, душою и телом служили ее видам и замыслам, но госпожа де Сов любила *искусство для искусства* и, по словам историка Мезерэ, «прелестями своими служила не столько намерениям королевы, сколько своему собственному удовольствию, играя сердцами своих поклонников так ловко, что никогда не бывала в проигрыше и имела неистощимый запас обожателей». Эта прелестная дама, супруга государственного секретаря, была счастливой соперницей Маргариты (или, как ее называл Карл IX, *толстушки Марго*), пользуясь благосклонностью державных ее братьев, наконец, и мужа, которого вместе с герцогом Алансонским прибрала к рукам. Тонкий, лукавый дипломат в своих отношениях к французскому двору, Генрих Наваррский на этот раз бросился в западню, расставленную ему коварной Цирцеей, и, согласно желаниям Екатерины Медичи, рассорился с герцогом Алансонским чуть не до поединка. Госпожа де Сов, принимая у себя в будуаре и зятя, и шурина, тому и другому клялась в неизменной верности; зятю наговаривала на шурина, шурина – на зятя, мужу – на жену. Генрих, не питавший к Маргарите иных чувств, кроме холодной дружбы, заменил ее презрительным равнодушием. Глубоко обиженная Марго, чтобы не остаться в долгу, выбрала себе другом Бюсси д'Амбуаза, главного коновода партии Алансонского. В своих записках она уверяет, что отношения их были безукоризненны, чему, разумеется, нельзя верить.

Преемник несчастного Ла Моля, удалец Бюсси, сын своего времени, был способен на что угодно, кроме нежных воздыханий и платонической любви. В те времена любить женщину значило обладать женщиной; о любви платонической проповедовали только тогдашние романисты и поэты. Душевно преданный герцогу Алансонскому, Бюсси в объятиях Маргариты нашел достойную награду за свою преданность. О связи с ним королевы наваррской дю Гаст довел до сведения ее мужа. Генрих, занятый госпожой де Сов, не повел и ухом. Генрих III и Екатерина надеялись, что беарнец будет мстить Бюсси, и жестоко ошиблись. Тогда дю Гаст (с их согласия, разумеется) выбрал из своего сардинского полка триста человек отчаянных головорезов, велел им ночью напасть на Бюсси и его товарищей. Эта горстка молодцов выдержала натиск злодеев; раненый, Бюсси защищался, как лев, и посланные дю Гаста бежали. На другой день победитель явился в Лувр, неизменно веселый, любезный, будто после потешного турнира. Дорого поплатился дю Гаст за свой неудавшийся разбойничий умысел. 30 октября 1575 года, часу в десятом вечера, когда он больной лежал в постели, в его спальню вломилась толпа замаскированных людей, предводимая Вильгельмом дю Пра, бароном де Ватто; шпаги их и кинжалы не дали промахов: шпион погиб честной смертью Юлия Цезаря. Маргарита назвала гибель дю Гаста «судом Божиим», и это было бы действительно так, если б барон де Ватто действовал не по ее поручению.

Вечером 15 сентября 1575 года Франциск, герцог Алансонский бежал в свой удельный город Дрё, откуда прислал в Париж манифест в оправдание своему поступку с выражением своих притязаний. Генрих III и Екатерина в бессильной ярости не знали, за что взяться; Маргарита слегла в постель, заболев лихорадкой от страха за нежно любимого брата; милый король наваррский тоже лежал... у ног госпожи де Сов, осыпая беглеца упреками и насмешками, которыми маскировал свое решительное намерение последовать его примеру. Усыпив бдительность флорентинки и Генриха III, король наваррский 3 февраля 1576 года под предлогом поездки на охоту в Санлис с небольшой свитой приверженцев своих ускакал по вандомской дороге в Алансон, оттуда пробрался в Мэн, Анжу, где открыто присоединился к партии Конде и опять перешел в кальвинизм, от которого отступился после Варфоломеевской ночи. Мнимый простак перехитрил умную флорентинку, лукавого ее сына и коварную госпожу де Сов, из сетей которой наконец вырвался.

На этот раз за все про все поплатилась ни в чем не виноватая Маргарита. Королева-мать и король-братец, обрушив на нее свою ярость, обошлись с ней как с пленницей, приставив стражу к ее дворцу. Для них Маргарита была драгоценным залогом при тех враждебных отношениях, в которых находились теперь к Генриху III его брат и зять. Король наваррский, равнодушный к жене во время пребывания своего в Париже, теперь в письмах своих из Гаскони прикинулся чрезвычайно нежным и внимательным, прося Маргариту, между прочим, подробно сообщить ему обо всем, что делается и замышляется при дворе. Дружбы ради королева наваррская охотно взяла на себя роль шпионки, донося обо всем обоим беглецам, то есть мужу и Франциску Алансонскому. Желая во что бы то ни стало воротить последнего ко двору, Генрих III решил вступить с ним в переговоры. Посредницей была сама Екатерина; она ездила к Франциску, но, холодно им принятая, истощив весь запас лести и заманчивых обещаний, возвратилась в Париж ни с чем. Быть примирительницей враждующих братьев попросили Маргариту, и она с удовольствием взялась за это трудное поручение. Чего не сделала мегера, то удалось сирене. Франциск, обольщенный ласками сестры (ласками далеко не родственными), возвратился в Париж, как блудный сын в дом отчий. Генрих III принял его с умиленным радушием, Екатерина – со слезами радости; тот и другая смотрели в глаза герцогу Алансонскому, предупреждая, предугадывая малейшие его желания. По этим ласкам Франциск мог заключить, что на этот раз ему не так-то легко будет вырваться из этих предательских объятий. Маргарита в награду за удачное исполнение данного ей поручения просила мать и брата отпустить ее к мужу вместе с присланным за нею Жениссаком. Ей отвечали отказом, посланного приняли с грубостями, приказав ему сказать мужу Маргариты, что он не увидит ее до тех пор, покуда не перейдет в католицизм. Желая утешить Маргариту, ей предложили прокатиться в чужие края, на воды, и она, ссылаясь на недавнюю болезнь, выбрала Спа, куда и отправилась в сопровождении княгини Рош-сюр-Ион. Эта поездка была не столько полезна ей в санитарном отношении, сколько герцогу Алансонскому в отношении политическом. Во время своего пребывания во Фландрии Маргарита сумела расположить в пользу брата партию недовольных испанским владычеством, обещавших ей в случае надобности не только дать ее брату надежный приют, но даже избрать его в предводители готовившегося восстания. Это обещание, льстившее честолюбию герцога Алансонского, пришлось как нельзя более кстати. По возвращении в Париж Маргарита вместо прежнего согласия между матерью и примирившимися братьями нашла страшную разладицу. Генрих III, обвиняя герцога Алансонского в измене и злых умыслах, теперь обходился с ним как с пленником, вместо объятий его держали чуть ли не за ворот. Смягчив по возможности его незавидную участь, ручаясь головой королю и королеве-матери за благонадежность Франциска, хитрая Маргарита с помощью Бюсси д'Амбуаза занялась приготовлениями к побегу узника во Фландрию. В пятницу 14 января 1578 года герцог Алансонский, Симье и Канже с помощью Маргариты, трех ее горничных и верного слуги по веревочной лестнице спустились из окна темницы в ров, оттуда бежали в аббатство

Святой Женеви́евы, где их ожидал верный Бюсси. Во Фландрии брат Генриха III не был ему опасен, и король, радуясь, что сбыл с рук опасного врага, нимало не сердился на Маргариту за ее содействие побегу Франциска. Главной причиной последней распри между братьями была не боязнь короля французского честолюбивых замыслов герцога, а возобновленная последним связь с госпожой де Сов, одновременно устаивавшей и короля своей благосклонностью. До гроба верная правилу не лишая своей ласки ни единого мужчины при дворе – от короля до камер-лакея включительно, эта госпожа имела честь после герцога Алансонского быть любовницей Генриха Гиза. В бытность свою в Гаскони с Екатериной Медичи она пыталась пробудить в сердце короля наваррского прежнюю страсть, но он, как увидим, уклонился от этой камелии, выбрав цветок посвежее и привлекательнее.

Прежде нежели мы возвратимся к рассказу о любовных подвигах героя нашего очерка, окончим обзор любовных походов его супруги до отъезда ее в Гасконь. С 1575 по 1578 год сердцем ее нераздельно владел удалой Бюсси, который, проводив свою возлюбленную, не теряя времени, нашел новый предмет обожания в лице графини Дианы Монсоро. Муж красавицы, взяв пример с Гиза, поступил с Бюсси точно так же, как тот – с графом Сен-Мегрен. Заманив любовника жены в свой замок, Монсоро выпустил на него целый отряд убийц, будто стаю бешеных собак на кабана. Долго отбивался Бюсси от этих душегубцев – сначала шпагой, потом ее обломком, наконец, стульями и скамьями, попадавшимися ему в комнате под руку... Изра-ненному, полумертвому, ему удалось добраться до окна и выскочить во двор, где он повис на копиях решетки и был безжалостно дорезан. Так погиб 19 августа 1579 года храбрец, достойный лучшей участи, но такова уж была роковая судьба любовников Маргариты, погибавших большей частью насильственной смертью, начиная с бедного Ла Моля и оканчивая Обиаком. Обычная фраза: «Я готов отдать за тебя жизнь!» – неизбежная в устах влюбленных, у фаворитов королевы наваррской была пророчеством. Дорого обходились им ласки Маргариты. Нам в нашей книге так часто случалось и еще не один раз случится обвинять драматургов и романистов в искажении исторических фактов и личностей, что мы не можем здесь отказать себе в удовольствии отдать должную справедливость талантливому Дюма, автору великого множества исторических романов, издавна знакомых нашим читателям. Учиться французской истории по романам Дюма было бы, конечно, смешно и дико, тем более что у него вымысел и правда всегда весьма искусно сплавлены в нераздельную амальгаму; но нельзя не признать за ним и той заслуги, что он своими рассказами спас от забвения немало замечательных исторических личностей. Без *королевы Марго* и *графини Монсоро* едва ли большинству читающего мира известны были бы де Ла Моль, Коконна и Бюсси д'Амбуаз – любопытные типы истых французских дворян шестнадцатого века со всеми их достоинствами и пороками. В драме своей «Генрих III и его двор» (Henri III et sa cour) Дюма почти без изменений мастерским пером изобразил историю красавчика *Сен-Мегрена*, а в упомянутых романах полной рукой черпал из записок л'Этуалья, Маргариты, Брантома и истории д'Обинье. Если исторические романы Вальтера Скотта можно назвать фотографиями, то произведения Дюма имеют полное право на имя исторических картин, написанных яркими и далеко не блеклыми красками.

В течение двухлетней разлуки со своей супругой Генрих Наваррский не оставался перед нею в долгу и усердно, не менее Маргариты, служил Эроту и Венере. В 1576 году влюбчивые его глаза остановились на дочери госпожи Тигонвилль, наставницы его сестры. Эта «девочка», как ее называет д'Обинье в своих записках, полудитя, главную заманчивость которой составляли невинность и неопытность, не на шутку отвлекала Генриха от занятий делами поважнее волокитств и любовных проказ, до которых король наваррский был вообще так падок. Сначала он обратился с просьбой помогать ему к суровому д'Обинье, умоляя его «на коленях» уговорить упрямицу, на все нежные предложения короля отвечавшую отказом и бранью. «Я не гожусь в сваты и подлой этой должности исправлять не умею!» – так говорил прямодушный д'Обинье, со своей стороны стараясь отвлечь короля от глупой связи; упрямец не унимался и

одержал наконец желанную победу. Два года мадемуазель де Тигонвилль пользовалась ласками его нераздельно и в награду за свою уступчивость была в 1581 году выдана за барона Пардайян, графа Панжа, члена государственного совета, камергера двора, кавалера рыцарского ордена, капитана полусотни телохранителей, командира Гюйэннского полка и губернатора Арманьяка.

Эти чины были приданым, взятым бароном за женою, и позолотою рогов, которыми задолго до свадьбы его увенчал король наваррский; недаром же сестра Генриха называла барона Панжа «толстым буйволом»...

Через полгода после бегства герцога Алансонского во Фландрию Екатерина Медичи и возлюбленный ее сынок решились позволить Маргарите возвратиться к ее беглому супругу. 2 августа 1578 года королева наваррская из замка Оленвилля изволила отбыть в Гасконь в сопровождении королевы-матери, кардинала Бурбона, герцога Монпансье и президента Пибрака. За ними следовали фрейлины двора Екатерины Медичи, обоз красавиц, которыми флорентинка надеялась действовать на врагов вернее всякой артиллерии – и не ошиблась в расчетах. Не успела она со своим подвижным лупанаром приехать в Гюйэнну, как король наваррский уже растаял от огненных взоров фрейлины Дайэллы, гречанки, спасшейся от плена при разорении Кипра, а Тюреннь пленился девицей Ла Вернь (La Vergne). Восемнадцать месяцев гостила Екатерина Медичи у зятя, напоминая, окруженная своими камелиями-фрейлинами, известного разряда тетеньку с племянницами. Король и королева наваррские были просто умильтельны в добром согласии и при совершенном отсутствии ревности: король дружил с фаворитами жены, она – с фаворитками короля. Житье в Нераке во время пребывания там Екатерины было самое привольное и развеселое; после него прибытие в угрюмый город По и пребывание в этом городе показалось Маргарите невыносимым... Угодно ли читателю знать истинную причину уступчивости Генриха и его снисходительного взгляда на все шашни Маргариты? Вот подлинные его слова.

«Чтобы меня не обвинили в проповеди безнравственных (?) правил приручать ревнивых мужей и пользоваться их доверием, я объясню причины, побуждавшие меня так странно вести себя. Я был королем без королевства и стоял во главе партии, которую следовало поддерживать, всего чаще без войск и без денег для их найма. Видя приближавшуюся грозу, я для ее отклонения не имел иных средств, кроме покорности. В подобных случаях добрая жена приносила мне немалую пользу. Ее ходатайство всегда смягчало досаду на меня ее матери или братьев. С другой стороны, ее красота привлекала ко мне постоянно множество удалцов, которых удерживала при мне легкость ее поведения; суровостью она могла бы повредить успехам нашей партии. Судите после этого, должен ли я был щадить ее, хотя она и доходила иногда в своем кокетстве до смешного. Бывали между ее обожателями и такие, над которыми она сама смеялась, удостаивая меня доверенности и сообщая мне об их забавной страсти. Таков был старый сумасброд Пибрак. Ради любви он сделался ее канцлером, чтобы, пользуясь правом службы, писать ей нежнейшие письма, над которыми коварная вместе со мною смеялась».

Этой же самой системы и в наше время придерживаются многие мужья, торгующие своими женами, в чаянии снискания великих и богатых милостей у своих начальников; но что мерзко в каком-нибудь министерском чиновнике, то отвратительно в короле, этим грязным путем домогающемся престола... Или будущий Генрих IV думал, что за высотой занятого им поста люди, его современники и потомки, не заметят пятен? Солнце ярче французской короны и повыше королевского престола, однако же его пятна не укрылись от глаз наблюдательной науки. Путь к славе может быть тернист, труден, извивист, но никогда не должен быть грязен; стыд и позор тем славолюбцам, которые удобряют почву для своих лавров кровью человеческой или смрадной грязью.

С переездом в По для Маргариты, как мы уже сказали, начались черные дни. В памяти беарнцев еще в полном блеске сияла покойная Жанна д'Альбре, «в которой, – по словам историка, – кроме пола, не было ничего женского»; Жанна – умная в совете, храбрая на войне,

строгая, целомудренная. Сравнивали беарнцы покойную мать их короля с его женою, и невыгодно было это сравнение для молодой развратницы, мечтавшей единственно о нарядах, балах, праздниках да любовных интригах. В По Генрих взял жену в ежовые рукавицы (что, сказать по правде, чести ему не делает). В Париже он «страха ради иудейска» ходил в католическую церковь; в По он заставил Маргариту слушать обедню ее вероисповедания в убогой часовенке, куда не допускали местных жителей, единоверцев Маргариты... Вместо обожателей королеву окружали педант Пибрак, свирепый солдат д'Обинье и фанатик гугенот Жак Лаллье. Некого было ей тешить своими кокетливыми кривляньями и пышными нарядами из камки, аксамита, турецкой парчи и венецианского бархата, о которых она с таким чувством распространяется в своих записках. Полезная мужу в Париже, она была ему почти в тягость в его владениях. Там позволяя Маргарите ветреничать как ей угодно, здесь Генрих требовал от нее соблюдения приличия и супружеской верности. В обоих случаях он был верен политической своей системе: в Беарне честное поведение жены было точно такой же необходимостью, как в Париже – ее безнравственность. Стесняя жену в ее привычках, Генрих себе самому представил полную свободу, не давая спуску ни одному смазливенькому личику – от крестьянки до фрейлины включительно. В это время вместе с д'Амвилем и Фронтенаком король наваррский пользовался расположением мадемуазель де Ребур, всячески досаждавшей Маргарите. Эта Ребур была девица хворая, истощенная, и Генрих любил ее, может быть, единственно ради разнообразия. Она очень скоро ему прискучила, и он заменил ее девицею Фоссё, известной под именем *Фоссезы*. Эта новая связь была затеяна королем незадолго перед его отъездом с Маргаритой в Нерак, где и она вознаградила себя за невольное воздержание знакомством с Иаковом Гарлэ (Harlay), сеньором де Шанваллон.

После скучного По житье в Нераке напомнило Маргарите родимый Париж. Праздники сменялись праздниками, домашние спектакли – балами, балы – поездками на охоту. Придворные дамы и кавалеры кружились в каком-то чаду, покорствуя любви, этому могучему властелину самого короля, божеству, соединявшему пред своим алтарем и католиков, и гугенотов. Старики не отставали от молодежи; суровый и степенный де Рони, будущий Сюлли, репетировал балетные па под руководством сестры Генриха и долгом почел, по примеру прочих, обзавестись фавориткой.

В этом адском лабиринте любовных и политических интриг, душою которых была Маргарита, попавшая опять в свою сферу, путеводной нитью могут служить ее записки. Досадую на маршала Бирона, правителя Гюйэнны, Генрих решился нарушить мир, заключенный с парижским двором, и 15 апреля 1580 года снова вступил в борьбу, названную *войною влюбленных*, так как главные действующие лица этой трагикомедии были влюбленные и любовь была главной пружиной их политических и военных действий. Д'Обинье пишет, что Маргарита, негодуя на своего брата Генриха III за то, что он наущничал королю наваррскому о ее интригах с де Тюреннем и Шанваллоном, подстрекнула мужа затеять с шурином войну. Орудием для подстрекательства она выбрала молоденькую Фоссезу, свою фрейлину, дочь Пьера Монморанси... Другими словами, Маргарита сама сосватала ее своему влюбчивому супругу. Несмотря на свое смешное название, война была нешуточная; независимо от подвигов храбрости со стороны католиков и гугенотов, она была ознаменована неизбежными зверствами и ужасами. Несколько областей терпели нужду и голод, гибли в истязаниях женщины, дети; сотни храбрецов складывали свои головы – и все это по милости женщины-волокиты, чужой кровью мстившей своему брату за непрошеное его вмешательство в ее грязные интриги. По ее просьбе город и замок Нерак воюющими сторонами признаны были неприкосновенными, что, однако же, не мешало Генриху делать частые наезды в замок, в котором между фрейлинами его жены находилась Фоссеза. В начале этой интриги Генрих питал к прелестной отроковице самую платоническую страсть, называя Фоссезу своей «дочкой». Послушная наставлениям королевы, «дочка» держала своего «папашу» в почтительном отдалении, обещая ему – и только обещая – желанную

награду за те воинские подвиги, которые он совершал во время этой срамной войны. Герцогу Алансонскому, возвратившемуся из Фландрии,

Генрих III поручил вступить в мирные переговоры с королем наваррским. Семь месяцев Франциск провел в Нераке, уладив дело по желанию короля французского, но мир был вскоре нарушен по милости Фоссезы. Ревнивый Генрих Наваррский, заметив ухаживанье за нею герцога Алансонского, заподозрил жену в пособничестве. На этот раз невиноватая Маргарита уговаривала брата оставить неуместное соперничество. Фоссеза, точно так же в доказательство своей невинности, вознаградила наваррского короля за долгое ожидание. Лишь только обнаружили последствия близких отношений Генриха с Фоссезою, последняя, подобно библейской Агари, возгордилась и зазналась пред своей законной соперницей, явно оказывая Маргарите неуважение. Круто изменился характер недавней девочки, готовившейся теперь быть матерью. Желая скрыть свою беременность, Фоссеза отпросилась у королевы на воды Эг-Шод, в Беарне. Делая вид, что она ни о чем не догадывается, Маргарита дала ей свое позволение. Фоссеза, сопровождаемая фрейлинами Ребур, Билльсавен, гувернанткой и Генрихом, отправилась лечиться. Ребур, отставная фаворитка, желая отомстить Фоссезе, исправно доносила Маргарите обо всем, что делалось на водах, о дерзких отзывах новой фаворитки насчет королевы, о намерении Генриха заставить жену приехать в Эг-Шод для избежания излишнего скандала... Отклонять было нечего: при дворе и по всему Беарну ходили уже соблазнительные слухи о короле и его фаворитке. Зная, что отдалением от себя Фоссезы она будет только способствовать вящему злословию, Маргарита с удивительным тактом приблизила ее к себе, великодушно продолжив свое содействие к сокрытию от молвы угрожавшей Фоссезе катастрофы. Вместо благодарности Фоссеза, по общепринятому обыкновению падших, желающих выдавать себя за непорочных девственниц, стала осыпать королеву упреками, клясться в своей невинности, называя клеветниками тех, кто осмеливается думать, что она беременна... Бесстыдство это было тем извинительнее Фоссезе, что ее счастливый обожатель Генрих, этот «великий король», делал жене своей сцены за нанесенное ею оскорбление *чистой и невинной* Фоссезе! Какое умирительно патриархальное лицемерие!... В лице *жены* Генрих защищал от нападок общественного мнения свою *любовницу*; замыкая уста Маргарите, он надеялся заставить молчать весь свет... Он, его величество король наваррский, ручался, что его «дочка» Фоссеза чиста, как младенец, значит, так оно и должно быть, хотя бы этот младенец и подарил Божьему миру второй экземпляр действительно невинного младенца, что и не замедлило последовать.

Вскоре после ссоры с женой из-за *невинной* Фоссезы король ночью разбудил Маргариту и ласково сказал ей:

– Милая моя, я от вас скрыл то, в чем теперь принужден сознаться. Простите меня и забудьте все, что я говорил вам. Будьте так добры, встаньте и помогите бедной Фоссезе, которой очень трудно! Я уверен, что вы, увидя ее в этом положении, простите ей все происшедшее. Ведь вы знаете, как я ее люблю! Прошу вас, окажите мне эту милость!

Маргарита, истинно великая в эту минуту, отвечала ему, что она слишком его уважает, чтобы считать его дитя бесчестьем для себя; что она позаботится о Фоссезе, как о родной дочери, ему же советует этим временем ехать с придворными на охоту, затем чтобы все осталось шито да крыто.⁴¹

Невинная Фоссеза родила мертвую девочку. Королеве за ее услуги она отплатила тем же, чем большая часть рожениц платит бедным бабушкам, то есть самой низкой неблагодарностью. Креатуры, подобные Фоссезе, в девушках не засиживаются; на ее счастье, нашелся какой-то Сен-Марк, сеньор де Брок, предложивший ей руку и сердце.

⁴¹ См. *Les Memoires de la reine de Navarre*. Далее этого, кажется, не могут идти ни снисходительность жены, ни цинизм мужа. О великий король!..

До глубины души оскорбленная бесстыдством мужа и неблагодарностью Фоссезы, Маргарита с удовольствием приняла приглашение Генриха III и отправилась в Париж для принятия деятельного участия в интригах против короля наваррского, а самое главное – для возобновления интриги с Шанваллоном, имевшей такое роковое влияние на судьбу бедной королевы наваррской. Дорого поплатилась она, как увидим, за свое справедливое мщение своему недостойному супругу.

Теперь из легиона фавориток Генриха IV появляется первая знаменитость – *прелестная Коризанда*, графиня Грамон, которую один современный автор осыпает такими восторженными похвалами, каких не расточал блаженной памяти Боссюэт в своих панегириках над гробами королей и принцесс. Она, по словам панегириста,⁴² заслуживает не только внимания, но и похвал истории; кроме красоты и ума она была мужественна и бескорыстна. Качества эти (продолжает он) нельзя назвать добродетелями, но во времена, обильные пороками, многое значит иметь хоть какие-нибудь достоинства...

Посмотрим, какие же это достоинства имела прекрасная Коризанда, в девицах Диана д'Андуэн, виконтесса де Лувињи.

Она родилась около 1554 года и в 1567 году, тринадцати лет, вышла за Филиберта Грамона де Гиш, сенешаля беарнского. Король наваррский познакомился с супругами в первый год своего прибытия в Гюйэнну (1576), посетив графа, верного и преданного слугу покойной Жанны д'Альбре. Генрих влюбился в Диану с первой же встречи, но она, как говорят записки современников, была верной женой и не запятнала своего имени связью с королем ранее смерти мужа в 1580 году. Могло быть так, могло быть и иначе. До вдовства своего или после Диана, что называется, ловко окрутила короля наваррского, до того, что он дал ей письменное обязательство, *подписанное кровью*, жениться на ней; предлагал признать своим ее сына Антуана (от герцога Грамона), горько оплакивал своего сына, рожденного Дианой и умершего в малолетстве. Д'Обинье в своих записках⁴³ не слишком-то благосклонно отзывается об этой фаворитке, отвлекавшей короля своими ласками от дел государственных, угрюмо ворчал гугенот на эту госпожу, которая *вертит королем, как ей угодно*, а в праздничные дни «ходит в церковь со своим сынком от Генриха в сопровождении пажа, пуделя и шута...».

Да! По этим атрибутам и отзывам д'Обинье, видно что Диана была высокого ума женщина и за отсутствием законной жены короля очень недурно разыгрывала ее роль с прибавкой почтенной роли матери семейства: шут, паж, пудель и грудной ребенок, «*явный плод любви несчастной*»; обстановка умилительная, трогательная, и Генрих был очень эффектен в роли отца семейства, хотя и побочного, но любимого не менее законного.

Генриха с Дианой особенно тесно сблизил восьмая кровавая уособица между католиками и гугенотами. Д'Обинье называет ее *войной баррикад*, прочие историки – *войной трех Генрихов*.⁴⁴ Это столкновение партий было следствием интриг Маргариты, мстившей Генриху III за нанесенную ей обиду.

Прекрасная Коризанда помогала своему возлюбленному, королю наваррскому, словом и делом, советами и вещественной помощью, закладывая для найма войск и покупки лошадей свои драгоценности и усадьбы. В свою очередь Генрих, не зная пределов своей признательности, мечтал вознаградить фаворитку, сочетаясь с ней законным браком; разумеется, после развода с Маргаритой. В марте 1586 года, отразив маршала Матиньона от стен Кастеля, Генрих отбил у него несколько знамен и лично привез эти трофеи к Диане, чтобы в ее объятиях отдохнуть на лаврах. После кровавой битвы при Кутрасе (20 октября 1586 года), не обращая внимания ни на ропот войск, воодушевленных победой, ни на просьбы принца Генриха Конде,

⁴² M. de Lescure: *Les amours de Henri IV*. Paris, 1864, in 8 p. 121 et seq.

⁴³ *Confessions de Sancy*.

⁴⁴ Генрих III – король французский, Генрих – король наваррский, Генрих Порубленный – герцог Гиз.

желавшего овладеть Сомюром, король наваррский с новым грузом отнятых знамен у неприятеля отправился из армии к Коризанде, тратя драгоценное время на идиллические нежности и праздный отдых в объятиях своей возлюбленной. «Делу время – потехе час» – говорит житейская мудрость; но Генрих смотрел на любовные интриги как на дела, а на войну как на потеху. Сюлли говорит, что товарищем короля наваррского в его сентиментальных поездках к прекрасной Коризанде был граф Суассонский, любовник Екатерины, сестры короля. Генрих ссылался на графа, в свое оправдание утверждая, что он угождал этим своему верному помощнику... Хорошо оправдание!..

Года через два после смерти Франциска, герцога Алансонского (10 июня 1584 года) Генрих, теперь наследник французского престола, окончательно решил жениться на своей Коризанде, против чего восстали Тюреннь и в особенности д'Обинье. Первый пытался отвлечь короля от его намерения действиями военными, но другой вступил с Генрихом в открытый спор, из которого вышел победителем.

Выразив д'Обинье свое намерение, Генрих для примера указывал на тридцать государей, древних и новейших, сочетавшихся браком с женщинами ниже их по происхождению; нападал на браки политические, которые называл источниками распрей и междоусобиц... Д'Обинье, неуловимый софизмами да парадоксами, отвечал королю-селадону:

– Примеры хороши, но не для вас, государь. Короли, на которых вы ссылаетесь, мирно пользовались своими правами; их, как вас, никто не вытеснял из их владений, они, подобно вам, не скитались, и благоденствие их царств не зависело от их доброй славы. Вспомните, государь, что к задуманному вами браку существует четыре препятствия, соединенные в собственной вашей особе, – вы, Генрих Бурбон, король Наварры, наследник короны французской и покровитель церквей. У каждой из этих четырех личностей свои слуги, которым она и платит разной монетой. Как Генрих Бурбон вы должны заботиться о чести вашей фамилии; как король наваррский обязаны соблюдать интересы своей короны; как наследник французского престола принуждены соответствовать надеждам, на вас возлагаемым... четвертая же обязанность ваша – быть примером строгого соблюдения закона и уставов церкви! Вас обуяла любовь, страстная, непреодолимая. Я не говорю, чтобы вы исторгли ее из сердца, – любите, наслаждайтесь любовью, но в то же время будьте достойны ласк вашей любовницы... Сейчас я объясню странный, по-видимому, смысл моих слов. Пусть ваша любовь служит вам мерой для побуждения вас к честному исполнению ваших государственных обязанностей, ради любви внимайте добрым советам, время ваше посвящайте делам необходимым, одержите сначала верх над своими врагами и собственными страстями и порочными наклонностями, а потом, пожалуй, по примеру королей, на которых вы ссылаетесь, женитесь на вашей возлюбленной. Смерть герцога Алансонского еще приблизила вас к трону французскому; не останавливайтесь же на половине дороги и, занеся ногу на ступени престола, ступайте к этой великой цели!

Генрих поблагодарил честного советника и дал ему слово на два года отложить вопрос о женитьбе своей на Диане Грамон. То же обещание, подтвержденное клятвой, Генрих дал виконту Тюренню.

В письмах Генриха к его возлюбленной – полная прагматическая история всей его любви. От Коризанды у короля наваррского не было ничего тайного; он сообщал ей обо всем: о своих воинских подвигах и политических замыслах, своих опасениях и надеждах, о настоящем и будущем... В этих письмах лавры и терния переплетены с благоухающими розами любовной поэзии, которые тем удивительнее в Генрихе, что отношение его к Коризанде было так грубо-чувственно... В письмах своих Генрих, будто влюбленный мальчик, старается умилить свою возлюбленную тирадами о смерти, ему угрожающей, о своих душевных и телесных страданиях, вызывая тем Коризанду на выражение ему совершенного сочувствия. Особенно непри-

ятное впечатление при чтении этих писем⁴⁵ производят отзывы Генриха о своей жене. Конечно, женатый человек ничем не может угодить так своей любовнице, как браня ей свою законную жену, – это дело известное, дело весьма гадкое на словах и отвратительное в письме. Генрих в письмах своих к Диане Грамон называет Маргариту пьяницей (письмо от 7 ноября 1585 года); выражает желание свернуть ей шею (18 мая 1589 года); молит Бога о скорейшей ее смерти: «Жду не дождусь часа, когда удавят эту наваррскую королеву. Если бы протянула ноги она, как и ее маменька, я бы воспел благодарственную молитву» (17 января 1589 года).

Заключительные фразы писем Генриха к его кумиру замечательны как грациознейшие вариации на тему «верность». «Верность моя безукоризненна... Будьте уверены в моей верности – она, если только возможно, усиливается... Люблю вас и до гроба буду вам верен... Не сомневайтесь в верном вашем рабе – никогда не изменит...»

Слова, слова, слова, нимало не мешавшие *верному* Генриху в то же время более или менее успешно ухаживать за номерами 23–27 (просим читателя справиться со списком на первых страницах предлагаемого очерка). Начало охлаждения короля наваррского к Коризанде совпадает со временем его восшествия на престол французский (1589). Что бы ни говорили в его защиту восторженные панегиристы, но этот факт бросает на героя весьма невыгодную тень. Не надо быть особенно проницательным, чтобы не догадаться, что Коризанда, обожаемая Генрихом, была ему полезна во время его претендентства на престол, а по достижении его была брошена королем за ненадобностью. Тогда он думал жениться на ней, а теперь лишил ее даже звания фаворитки. Постепенно, «по градусам», мы проследим это охлаждение, но сперва посмотрим, что в разлуке с супругом поддельвала не менее его *верная* Маргарита и чем она закончила свою бурную жизнь.

Она прибыла в Париж 8 марта 1582 года, очень сухо была принята братом и матерью и нашла при дворе большие перемены.

Бывшие друзья охладели к ней, милый герцог Алансонский скитался по Фландрии, герцог Гиз охладил к Маргарите, очерствел сердцем и, погруженный в интриги, едва обращал внимание на свою первую любовь. Король при всяком удобном случае говорил королеве наваррской колкости, нередко и упреки за легкость ее поведения. Со своей стороны Маргарита, дав волю злему своему языку, не щадила своего братца, осыпая насмешками его фаворитов, с омерзением отзываясь об отношениях короля к этим красавчикам... В этом случае она была права, так как пылкие ее страсти никогда не доводили ее до противоестественного извращения вкуса. По прибытии в Париж она возобновила свою связь с Шанваллоном, и эта любовь не только вознаградила ее за всеобщее равнодушие, но доставила ей радость, доньше еще неведомую... Маргарита родила сына, окрещенного под именем Анжа (Ангела) и отданного на воспитание усыновившему его москательщику де Во. До времени ни королева-мать, ни Генрих III ничего об этом не знали. Оскорбляемая ими Маргарита платила им самой звонкой монетой – злословием, пороча их, весь двор, и правых и виноватых. Генрих III терпел, по свойственным ему малодушию и трусости, но наконец вышел из себя после важного кровавого события, в котором, по-видимому, Маргарита принимала весьма деятельное участие. Курьер, отправленный королем в Рим к тамошнему французскому посланнику герцогу Жуайёзу, был убит в окрестностях Парижа, а все бывшие при нем депеши были украдены. В числе последних находилось собственноручное письмо короля к Жуайёзу, в котором он, не скупясь на брань, описывал любовные похождения своей сестры, все ее происки и каверзы. Решив, что, кроме Маргариты, участвовать в убиении курьера было некому, так как депеши, кроме нее, никого не могли интересовать, Генрих III через несколько дней после катастрофы (7 августа 1583 года) в присутствии всего двора *отпел* Маргарите все, что накопело желчного и ядовитого в его

⁴⁵ Prault: *Esprit de Henri IV*. Musset-Patay: *Vie militaire et privée de Henri IV*. Berger de Xivrey: *Correspondance de Henri IV*.

грязном сердце. Он по пальцам пересчитал ей всех ее любовников, упрекнул за распутство и в заключение – вместо лакомой закуски – бросил ей в лицо обвинение в рождении ею побочного сына от Шанваллона. Эти жестокие нравоучения, бесспорно основательные, имели бы большую цену в устах человека порядочного, а не закоснелого в распутствах содомитянина... Оскорбленная королева наваррская на другой же день выехала из Парижа, почти без свиты и обоза, с горстью приближенных ей служителей. Заливаясь слезами, она твердила, что на белом свете нет королей или принцесс, которые были бы несчастнее ее, Маргариты, и Марии Стюарт, королевы шотландской. В Палэзо королева наваррская остановилась для ночлега, и здесь ее нагнал посланный за ней в погоню Генрихом III капитан гвардии с шестьюдесятью стрелками. Посланный, без всякого уважения к сану и полу Маргариты, обыскал весь ее багаж, обшарил самую постель, на которой она спала, надавал пощечин ее прислужницам, отдал под стражу двух ее любимиц, госпожу Дюра и девицу де Бетюнь, громко обвиняя их от имени короля «в распутстве и умышленных преждевременных родах». Всех арестованных в числе десяти человек отвели в Монтаржи (в аббатство Ферьер), где Генрих III сам их допрашивал, пересматривал бумаги, захваченные у сестры, и при допросах особенно допытываясь о ребенке Маргариты от Шанваллона, именно вследствие этого высланного за границу. Маргарита увиделась с ним только в 1605 году после двенадцатилетней разлуки.

Что касается их сына, Анжа, он, выращенный москательщиком де Во, вступил в орден капуцинов, был духовником маркизы Вернейль, участником всех ее интриг и заговора, имевшего целью лишить Генриха IV жизни и присоединить его королевство к Испании. В лице Анжа судьба послала Генриху IV страшного мстителя за все обиды, причиненные им Маргарите.

Обыск и допросы свиты королевы наваррской убедили Генриха III если не в ее невинности, то, по крайней мере, в отсутствии всяких улик в ужасающих короля злоумышлениях. Арестованных выпустили из-под ареста, Маргарите позволили беспрепятственно продолжать свой путь в Гасконь к мужу, которого, однако же, не преминули известить обо всех этих скандалах. Король наваррский потребовал у Генриха III законного удовлетворения за обиды, причиненные королеве, высказав вместе с тем намерение окончательно развестись с ней (чтобы жениться на великолепной Коризанде). Испуганный Генрих III отвечал зятю, что все написанное о Маргарите – ложь и клевета, что его самого обманули... «Верю, – писал ему король наваррский, – но с женой все же разведусь!» Генрих III послал к нему посла Белльевра, вручившего королю наваррскому собственноручные заверения короля французского в невинности (!!!) Маргариты. От природы глупый, сын Екатерины Медичи в этих письмах дошел до идиотизма. Оправдывая свою сестру, он, между прочим, написал, что «мало ли что говорили о поведении покойной матери короля наваррского, Жанне д'Альбре, как ее порочили...».

– Благодарю покорно! – сказал Генрих Бурбон, смеясь и обращаясь к посланному. – Только этого и недоставало! В прежних письмах ваш государь называл меня рогагоном, а теперь, в оправдание своей сестрицы, не обинуясь, величает меня сыном... – Тут король наваррский отпустил непечатное словцо.

Долго тянулись переговоры, письменные и устные; от дипломатии перешли к войне; король наваррский овладел Мон-де-Марсаном, и тогда дела уладились к обоюдному удовольствию. Все эти семейные драмы и комедии разыгрывались в то время, когда Коризанда, владея сердцем Генриха, нераздельно метила попасть в королевы, а он из короля преобразился в ее вечного раба, до гроба ей преданного. Позоря законную свою жену за огрехи, которым сам был причиной, Генрих нянчился со своим побочным сыном и, любезничая с его маманькой, проводил свободное время то в детской, то в будуаре. *Бескорыстная* Коризанда обеими руками держалась за своего возлюбленного, гордясь своим позором и письменным обещанием жениться, данным ей Генрихом в минуту любовного одурения. Эта госпожа, женщина практическая, приковала к себе короля прочной цепью, последним и несокрушимым звеном которой,

по его обещанию, должно было быть обручальное кольцо, чего, однако же, к чести короны не случилось.

В январе 1584 года Генрих поехал за Маргаритой, во все время распрей мужа с братом остававшейся в Ажене, своем удельном городе. В Нераке, куда ее привез Генрих, бедную Маргариту ожидали те нравственные истязания, которым муж почему-то считал себя вправе подвергнуть ее за все ее тяжкие провинности. Пользуясь правом сильного или, пожалуй, силой правого, любовник Коризанды на каждом шагу осыпал жену колкостями и насмешками. Припомнил первые годы супружества, когда Маргарита не могла видеть его без омерзения, укорял ее за неуважение к его родне, перед которой она возносилась, колол ей глаза ее любовниками и побочным сыном, издевался над женой, а бедная Маргарита не имела даже духу зажать рот своему супругу – хоть бы грязными пеленками сыночка Коризанды или воспоминанием о родине «невинной» Фоссезы. Не довольствуясь старыми дрызгами, безжалостно выставленными теперь на позор, король наваррский, верный роли домашнего тирана, подыскивал новые сюжеты для домашних сцен. Он обвинил Маргариту в намерении опоить его ядом, на что покуда еще не была способна королева, хотя и дочь Екатерины Медичи. В оправдание Генриха нам скажут, пожалуй, что виноват не он, а варварский век, в котором он жил... Пустое! Были же в сердце этого человека чувства деликатности, нежности, проявлялись же в нем проблески идеализма, поэзии... в письмах к любовницам. Неужели на долю жены не нашлось у Генриха капли жалости, простого чувства человеческого?

Униженная, втопанная в грязь, Маргарита не в силах была долго оставаться в ненавистном Нераке. Она возвратилась в Ажен, чтобы жить там совершенно независимо, и с этой минуты окончательно превратилась в падшую, потерянную женщину. Маргарита и сообщница ее в распутствах госпожа Дюра отчаянным поведением возбудили в жителях Ажена сильнейшее негодование, выразившееся открытым бунтом. Предводимые маршалом Матиньоном жители выгнали Маргариту из ее дворца, и она едва избежала народной ярости, усакавав верхом на одной лошади с Линьераком, своим любовником. Фрейлины ее и прислужницы по недостатку в экипажах бежали кто как мог: на крестьянских телегах, верхом, пешком, будто обращенный в бегство табор цыганский. Беглецы и беглянки остановились в крепости Карла, на высотах овернских гор, где их приютил комендант Марсе; но и отсюда преследуемая королева наваррская принуждена была бежать в замок Ивуа, принадлежавший Екатерине Медичи, и на пути была арестована маркизом де Канильяком; той же участи подвергся и Обиак, новый возлюбленный Маргариты, заменивший Линьерака. Последний, отобрав у нее все драгоценности, без зазрения совести прогнал от себя несчастную женщину.

Обиак познакомился с Маргаритой в бытность ее в Карла, где покинутая Линьераком, без всяких средств, нищая, голодная, она за *кусоч хлеба* отдалась простому повару. Обиак сам был обнищавшим дворянином, но Маргарита полюбила его, тронутая нежной внимательностью бедняги, доходившей до обожания. Он знал Маргариту в блестящую эпоху ее жизни, лет двенадцать тому назад, и еще тогда сказал одному из своих сослуживцев: «Что за красавица! За несколько часов, проведенных с нею, я не пожалею жизни и готов идти на виселицу». Разоренная, гонимая, Маргарита отдала свое сердце Обиаку, несмотря на то что он был немолод, рыж, с багровым носом и лицом, осыпанным крупными веснушками. Плодом этой связи был глухонемой ребенок, рожденный Маргаритой в крепости Карла. Комендант Марсе, узнавший об этой интриге, был отравлен! Исполинскими шагами шла королева наваррская по торной дороге порока, на которую толкнули ее беспутства братьев, грубость и безжалостность мужа. Обиак поручил двоюродному брату своему, Рора, собрать войска в Гаскони, привести их в Карла, где королева и фаворит ее думали запереться, как средневековые паладины в феодальном замке, но это не удалось им, и они вместо того попали в плен к маркизу Канильяку, влюбленному в Маргариту. Обиак, по приказанию последнего, был повешен в Эгперте. При аресте Маргариты несчастного нашли зарытым ею в навозной куче; королева собственноручно его остригла,

выбрила, передела. Приговоренный к позорной смерти, Обиак до последней минуты тосковал не о жизни, но о своей возлюбленной. Покуда роковая петля не задавила его, он, не выпуская из рук, осыпал слезами и поцелуями синюю бархатную муфту, подаренную ему

Маргаритой... Не менее его несчастная супруга Генриха IV отдалась маркизу де Канилляку. Женщина эта тогда уже утратила чувство стыда и достоинства человеческого...

Замок Юссон, назначенный местом пребывания Маргариты, вскоре превратился в приют обоюдопола отверженных, в грязную трущобу, похожую на разбойничью берлогу. Выдавая Маргариту за короля наваррского, Карл IX сказал: «Пойдет теперь моя Марго по рукам гугенотов всего моего королевства!» Другой ее брат, Генрих III, при известии о падении Маргариты отозвался и того лучше: «Пьянствовала с гасконцами, а теперь загуляла с овернскими табунщиками и медниками!»⁴⁶

Пользуясь отъездом маркиза де Канилляка в Сен-Сир, Маргарита приблизила к себе сына медника, некоего Помини, бывшего певчим в соборной церкви. Она пожаловала его в певчие собственной капеллы, потом в секретари и, наконец, в формальные фавориты. Ему было лет шестнадцать, Маргарите – далеко за тридцать; она обожала этого мальчика, любила его рядить, тешилась им, как куклой, писала ему нежные стихотворения... В 1599 году брак ее был формально расторгнут; жила она после того шестнадцать лет (умерла 27 мая 1615 года), неизменно дурно ведя себя, меняя любовников, щеголяя нарядами, даже, увы! – льстя любовницам мужа, заискивая их милостей и раболепствуя перед второй его супругой – Марией Медичи. Историю Маргариты Валуа, королевы наваррской, можно назвать длинным свитком, начинающимся парчой, оканчивающимся нищенскими лохмотьями; благоухающей весной, постепенно перешедшей в печальную, грязную осень...

В какую плачевную карикатуру превратила безжалостная старость эту когда-то прелестнейшую из всех принцесс Европы. Умри она в молодых годах, и ее полуистлевший череп не мог бы возбудить в потомстве того отвращения, которое невольно рождается при взгляде на шестидесятилетнюю Маргариту, разбуряченную, разряженную, кокетничающую с мальчиками и поддерживающую в себе угасающие страсти... прозаической рюмочкой вина.

Мы забежали вперед в нашей истории и отвлеклись от другой героини, прекрасной Коризанды, биографический очерк которой пора наконец и закончить. Охлаждение к ней Генриха началось со времени смерти их ребенка. Угасли в сердце короля родительские чувства и затем не замедлили остыть чувства любовника. В письмах своих к Коризанде Генрих чаще и чаще начал заменять местоимение *ты* на *вы*. Вместо любезностей в письме он просил ее в 1589 году помочь ему отвлечь его сестру Екатерину от любви к графу Суассонскому и устроить ее брак с королем шотландским. Он без церемоний осуждал намерение сестры вступить вmorganaticкий брак... Намек довольно грубый, разбиравший мечты Коризанды о выходе ее самой замуж за Генриха IV. Вместо желанной помощи Коризанда стала помогать влюбленным. По ее наущению Екатерина дала письменное обещание выйти за графа Суассонского и вышла бы за него, если бы министр Пальма Кайе не расстроил этой интриги. Точно таким же документом связанный с Коризандой, ему наконец опротивевшей, Генрих IV просил своего верного Сюлли добыть у фаворитки этот *позорный* документ, то есть не свою подписку, данную Коризанде, а письменное обязательство сестры своей, данное ею графу Суассонскому. Ловкий Сюлли добыл оба документа. Этим подвигом он спас короля от больших неприятностей, а сестру его, напротив, втолкнул в омут всевозможных огорчений вследствие насильственной ее выдачи за герцога де Бар в 1599 году. Освобожденный «раб» вздохнул свободнее и счел себя вправе (в марте 1591 года) завершить переписку с прекрасной Коризандой письменным

⁴⁶ Прося у читателей прощения за эти грязные, цинические фразы, берем смелость ручаться за их историческую верность. Цензура приличия была тогда неведома при дворе королей французских.

выговором за ее умыслы поссорить его величество с сестрой. «Не ожидал я этого от вас, – писал он Коризанде, – а потому и вынужден сказать вам, что я никогда не прощу тем, которые вздумают ссорить меня с моей сестрой»...

Оставленная фаворитка (и в молодые годы не имевшая иной привлекательности, кроме полноты, приличной кормилице) под старость пуще разжирела и стала красна лицом, украшенным тройным подбородком. Еще историческая карикатура: душистый персик, переродившийся в пудовую тыкву. Коризанда умерла в 1620 или 1624 году, забытая и светом, и его злословием.

Года за два до своего разрыва с Коризандой Генрих IV, несмотря на свои уверения в преданности до гроба, начал изменять возлюбленной при первом удобном случае. В 1587 году у него были интрижки с какой-то Мартиной, потом в Ла-Рошели с Эсфирью Имбер. Покидая Коризанду, король стал приискивать на ее место новую кандидатку, и выбор его пал на Антуанетту де Пон, молодую вдову убитого в Варфоломеевскую ночь маркиза де Гершвилля. После двух-трех встреч с этой величавой красавицей, державшей себя недоступно, чистой и холодной как лед, Генрих отважился на лестное предложение ей своего изношенного сердца.

– Я слишком ничтожна, чтобы быть вашей женой, – отвечала красавица, – но слишком хорошей фамилии, чтобы быть вашей любовницей!

Логика неотразимая, и победитель сердец со стыдом отступил. Волей или неволей именно в это время ему пришлось осаждать Париж и многие города, подобно столице королевства не желавшие признать над собой власть короля-кальвиниста.⁴⁷ Ужасы войны, голод и эпидемии в Париже не только не охлаждали в короле его любовного пыла, но как будто пуще его разжигали. Во время рекогносцировок в окрестностях столицы король останавливался в женских монастырях, превращавшихся тогда по его милости в капища Киприды. Монахиня в Лоншане, Екатерина из Вердена и Мария де Бовине, аббатиса Монмартра, вписали свои имена в соблазнительную хронику Генриха IV. После того несколько времени король покровительствовал Марии Бабу де ла Бурдезьер, родственнице дворянского дома д'Эстре, доводившейся двоюродной сестрой знаменитой Габриэли.

14 февраля 1559 года Антоний д'Эстре – губернатор-сенешаль и первый барон Болоннэ, виконт Суассон и Берси, маркиз Кевр, губернатор Фера, Парижа, Иль-де-Франса, впоследствии генерал-фельдцейхмейстер – все эти титулы и чины бросил в грязь, сочетаясь браком с некоей Франциской Бабу де ла Бурдезьер, хвалившейся, как подвигами, тем, что, когда она была *в девицах*, она пользовалась или, вернее, ее ласками пользовались: папа Климент VII в Ницце, Карл V в Париже и Франциск I в Фонтенбло. От мужа у Франциски было шесть дочерей и один сын, которых злые языки называли «семью смертными грехами». Габриэль, самая младшая, родилась в 1571 году. Зная по собственному опыту выгоды торговли живым товаром, мадам Бабу без околичностей занялась продажей своих дочерей именитым и богатым покупателям. Старшую дочь, Диану, приобрел герцог д'Эпернон, и при его содействии шестнадцатилетнюю Габриэль, стройную голубоглазую блондинку, *представили* королю Генриху III, за что он послал ее маменьке шесть тысяч экю, из которых две тысячи утаил его посланный Монтиньи, на что король, весьма основательно, изволил разгневаться.

Шеститысячная покупка вскоре, однако же, ему прискучила. «Бела и худошавая, – отзывался о ней Генрих III, – точно моя жена!» Тогда Габриэль перешла к кардиналу Гизу; от него к герцогу де Лонгвиллю; от Лонгвилля к герцогу Белльгарду, а уже от Белльгарда – к Генриху IV, бывшему, в этом случае, *пятым*. Такова была Габриэль, которую Вольтер в своей «Генриаде» называет воплощенной непорочностью. Верьте после этого поэтам вообще, а Вольтеру

⁴⁷ Генрих IV овладевал городами, осаждая их и покупая. За сдачу Парижа он заплатил Бриссаку 1 695 400 ливров, за Руан и Гавр – 3 477 800 ливров, за Понтуаз – 476 594 ливра и 20 тысяч экю – за Мо. См. D u L a u r e. Histoire de Paris, tome V, p. 20–128.

в особенности: Габриэль д'Эстре, по его словам, – невинность, а *Орлеанская девственница* – потерянная женщина...

В начале 1591 года в Манте Генрих IV, очарованный рассказами герцога Белльгарда о Габриэли, пожелал увидеть это сокровище. Пришел, увидел и... не победил, но сам признал себя побежденным. Того же Белльгарда король попросил быть ему сватом, что возмутило и его, и бедную Габриэль. Последняя отвечала Генриху, что, кроме Белльгарда, никому не намерена принадлежать, и с этим словом из Манты уехала в Пикардию, в замок Кевр; Генрих – за ней. Надобно заметить, что все эти проделки происходили в военное время, когда кипела междоусобица; лес, окружавший Кевр, был наполнен неприятельскими пикетами, и Генрих из любовного плена легко мог попасть в другой, немножко неприятнее. Тем не менее с пятью товарищами король погнался за Габриэлью; в трех милях от замка сошел с коня, переоделся в крестьянское платье и с охапкой соломы на голове явился в убежище Габриэли. Эта солома на время поглотила лавры Генриха, а с ним обе его короны – французскую и наваррскую. Мнимый крестьянин явился к Габриэли, но жестокая не умела достойно оценить самоотверженность короля: она расхохоталась, сказала ему, что «он до того гадок, что она видеть его не может!», и вышла из комнаты. Оставшись с ее сестрою, госпожой Виллар, Генрих выслушал извинения, оправдания и со стыдом возвратился в Мант, где о нем сильно беспокоились Морнэ и верный Сюлли. Потерпев неудачу как простой смертный, Генрих решил прибегнуть к своей королевской власти и вытребовал в Мант маркиза д'Эстре со всем его семейством. Этот маневр не привел ни к чему, так как сам король, боровшийся с лигёрами, часто вынужден был переезжать с места на место; Габриэль между тем удостаивала своей благосклонностью попеременно то Белльгарда, то Лонгвилля. Отец красавицы решился ее пристроить, выдав замуж за хорошего человека. Таковым оказался пожилой вдовец Николай д'Амерваль, сеньор де Лианкур, предложивший Габриэли руку и сердце. Она хотела отказать, но отец дал за нее согласие, а отца поддержал король, так как замужество Габриэли давало Генриху возможность действовать решительнее. Габриэль жаловалась, роптала; милый король утешал ее тем, что супруг ее будет таковым только по имени. Епископ Эврё (будущий кардинал дю Перрон) воспел это сватовство Габриэли в трогательной эпителиме, в которой от имени невесты укоряет жестокого Генриха за выдачу ее за немилого, тогда как она любит его, короля... А она о короле и не думала! Габриэль вышла за Лианкура.

Верный своему обещанию, Генрих разлучил супругов, устраняя всякое сближение между ними под благовидными предлогами... Давая Лианкуру поручения по службе, король немедленно являлся к его супруге, которая теперь стала ласковее со своим державным обожателем. Ложное положение Лианкура разрешилось наконец разводом его с Габриэлью «по самым уважительным причинам»... Другими словами, за весьма почтенную сумму Лианкур возвел на себя напраслину в негодности к брачной жизни. Габриэль, юная вдовица при живом муже, осталась под надзором своей тетки, госпожи де Сурди. В доказательство истины, что добродетель без награды тоже никогда не остается, король дал Лианкуру место губернатора в Шартре... Все вошло в приличный порядок, и желанный успех вознаграждал Генриха за первые неудачи. Любовь Габриэли к королю не мешала ей, впрочем, по старой памяти любить и Белльгарда. Не раз король заставлял свою фаворитку наедине с ним; Белльгард убегал, король устраивал сцену Габриэли, оканчивавшуюся всегда его падением к ее ногам и мировой. О счастливом соперничестве Белльгарда с королем существует множество рассказов в мемуарах того времени; все эти рассказы более или менее невероятны. Габриэль, достойная дочь мадам Бабу, могла дразнить ревнивого Генриха, могла при удобном случае его обманывать, но едва ли когда явно выказывала предпочтение герцогу перед королем, что с ее стороны было бы совсем нерасчетливо. Не менее сомнительно сказание, будто Генрих не один раз поручал убить Белльгарда: король мог быть ветрен, непостоянен, но лютости в нем не было. Король избавил себя от соперника, женив

его на Анне де Бейль и удалив от двора. С этого времени Габриэль, в 1594 году подарившая королю сына Цезаря, оставалась ему верной.

Женщина пустая, охотница до нарядов, расточительница, ума недалекого, но любившая поумничать и давать советы, Габриэль, обожаемая королем, была нелюбима двором и народом. Сюлли в своих записках называет ее не иначе как *рыжачкой* (La Rousse), кальвинисты не могли ей простить ее настойчивости в том, чтобы король перешел в католицизм. Этот позорный подвиг совершен был в Сен-Дени 25 июля 1593 года, и, уведомляя о нем свою Габриэль, король называет переход в католицизм *опасным скачком* (saut perilleux). Во время вторичной осады Парижа Габриэль была при короле безотлучно, занимая небольшой павильон на высотах Монмартра. 22 марта 1594 года, в семь часов утра, произошло торжественное вступление короля в его столицу; в июне того же года в замке Куси, близ Лиона, Габриэль родила сына Цезаря. Это радостное для короля событие было отмечено фактом, который мог бы бросить очень невыгодную тень на личность великого короля, если бы, очевидно, не был вымыслен. Лейб-медик его величества д'Алибур, или Алибу (Aliboust), пользовавшийся Габриэль в первые месяцы беременности, был после ее разрешения отравлен ядом. В этом преступлении современники обвиняли короля, совершенно же оно было будто бы вследствие того, что Алибур сообщил королю о несомненных признаках беременности тогда, когда Генрих еще не был в коротких отношениях с Габриэлью. Грубый анахронизм избавляет нас от труда оправдывать Генриха IV в небывалом злодействе. Мог ли король отрицать *законность* (в физическом смысле) происхождения своего сына, когда он сожительствовал с Габриэлью с 1592 года? Л'Этуаль в своем дневнике говорит, будто лейб-медик д'Алибур был отравлен Габриэлью (24 июля 1594 г.) за то, что донес королю, что рожденный ею ребенок – плод ее связи с Бельгардом... Опять вздор! Никакой доктор в мире не может с точностью определить, кто именно отец новорожденного из двух счастливых обожателей матери. В первые годы царствования Генриха IV при борьбе двух религиозных партий враги, не довольствуясь оружием вещественным и тайными убийствами, пользовались весьма успешно и клеветой. Лигёры, бросая грязь в Генриха и его фаворитку, легко могли сплести небылицу на обоих по поводу смерти д'Алибура.

Какая, однако, ужасная эпоха! Войны и любовные похождения, нежные песенки и свист пуль, пиры с отравленными кубками, благоухающие будуары с трупами зарезанных и удушенных...

В ответ на дурные слухи о смерти д'Алибура Генрих IV торжественно въехал в Париж 15 сентября 1594 года вместе с Габриэлью; узаконил новорожденного Цезаря, дал фаворитке маркизат Монсо и поспешил ускорением своего развода с Маргаритой Валуа, чтобы жениться на Габриэли д'Эстре. 3 февраля 1595 года парижский парламент занес в свои реестры королевский манифест, из которого любопытнейший отрывок представляем вниманию читателей:

«...Почему желанием нашим было иметь потомков для наследия власти королевской. Так как Господу доныне еще не угодно было даровать нам детей от законного брака вследствие десятилетней разлуки нашей с супругой, мы возымели желание в ожидании законных наследников обрести иных, в семьях достойных и почтенных... *Посему*, сведав о высоких достоинствах и совершенствах ума и тела, соединенных в особе нашей милейшей и возлюбленнойшей госпожи Габриэли д'Эстре, мы в течение нескольких лет (?) искали ее расположения, как наиболее соответствующего нашим видам. Сближение наше с этой особой казалось нам тем возможнее и для совести нашей необременительнее, что брак ее с господином де Лианкуром признан расторгнутым и уничтоженным на основании существующих узаконений. Вследствие этого упомянутая дама после *долгих наших домогательств*, равно и повинаясь власти нашей, согласилась на предложения наши, и Богу угодно было даровать нам от нее сына, именуемого поднесь Цезарем с титулом *господина* (Monsieur). Кроме естественных чувств милосердия и любви родительской, как к родному детищу, мы при виде щедрых даров Бога и природы, кото-

рыми оделен новорожденный, питаем надежду, что дары эти с годами в нем разовьются, приумножатся и что от этой отрасли будут обильные плоды... *Решаем...* и т. д.»

...Решаем, доскажем мы неофициальным языком рассказчика, чтобы Цезарь был признан принцем крови и по неимению иного – наследником французского престола. Возведение Габриэли в звание маркизы Монсо последовало в марте того же 1595 года с придачею замка в двух милях от Мо. Поэты воспевали красоту и высокие добродетели фаворитки... Как быть! Поэзия всех веков и народов не чуждалась приемных, даже прихожих сильных мира сего, при удобном случае и она не прочь добыть «кусочек сыру» тем же самым путем, как Лисица в басне. Поэт Паршер (Parcheres) за свой сонет на глазки Габриэли удостоился от монарших щедрот пенсии в 1400 ливров. Да что поэты!.. Историограф Генриха IV Пьер Маттье, хвалившийся перед королем прямизмой и правдолюбием, не хуже льстивого поэта превозносил фаворитку до небес. «Король любил в ней не одни только наслаждения, – говорит Маттье. – Она была ему полезна своим противодействием многим интригам, так часто возникавшим при дворе. Король сообщал ей обо всех доводимых до его сведения распрях и каверзах, открывал ей душевные свои раны, и она всегда умела утишить его страдания, устраняя причину горя, примиряя ссорившихся. Весь двор создавал, что фаворитизм Габриэли был подпорою для каждого, а не бременем, и многие радовались ее счастью. Сестра Генриха Екатерина и дочь Колиньи, вдова Вильгельма Оранского, удостоивали фаворитку самой нежной приязнью. Любовь к ней короля возрастала с каждым днем, выражаясь щедрыми подарками поместьев и титулов; последние исправляли должность ступенек, по которым Генрих IV намеревался возвести свою Габриэль на королевский трон. Как бы в подтверждение обещания жениться на ней король со своей руки отдал Габриэли государственный перстень, надетый им в числе прочих регалий во время обряда коронования. Этим перстнем он символически обручался с Францией, а после того – с Габриэлью. Она вместе с королем принимала депутации от покоренных городов, ключи и золотые блюда – дары покорности королю передавались им фаворитке из рук в руки. Принимал ли Генрих иностранных послов, совещался ли он с министром о государственных делах, Габриэль безотлучно была при нем, „как тень иль верная жена“. К сожалению, только именно женою-то и не могла быть фаворитка до тех пор, покуда не вышло разрешение папы о расторжении брака короля с Маргаритой Наваррской; когда же оно вышло, Габриэль сошла в могилу.

Не довольствуясь коленопреклоненным двором перед своей возлюбленной, Генрих сумел – лаской и немножко лестью – заставить преклониться перед ней своих ворчунов д'Обинье и Сюлли. Первого он призвал к себе во дворец вскоре после покушения Жана Шателя (27 ноября 1594 г.). Поцеловав гостя, король повел его на половину Габриэли и отрекомендовал их друг другу, стараясь сблизить их интимной беседой. Часа два длился у них дружеский разговор, во время которого д'Обинье очаровал фаворитку своим умом, а она его – миловидностью и любезностью. Здесь не можем не привести достопамятных пророческих слов д'Обинье в ответ королю на его рассказ о покушении Шателя. Последний, девятнадцатилетний семинарист, ученик иезуитов, пробрался на половину Габриэли в то самое время, когда там был король, только что возвратившийся из Пикардии. В ту самую минуту, когда король наклонился, чтобы поднять склонивших перед ним колени Раньи и Монтиньи, семинарист ударил его ножом, думая попасть в горло, но, попав в нижнюю губу, рассек ее и вышиб зуб.

– Ты что же дерешься?! – сердито вскрикнул Генрих, взглянув на стоящую близ него женщину и не понимая, откуда нанесен удар.

Злодея схватили тотчас же, и через два дня он был казнен. Рана короля оказалась неопасной; все лечение ограничилось небольшой лигатурой и куском пластыря.⁴⁸ Выслушав рассказ

⁴⁸ В память злодейского покушения Жана Шателя по повелению короля в Париже была воздвигнута пирамида с надписью о соучастии в заговоре иезуитов. По их просьбе она была уничтожена в 1604 году.

Генриха и осмотрев рану, прямодушный д'Обинье, верный правилу (опасному при дворе) говорить то, что думаешь, *брякнул* королю, намекая на его отступничество от кальвинизма:

– Вы, государь, отрелись от Бога покуда еще только на словах, и за это Он покарал вас, допустив злодея расцезать вам губу. *Отречетесь сердцем – будете поражены в сердце!*

– Хорошо, но неуместно сказано! – воскликнула Габриэль.

– Согласен, – отвечал д'Обинье, – слова эти неуместны, если не будут приняты к сведению.

Сближение д'Обинье с фавориткой было упрочено взятием первым на свое попечение и воспитание ее сына, Цезаря. Пришлось оказывать этому ребенку родительские ласки именно тому человеку, который постоянно журил короля за его слабость к прекрасному полу. Строгий д'Обинье, как видно, твердо верил, что Габриэль будет законной женой Генриха IV и королевой французской.

Женой, как мы уже говорили, она могла быть только в случае формального развода Генриха с Маргаритой; чтобы быть королевой, ей еще следовало дожидаться того дня, в который Генрих окончательно будет сам королем Франции, не по титулу, то есть на словах, а на деле. Именно в эпоху его связи с Габриэлью он область за областью приводил себе к повиновению, один город подносил ему ключи и отворял ворота, другой приветствовал боевыми зарядами; в одной области кричали: «Ура Генриху!», в другой: «Да здравствует Лига или Карл X!» Злоумышления, заговоры возникали на каждом шагу; Испания грозила отнять у Генриха отцовское его наследие, королевство наваррское. Настоящим королем Франции и Наварры родоначальник Бурбонов смог назваться только в 1600 году, когда Габриэли уже не было на свете.

Подобно Юпитеру, Генрих IV золотым дождем осыпал свою Даная, оделяя своими щедротами даже тех, кому покровительствовала его возлюбленная. В 1594 году ей было подарено имение Вандейль, в 1595-м – в Креси, в 1596-м – Монсо и Жуань (Joignes), в 1597 году король купил для нее герцогство Бофор, вместе с тем пожаловав ее из маркизы Монсо в герцогини. Кроме того, Габриэлью приобретены были: поместья Жикур и Лузикур от Гизов; Монтретон и Сен-Жан; герцогство д'Этамп от Маргариты Наваррской. Тетушке своей, госпоже де Сурди, фаворитка выхлопотала аренду в 50 тысяч ливров годового дохода. В дневнике л'Этуалья и многих мемуарах того времени подробно описаны ее наряды и драгоценности, которым могла позавидовать не одна настоящая королева. Как видно, не без основания придворные обвиняли фаворитку в корыстолюбии. Поэт-лизолюб из лакейской фаворитки Вильгельм дю Сабль, думая уязвить недовольных, влагая в их уста следующий совет, будто бы даваемый ими Габриэли, только охарактеризовал ее систему наживы:

Подумай о себе: фортуна своенравна;
Теперь ее щедрот из рук не упускай,
На черный день богатства припасай,
Дела свои вообще обдeldывай исправно —
И верных слуг себе любовью привлекай!⁴⁹

Просим прощения за дубоватый перевод не менее дубоватого подлинника. Не одних льстецов вдохновляла Габриэль; очарованный ее прелестями, Генрих IV собственной персoной ударился в поэзию и кропал в ее честь стишки, из которых одна песенка удостоилась даже сделаться народной... В исходе прошедшего века, по крайней мере, ее распевали во Франции:

Мне сердце грусть терзает,

⁴⁹ Pensez, madame, a vous; la fortune est muable; Vous avez la faveur, ne la negligez point. Craignant, que quelque jour ne vous laisse en pourpoint, Faites des serviteurs et vous rendez aimable!

Красавица моя!
 Ах, слава призывает на ратные поля!
 На это расставанье
 Могу ли не роптать,
 Когда за миг свиданья
 Готов я жизнь отдать!⁵⁰

Смысл немножко прихрамывает, но именно в этом-то и достоинство этих нежных стишков: где истинная любовь, там логика всегда в отсутствии. Генрих, человек экзальтированный, восторгался до сумасбродства или (что одно и то же) до стихоплетства, любя: Коризанду, Габриэль, Мартину, Бретолину, Ла Гланде, мамзель Фаннюш и т. д. Подобных муз у него было (вместо узаконенных *девяти*) ровно *семью восемь*. Изобретательный на эпитеты своим возлюбленным, он назвал Диану де Грамон *прекрасной Коризандой*; с именем Габриэли д'Эстре неразлучно было прилагательное: *прелестная* или *очаровательная* (*charmante*). Прозвища эти можно назвать тоже своего рода титулами.

Детей у Габриэли от короля было трое: сыновья Цезарь, Александр и дочь Екатерина-Генриэтта. Все трое были узаконены и признаны с присвоением им достоинства *детей Франции*.⁵¹ Таким образом, у Генриха IV, кроме запасной супруги, не было недостатка и в наследниках. Исчисляя щедроты короля фаворитке, распространявшиеся даже на ее родных, мы позабыли сказать, что отец ее был пожалован в генерал-фельдцейхмейстеры, к крайнему неудовольствию Сюлли, домогавшегося этой важной должности. Эта несправедливость была одной из причин непримиримой ненависти, которую этот великий муж питал к фаворитке, ненависти, с трудом скрываемой под маской уважения.

В 1598 году нескончаемое дело о разводе приблизилось к развязке. Генрих IV, только что завоевавший Бретань, находился тогда в Рейне, проводя время в забавах и на охоте. Раз, после обеда у верховного судьи, король, взяв Сюлли под руку, увел его в сад и начал весьма серьезный разговор о необходимости иметь законную жену и наследников, причем выразил желание выбрать себе первую преимущественно из среды французской знати. Сюлли отвечал советом последовать примеру Артаксеркса при выборе им Эсфири, то есть созвать красавиц со всех концов королевства и выбрать себе из них в супруги достойнейшую. Генрих очень хорошо понимал, что Сюлли заранее угадывает, о чем он хочет вести речь, но нарочно прикидывается простаком, выжидая решительного слова от самого короля.

– О тонкая, лукавая бестия! – воскликнул тот наконец. – Ведь вы очень хорошо знаете, о ком я думаю, что вам лучше, нежели кому другому, известно все. Вы желаете, чтобы я назвал эту особу? Я назову... Что бы вы сказали мне, если бы я именно на ней вздумал жениться?

– Я сказал бы вашему величеству, – отвечал Сюлли, – что, кроме всеобщего неудовольствия, стыда и раскаяния, которые вы этим навлечете на себя, едва ли вам будет возможно выпутаться из затруднений с детьми, прижитыми вне брака, детьми, извините, весьма двусмысленного происхождения. За дочь вашу не поручусь, но что Цезарь рожден *ею* во время ее связи с Белльгардом – это почти не подлежит сомнению. Дитя, которое вы теперь ожидаете, будет, во всяком случае, рождено вне брака... Подумайте, в какие отношения к этим детям будут поставлены те, которые будут у вас после законного брака?...

⁵⁰ Многие из новейших историков, отвергая, что эти стихи – произведение Генриха IV, приписывают их какому-нибудь присяжному поэту. Отчего же король не мог написать этих плохих виршей: *Charmante Gabrielle, Percй de mille dards Quand la gloire m'appelle. Je vole au champs de Mars. Cruelle dйpartie! Malheureux jour! C'est trop peu d'une vie Pour tant d'amour!*

⁵¹ Цезарь, как мы уже говорили, родился в 1595 году; Екатерина – Генриэтта родилась в 1596, узаконена в марте 1597 года, была с 1619 года замужем за Карлом Лотарингским, герцогом Эльбёф, и умерла 20 июня 1633 года. Александр, названный кавалером де Вандом (*de Vandome*), родился в 1598 году, узаконен в 1599. Был в 1615 году посланником в Риме, умер в заточении в Венсенском замке 8 февраля 1629 года, как полагают, от яда.

– Все уладится к лучшему, – торопливо перебил Генрих. – Даю вам слово не говорить ей о нашей беседе, чтобы не посорить вас с ней. Она вас любит, уважает, но вместе с тем сомневается в вашем расположении и говорит всегда, что для вас королевство и моя слава всегда дороже личного моего удовольствия, даже – меня самого...

В апреле того же 1598 года Габриэль родила сына Александра. Пышный церемониал при его крещении, приличный разве только при крещении законных детей королевских, заставил Сюлли вступить в открытую борьбу с фавориткой. Сократив расходы и изменив некоторые параграфы программы, он сердито сказал распорядителям: «Пусть будет по-моему. Никаких детей Франции знать не хочу!» Назначенные для участия в церемонии чиновники решили идти с жалобой к фаворитке, но Сюлли предупредил их, отправясь к королю. Генрих раскричался, вышел из себя и послал Сюлли к Габриэли для объяснений.

Фаворитка приняла его с самым оскорбительным высокомерием; при первой же колкости с ее стороны Сюлли возвратился к королю. Генрих, которому пришлось рассудить любовницу и друга, душой не покривил, приняв сторону правого. Вместе с обиженным, даже в его карете, король приехал к фаворитке. Вместо обычной ласки и поцелуя, взяв за руку ее и Сюлли, Генрих прочитал ей нравоучение.

– Это вы, сударыня, что же изволите делать? – сказал он сурово. – Досаждаете, делаете мне неприятности, чтобы терпение мое испытывать, что ли? Кто же это вам дает такие добрые советы? Клянусь Богом, если вы будете продолжать таким образом, так очень и очень отдалитесь от исполнения ваших желаний, потому что я не намерен из-за глупых фантазий, которыми я знаю какие люди набивают вам голову, терять лучшего и честнейшего из моих слуг! Знайте, что я любил вас преимущественно за кротость, любезность и уступчивость, а не за упрямство или сварливость... Если вы вдруг так меняетесь к худшему, то я вправе подумать, что до сих пор все это было одно притворство, и вы сделаетесь самой обыкновенной женщиной, если я возвышу вас, как вы этого желаете!..

Фаворитка залилась слезами, стала целовать руки королю, потом прибегла к обычному маневру своенравных, капризных женщин, когда они не могут поставить на своем, то есть в истерике начала метаться из стороны в сторону, бросилась на постель, призывая смерть и укоряя Генриха за то, что он предпочитает *лакея*, на которого все жалуются, любовнице, всеми любимой и уважаемой. Король смягчился, стал уговаривать Габриэль помириться с верным Сюлли, быть терпеливой, покорной... Не обошлось дело без уверений, с его стороны, в неизменной к ней любви и верности. Габриэль не унималась и продолжала ныть и стонать; тогда, окончательно рассерженный, Генрих объявил ей, что если бы ему пришлось пожертвовать одним другому, то он охотно отдаст десять таких любовниц, как Габриэль за одного верного слугу, каков Сюлли. Фаворитка поняла, что в капризах своих зашла слишком далеко, и пала духом. В сердце ее закралось сомнение в чувствах короля и почти отчаяние в осуществлении ее заветной надежды попасть в королевы. Дочь своего времени, женщина ограниченная и суеверная, Габриэль стала совещаться с знахарями, гадалками, астрологами. Ответы их, таинственные, двусмысленные, уклончивые, только पुष्че нагоняли ужас на малодушную.⁵² Она искала успокоения в религии, но и церковь, прибежище и утешение всех скорбящих, устами проповедников, служителей своих, осыпала фаворитку угрозами и упреками. Так, в воскресенье 27 декабря 1598 года, в день праздника св. евангелиста Хуана (по католическим святым), свя-

⁵² Одни говорили ей, что она только раз в жизни будет замужем, другие предсказывали ей смерть в молодых годах, третьи – что ребенок будет причиной ее гибели, четвертые – что ее погубит тот, на кого она всех более надеется. Куаффье, советник суда в Мулене, искусный астролог, предсказавший смерть Генриха Гиза, падение Лиги, взятие Кале, войну с Савойей и убийство Генриха IV, возвестил Габриэли, что она никогда не будет королевой. Приняв за правило в наших исторических трудах, что все предсказания грядущих событий астрологами, некромантами, каббалистами и т. п. записаны в летописи после событий, мы не придаем ни малейшего значения этим прорицаниям. Искуснейшие гадалки во все времена на задаваемые вопросы отвечали обыкновенно: ни да, ни нет, либо: может быть, да, может быть, нет, и, таким образом, конечно, били наверняка.

щенник церкви Сен-Лё и Сен-Жилля в проповеди своей сказал, что в нынешнее время во Франции праведников, подобных Иоанну Крестителю, мало, зато Иродов великое множество. Другой проповедник, Шаваньяк, говоря проповедь на тот же текст об убиении Иоанна Крестителя по просьбе Иродиады, заметил, что «при дворе каждого царя самое опасное чудовище – блудница, которая особенно много делает зла, когда ее подстрекают другие». В дочери Иродиады Габриэль угадывала себя, в подстрекателях – свою милую родню. Мучимая страхом и предчувствиями, фаворитка целые дни и ночи проводила в слезах. Чувство любви к ней замесилось в сердце Генриха чувствами жалости. Данное ей слово он решил сдержать по получении формального отречения от Маргариты и благословения от его святейшества папы. Первая поступала с непростительной бессовестностью: она медлила отречением от прав супруги, обнадеживая Габриэль льстивыми письмами и через нее вымогая у Генриха щедрые взятки... Папа Климент VIII медлил. По городу и при дворе ходили о короле и фаворитке самые оскорбительные слухи, злоязычники не скупилась и на пасквилы.

Около 20 января 1599 года Генрих отправил в Рим письмо к его святейшеству, умоляя поспешить с разрешением развестись с Маргаритой. За это Генрих IV обещал быть вернейшим рабом папы и ревностным блюстителем интересов церкви. Посланники его в Риме, Силлери и д'Осса, задаривали кардиналов, торопили, грозили. История Генриха VIII английского, ради женщины отложившегося от римско-католической церкви, у всех еще была на памяти. Когда до слуха Климента VIII дошли слова посланников, что король в случае дальнейшей проволочки *обойдется и без папского разрешения*, папа сослался на приближавшийся Великий пост, в продолжение которого он усердно молился Богу *вразумить* его или *помочь* ему... В первых же числах апреля папа объявил приближенным, что Бог, вняв его молитвам, помог ему. Действительно, вскоре пришло известие в Рим о скоропостижной смерти Габриэли д'Эстре, герцогини Бофор: яд сделал свое дело, и гнусное убийство было богохульно названо проявлением Божественного промысла! В этом факте иезуитизм весь, как в зеркале...

Вот рассказы современников о таинственной смерти Габриэли. Приближался Светлый праздник, бывший в 1599 году 11 апреля. Герцогиня Бофор (Габриэль), будучи на четвертом месяце беременности и чувствуя себя нездоровой, прибыла вместе с королем в Фонтенбло на Вербной неделе. По настоянию духовника своего Рене Бенуа король на время Страстной недели решил отправить свою фаворитку в Париж, где она намеревалась говеть. Они распростились, оба заливаясь слезами, и по просьбе фаворитки Генрих проводил ее до Мо, откуда она отправилась водой. «Долго они плакали, – рассказывает очевидец Сюлли, – а разъехавшись в разные стороны, часто оглядывались и перекликались. При этом последнем расставании Габриэль поручала королю детей, весь свой дом, прислугу. Растроганного короля едва высвободили из объятий фаворитки маршал Орнано, Рокелор и Фронтенак». Все это происходило в понедельник Страстной недели, 5 апреля 1599 года. Прибыв в Париж, фаворитка остановилась в доме королевского банкира Цаметти, бывшего башмачника Генриха III, ныне страшного богача, не чуждого политическим интригам, друга и приятеля Фуке Ла Варенна, подобно ему, из ничтожества (Ла Варенн был поваром у сестры Генриха) достигшего должности королевского секретаря. Цаметти и Ла Варенн оба были учениками иезуитов и орудиями ватиканского кабинета во Франции. В дом Цаметти, «вертеп роскоши, распутства и злодейства», вступила Габриэль в сопровождении Ла Варенна одна, без свиты, без друзей... В этом роскошном жилище, с первого же взгляда показавшемся ей богато убранном гробом, фаворитка должна была готовиться к таинству причащения, размышлять о суете мирской и своих грехах, прислушиваясь к заунывному гулу церковных колоколов и шуму вечно живого города. Мы рассказывали об Анне Болейн в лондонском Тауэре: летописи сохранили нам подробности о ее предсмертной истоме и ужасе перед казнью; история записала даже последние ее слова... Но, сравнивая Анну с Габриэлью, нельзя не сознаться, что положение последней было ужаснее

и ее безмолвие, одиночество, безотчетный страх или, вернее, предчувствие были несравненно мучительнее.

Первым посетителем фаворитки был Сюлли, явный ее недоброжелатель; но и тому она была рада и, преодолевая отвращение, осыпала его любезностями, уверениями в дружбе, искреннем расположении... Лицемерила она или по долгу христианки перед исповедью мирилась с врагом? Ответ на этот таинственный вопрос фаворитка унесла с собой в близкую к ней тогда могилу. Уехавшего Сюлли заменила жена его, женщина сухая, чопорная, надменная. К ней Габриэль была еще ласковее и при прощании с ней выразила неосторожное желание видеть ее при отходе ко сну и при пробуждении (*ses levers et ses couchers*), что могла сказать только настоящая королева.

Жена Сюлли возвратилась к нему в совершенной ярости от обиды, и оба отправились в свое поместье Рони. Утешая жену, Сюлли сказал многозначительные слова: *«Дай срок, друг мой: туго натянутая струна скоро лопается...»*

После семейства Сюлли навестила полубольную Габриэль веселая, вертлявая, вечно живая принцесса Конти, если не любившая фаворитку, то, по крайней мере, умевшая ей ловко льстить, подражавшая ей в нарядах, в угоду ей носившая постоянно любимый Габриэлью зеленый цвет. Болтовня принцессы несколько рассеяла тоску фаворитки.

В среду, 7 апреля, Габриэль исповедовалась в церкви Св. Павла. Видимо, довольная исполнением священного долга, радуясь приближению праздника, Габриэль обедала с аппетитом, и тем большим, что ее амфитрион Цзаметти *потчевал ее любимейшими блюдами и лакомствами...* (В это самое время, вероятно, папа Климент VIII молился в своей ватиканской часовне.) После обеда Габриэль в портшезе, охраняемом капитаном Монбазоном, сопровождаемая дамами, отправилась в соседнюю домовую церковь к вечерне. Бывшая при ней мадемуазель де Гиз во время богослужения показывала ей самые радостные письма из Рима о скором разрешении королю сочетаться браком со своей возлюбленной, уверяя ее, что Генрих завтра же отправит в Рим преданного Габриэли Форте за давно желанным разрешением. Мадемуазель де Гиз сопровождала будущую королеву домой из церкви, откуда Габриэль вышла до окончания службы, жалуясь на головокружение и темноту в глазах. Дома фаворитка прогулялась по саду, потом скушала апельсин или немного салату и тогда-то, говоря, что ей хуже, упала, будто убитая громом. Ее перенесли в спальню, раздели, и она очнулась, но была как будто в оцепенении... Новые припадки не замедлили себя ждать: с фавориткой сделались жестокие судороги, во время которых с воплями, раздиравшими душу, она часто хваталась за воспаленную голову. Прошел кризис, и Габриэль настойчиво требовала у Ла Варенна, чтобы из «ненавистного» дома Цзаметти, «где бы ей не следовало останавливаться», ее немедленно перенесли к тетке ее, в монастырь Сен-Жермен, что и было исполнено.

Здесь слабой, дрожащей рукой она написала письмо к королю, заклиная его позволить ей приехать к нему не теряя ни минуты. Письмо это было отправлено в Фонтенбло с дворянином Пюиперу (Риуреугоух), преданным Габриэли. Чтобы сократить время ожидания, несчастная женщина стала было читать письма Генриха, с которыми никогда не разлучалась, однако же не могла из-за нового припадка, продолжавшегося до самой смерти. Предатель Ла Варенн написал королю два письма, в первом уведомляя его о болезни, а во втором уже о смерти Габриэли, всячески отговаривая его ездить к ней... Злодей боялся, чтобы его жертва не высказала королю тайны ее отравления. Но Пюиперу прибыл вовремя, и Генрих, прочитав письмо, в ту же минуту решил ехать к умирающей. Письмо Ла Варенна застало его в Эссонне, откуда по настоянию вельмож убитый, растерявшийся король поехал обратно в Фонтенбло. В аббатстве Соссэ, в Вилльжюифе, с Генрихом случился страшный нервный припадок, и он слег в постель...

Габриэль скончалась утром в субботу 10 апреля, несмотря на все старания доктора Ла Ривьера спасти ее. Бывшая при агонии придворная дама госпожа де Мартиг, приставая к умирающей с утешениями, громко читая отходную, ловко обирала с ее пальцев драгоценные

перстни, нанизывая их на свои четки. Габриэль умирала на руках Ла Варенна, и, по словам очевидцев, страдания ее были невыносимые, а судороги сводили ей рот к затылку, голову же заворачивали к пяткам. По трупам выступили пятна, что, по словам суеверов, было очевидным доказательством... не отравления, а «наваждения дьявольского». Ну разумеется! Тетка покойной, госпожа де Сурди, одела покойницу белым покрывом и положила ее на парадный одр пунцового бархата с золотыми галунами. Похороны происходили в понедельник 12 апреля в церкви Св. Германа Оксеррского или, как говорит д'Этуаль, в Мобюиссоне. Вскрытие трупа ничего не дало, что неудивительно при невежестве тогдашних анатомов и искусстве токсикологов: итальянские яды XVI века едва ли могли быть уловимы аппаратом Марша или современным микроскопом.

Ровно через семь месяцев после смерти Габриэли Маргарита прислала Генриху IV формальное отречение от своих прав супружеских и притязаний на королевскую корону.

В отчаянии Генрих возвратился в Фонтенбло и, выбрав из среды придворных Рокелора, Белльгарда, Фервака, Кастельно и Бассомпьера, всех прочих послал в Париж для отдания покойной последнего долга. За верным Сюлли в Париж был послан нарочный курьер. Друг короля встретил посланного с нескромной радостью, угостил его на славу, а прибежав к жене, самодовольно потирая руки, сказал ей: «Хорошая новость, друг мой! Теперь ты уже не будешь присутствовать при туалетах герцогини! – *струна лопнула!* Но, – прибавил он, – так как Бог ее прибрал, то и желаю ей всяких благ!...»

Прибыв к королю, верный Сюлли принялся утешать его, пустив в ход свое красноречие; хор придворных примкнул к нему, а Фервак имел даже смелость сказать Генриху IV, что смерть Габриэли чуть ли не милость Божия.

– Пожалуй, что и так! – невольно сорвалось с языка у доброго короля.

Впрочем, это не помешало ему наложить на себя траур: носить восемь дней одеяние черное и два с половиной месяца – фиолетовое. Парламент и иностранные посланники явились к королю с выражением участия к его душевной скорби; первый присовокупил к ним желание скорейшей женитьбы короля на принцессе королевского рода. Сестра Генриха IV, герцогиня де Бар, трогательным письмом уверяла его, что дети Габриэли заменят ей родных, а она заменит им мать. Благодаря сестру за участие, Генрих IV в своем письме отпустил фразу: «*Иссох корень любви моей и не даст более ростка никогда*». Это напоминает нам эпитафии с выражением желания скорого соединения, которыми неутешные вдовцы и вдовы украшают памятники жен и мужей, а сами вторично и третично женятся и замуж выходят.

В начале октября того же 1599 года Генрих IV уже был в связи с Генриэттой д'Антраг; в декабре сватался за Марию Медичи, в подарок которой послал драгоценности, *дешево* купленные у наследников Габриэли,⁵³ а через два года подарил супруге замок Монсо, принадлежавший той же фаворитке...

Займемся теперь вместе с Генрихом IV его новой любовью (по счету номер 35) Генриэттой д'Антраг, маркизой де Вернейль. Коризанда была здоровенной, толстой бабой, Габриэль д'Эстре – миловидной, грациозной женщиной, в Генриэтте король встретил демона в образе женщины... Очень приятная встреча.

⁵³ Сообщая о своей покупке государственному контролю, Генрих IV выражается хотя и не совсем деликатно, зато совершенно справедливо: «Сие сберегает нам значительные расходы». Не то ли самое говорят и расчетливые вдовцы, даря вторым женам драгоценности своих первых жен?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.